

II ТИХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы краеведческой
научно—практической конференции*

Брянск
2009

Управление культуры Брянской области
Брянская областная научная универсальная
библиотека им. Ф.И. Тютчева

II ТИХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы краеведческой
научно-практической конференции

12 ноября 2007 г.

Брянск
2009

ББК 63.3(2Рос-4Бря)
Т46

Редакционная коллегия:

Г.И. Кукатова - ответственный за выпуск

В. П. Алексеев

В. Г. Деханов

О.П. Кокунько

В.Е. Щедрова – компьютерная верстка

Тихановские чтения (2; 2007; Брянск).

Т46 II-е Тихановские чтения : Матер. науч.-практ. конф. : 12 ноября 2007 г. /
Брян. обл. науч. универ. б-ка им. Ф.И. Тютчева. - Брянск, 2009. – 202 с. : ил.

ББК 63.3(2Рос-4Бря)

Доклады воспроизводятся с полным сохранением содержания, предоставленного авторами текста.

© Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И. Тютчева, 2009

К.В. Сычев,
*старший научный сотрудник
Брянского государственного
объединенного краеведческого музея*

Князь Роман Глебович

Князь Роман Глебович, прибывший на княжение в Брянск в 1314 году, был вторым по старшинству сыном великого смоленского князя Глеба Ростиславича. Доселе он не имел собственного княжения, хотя обладал некоторыми городами и поместьями в Смоленском княжестве, в числе которых Торопец и Смядынь под Смоленском.

Князь Роман в то время пользовался заслуженной славой и уважением на Руси. Не притязавший на богатства и власть, он довольствовался малым, но на поле брани был отважен и обладал большими полководческими способностями.

При жизни его отца, умершего в 1277 году, князь Роман прошел славную боевую школу в его дружине, а затем служил и старшему брату – великому смоленскому князю Александру Глебовичу. Вместе с ним он уходил из Смоленска в 1293 году в Брянск, когда последний их дядя, Федор Ростиславич, изгнал их оттуда; вместе с ним он занимал Смоленск в 1297 году, когда Александр Глебович вступил в город, воспользовавшись отсутствием князя Федора и сговорившись со смоленским епископом.

Летом 1298 года князь Роман Глебович сражался против войск князя Федора Ростиславича и татар у стен Смоленска, в результате чего его брат Александр сохранил за собой великое смоленское княжение [1], а разбитый и униженный князь Федор ушел к себе в Ярославль, где вскоре и умер (1299) [2].

Но особенно жестокая битва, в которой принимал участие князь Роман Глебович, произошла в 1300 году под Дорого-

бужем. Здесь столкнулись войска великого смоленского князя Александра Глебовича с ратью его непокорного вассала, князя Андрея Вяземского. Битва закончилась трагично: «И оубиша оу Александра сына, а самого и брата Романа раниша, а смолнян оубиша 200 человек», – констатировал по этому случаю летописец [3].

Еще ранее, в 1293-94 годах, князя Романа Глебовича приглашали новгородцы в качестве полководца против исконных врагов Великого Новгорода – «немцев свейских», то есть шведов. Правда, летописец отмечает, что Роман Глебович был послан к новгородцам великим князем суздальским Андреем Александровичем [4], однако в ту смутную эпоху, когда великие суздальские князья часто менялись и погрязли в междоусобной борьбе, без согласия новгородцев назначение их полководцем Романа Глебовича было бы невозможно. Как сообщает летописец, будущий брянский князь Роман был отправлен новгородцами «в Корелу», на осаду поставленного шведскими захватчиками на новгородской земле городка. Вместе с Романом Глебовичем на осаду вражеской крепости пошли новгородские знатные люди Юрий Михайлович, Иван Клекович и тысяцкий Андрей. Компания, однако, оказалась неудачной. Из-за нехватки продовольствия, плохой подготовки к походу, ратники князя Романа испытывали жестокую нужду и даже голод. Не было даже стенобитных машин, и русские безуспешно штурмовали хорошо защищенную крепость, теряя людей. Защитники же, скрываясь за крепостными стенами, метко стреляли во врагов. В конце концов, им удалось даже застрелить «Ивана Клековича, велика и храбра и славна мужа...и многих раниша» [5]. Когда же начался голод и падеж лошадей, князь Роман Глебович принял решение «уйти во своя си» [6].

И, тем не менее, несмотря на неудачу, новгородцы не посчитали князя Романа виновником случившегося, его авторитет от этого только выиграл: о князе Романе пошла слава, как о полководце, бережливом и заботливом по отношению к своим войнам. В дальнейшем, в 1311 году, новгородцы еще раз приглаша-

ли этого князя к себе, но последний послал к ним на войну со шведами своего сына Дмитрия [7].

К тому времени как брянские бояре пригласили Романа Глебовича на княжение в Брянск, он уже был опытным полководцем, испытавшим не только радость побед, но и горечь поражений.

В конце 1313 года скончался его старший брат – великий смоленский князь Александр Глебович – и князь Роман вновь проявил скромность и покорность воле старшего, признав наследником умершего, его сына Ивана, а сам остался лишь владельцем поместья Смядынь и небольших смоленских городков.

Князь Иван Александрович, унаследовав Смоленск, несмотря на доброжелательность своего дядьки Романа, все же чувствовал его старшинскую опеку, ею тяготился и, когда по воле умершего брянского князя Василия брянские бояре прибыли в Смоленск, великий смоленский князь не возражал: седовласый Роман Глебович получил, наконец, собственное удельное княжение.

Правление князя Романа в Брянске не омрачалось никакими бедами. Судя по всему, брянский князь добился в Орде ярлыка на брянское княжение, регулярно выплачивал татарам установленный «выход» мехами и серебром, и сам выезжал в Орду с «почтением до царя».

Вплоть до 1321 года его имя в летописных источниках не упоминается. Однако в том году случилось нечто чрезвычайное. В Брянск приехал галицкий князь Лев Юрьевич, тесть князя Романа Глебовича, с просьбой о помощи против Литвы. Литва в это время активизировалась, и воинственный Гедимин занял многие галицко-волынские города, подступив, наконец, к последнему владению князя Льва Юрьевича – городу Луцку. Воспользовавшись бегством князя Льва, Гедимин «замок Луцкий и инныи пригородки старостами своими осадил и обваровал...» [8].

В следующем, 1322 году, когда Гедимин покусился на киевские земли, против него выступила коалиция русских князей. К войску князя Станислава Киевского присоединились переяславльский князь Олег, луцкий князь Лев Юрьевич и его зять – Роман Глебович Брянский. Последний не устоял перед просьбами Льва Луцкого и решил помочь ему вернуть отнятую литовцами вотчину.

Объединенное русское войско, заручившись поддержкой татар, перешло Днепр и выстроилось на берегу реки Ирпень, неподалеку от Киева [9].

Великий князь литовский Гедимин действовал решительно и беспощадно. Его, хорошо подготовленное и знавшее противника войско, сразу же ударило во фланг союзникам – по наиболее слабым полкам князя Станислава. Киевский князь не выдержал, «почал назад уступовати, а литва на них притирала сродзе» [10]. В жестоком сражении погибли князья Олег Переяславльский и Лев Луцкий, а князь Станислав «ажь на Резань утекл с проигранной битвы с князем Романом бранским» [11].

Отход на Рязань названных князей был связан с тем, что литовские войска перерезали им дорогу на север – в сторону Брянска.

Так трагически закончился последний поход князя Романа Глебовича: из Рязани он уже не вернулся, скончавшись там вскоре то ли от ран, полученных в сражении с литовцами, то ли от морального урона или «позора поражения», пережить какой он не смог.

Литература

1. Полное собрание русских летописей (в дальнейшем – ПСРЛ). Т.10. Никоновская летопись. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 171-172.
2. Там же. С.172;
3. ПСРЛ. Т.28. Московский летописный свод. – М. – Л. : Наука, 1963. – С. 64.

4. ПСРЛ. Т.10. – С. 170: «Того же лета князь велики Андрей Александрович посла князя Романа Глебовича съ Новгорода, и Юрья Михайловича, и Андрея тысячцаго ко граду Свейскому...»

5. Там же.

6. Там же. С.171.

7. ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. – М. : Наука, 1965. - С. 102: «...ходиша Новгородци съ князем Дмитрием Романовичем на Немецкую землю, на Емь, и земли их повоева-ша...».

8. ПСРЛ. Т. 32. Хроника Литовская и Жмойтская. – М. : Наука, 1975. – С. 37.

9. Там же.

10. Там же. С.38.

11. Там же.

Н.Л. Кочегарова,
*доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Российского государственного открытого
технического университета путей сообщения*

Основные направления деятельности благотворительных обществ в Брянском крае на рубеже XIX-XX веков

На территории нынешней Брянской области оставил свой замечательный след благотворительной деятельностью целый ряд промышленников и предпринимателей: братья Могилевцевы, супруги Тенишевы, С.И. Мальцов и др. Но не меньшую роль в призрении нуждающихся на рубеже XIX-XX веков сыграли несколько благотворительных обществ.

Карачевское Городское Благотворительное Общество было создано в 1898 году, а Детский приют при нём, главное детище этого общества, возник в 1902 году. Создательницей и бессменной заведующей приютом была Екатерина Алексан-

дровна Музалевская, её основным помощником – И.А. Сытин, а почётным попечителем – И.А. Меньшиков.

В 1908 году на попечении Приюта состояли 30 детей, а в 1909 году – 29.

При Приюте была организована белошвейная мастерская, которая выполняла заказы, чем зарабатывала определённые суммы для содержания приюта. Е. Музалевская считала, что, устраивая такую мастерскую, нужно преследовать двоякую цель:

- обучить всех более или менее способных воспитанниц ремеслу, дав им в будущем самостоятельный заработок; они смогут со временем, сидя дома, в своей семье, белошвейным ремеслом кормить её;

- чтобы приют, имея мастерскую, зарабатывал хоть сколько-нибудь в помощь на содержание, так как он существовал исключительно случайными пожертвованиями, не имея почти ничего определённого.

Кроме заработка, швейная мастерская имела громадный смысл в деле воспитания: все более или менее способные к этому ремеслу могли изучать его дома, и видеть постоянную и горячую работу старших, что благотворно влияло на их ум и характер. Старшие воспитанницы шили и вышивали гладью хорошо и, не получая ничего, кроме содержания, всегда весело работали на свой приют, иногда и за полночь, чтобы исполнить спешный заказ. Младшие воспитанницы под руководством смотрительницы приюта П.Н. Карцевой занимались домашней работой: шили одежду, вязали, исполняли заказы на фители свечному заводу, клеили пакеты в булочную, выделявали перо, работали в кухне, мели двор, поливали и пололи огород.

Деля отчётный доклад за 1908 год, Е. Музалевская предложила членам Общества выразить своё мнение по поводу того, есть ли смысл вести мастерскую в приюте или же оставить его на том положении, что только кормить детей, учить грамоте и, мало-мальски подросших, отдавать на практику и впоследствии – в услужение. Последнее легче, меньше затрат, меньше хлопот,

но и меньше смысла в самом деле. Хотя и те воспитанницы, которые уже были отданы в услужение, не считали себя выбывшими из приюта, они приносили свой заработок, который хранился в сберегательной кассе на их приданое. Они приходили за советом, отдыхать в свой родной дом, каким они считали приют, который со своей стороны считал их старшими детьми и считал долгом продолжать своё попечение и влияние на них до тех пор, пока на то укажет надобность.

Случалось, что дети выбывали из приюта, не достигнув соответствующего возраста. Так, в течение 1908 года выбыло пять детей. Они были переданы родителям, которые сами определили их на месте. В числе выбывших были и два мальчика, один из которых поступил работать в парикмахерскую, а другого взял бездетный крестьянин в дети, и он исполнял посильные полевые работы, а по праздникам прибежал за четыре версты в приют. В 1909 году одна воспитанница выбыла к родственникам, одна выдана замуж (Комитет Общества ассигновал на это 100 рублей). 4 ноября 1909 года воспитанницу Анну Собакину перевенчали с Афанасием Сазоновым. Товарищ Председателя М.П. Смирнов принимал живое участие в этом: благословлял за отца иконой, провожал в церковь и приехал поздравлять молодых в их новом жилище. Некоторые дамы (Скорбилина, Мартынова, Меньшикова, Городецкая, Светославская) помогали в устройстве приданого, дарили платья и пр. Члены Комитета В.В. Козьмин и П.А. Сазонов жертвовали деньгами. Таким образом, сирота, благодаря приюту, шла в новую самостоятельную жизнь благословенная и напутствуемая отеческими и дружескими пожеланиями. На место выбывших в приют тот час же поступали новые дети.

Материальное положение приюта в начале XX века было терпимым. Даже капитал Фомина 2000 рублей и 500 рублей, пожертвованные Г. Дракиным, остались не тронутыми. Одним из крупных жертвователей в 1908 году был новый член Общества Филипп Григорьевич Михин, человек почтенный, не имевший ничего общего с Карачевым, но проникнутый Христианской

идеей любви к ближнему и воспитанию детей, лишённых родительских забот и материнской ласки. Одними из крупных жертвователей в 1909 году были наследники Т.М. Бочарова, выдавшие на приют по завещанию покойного 100 рублей. Его имя было записано в Детском приюте на вечное поминовение, а 100 рублей внесены в Городской Банк в уплату оставшегося ещё долга за дом. Одного из очень больших пожертвований приюту приходилось добиваться с большим трудом. Речь идёт о завещанных Михаилом Петровичем Авраамовым приюту 5000 рублей, которые могли быть выданы приюту по воле покойного завещателя не позднее 12-ти лет, но могли и раньше, по желанию наследников. Поэтому Е. Музалевская обращалась к ним с просьбой о передаче приюту этих денег. Чем это закончилось, нам неизвестно. Пожертвования делали банки, уездная земская управа, Общество офицеров 36-й Артиллерийской Бригады и др.

Для усиления средств Приюта устраивались гулянья в городском саду, спектакли и вечера, лотереи-Алегри. В пользу приюта делались кружечные сборы в церквях. Поступали деньги за аренду флигеля и от продажи ягод.

Многие жители Карачева жертвовали приюту продукты питания, различные гостинцы к праздникам.

Свой личный труд жертвовали две учительницы: Павла Ивановна Собакина и Раиса Никитична Дракина. Они окончили курс восьмиклассной гимназии и с начала учебного года ежедневно посещали приют, обучая детей грамоте и, кроме того, вели с ними религиозно-нравственные беседы. З.Н. Светославская посвятила себя заботам в отношении здоровья детей, часто посещала их, следила за заболевшими, лично водила их к докторам и следила за исполнением лечения.

С обучением грамоте не всегда всё складывалось хорошо. Так, в 1909 году одна учительница вышла замуж, другая заболела, а новых, пожелавших посвятить себя этому делу, не оказалось. Хотя все дети были грамотны, младшим, вновь поступившим, не с кем было заниматься.

Медицинскую помощь приюту оказывала новая земская больница.

Кроме приюта, на попечении Общества были бедные семьи, получавшие единовременные и ежемесячные пособия.

Городская управа Карачева ежегодно выдавала к Рождеству и к Святой неделе 500 рублей, а мещанская управа – 190 рублей, проценты с капиталов, оставленных благотворителем Сытиным для раздачи бедным. Таким образом, Комитет Карачевского Городского Благотворительного Общества имел для раздачи около 700 рублей ежегодно. Передавая эту сумму Благотворительному Обществу, Управа предполагала, что ему лучше известны нужды людей, к нему обращаются со всех концов Карачева за помощью и ему известно семейное и материальное положение обращающихся. И действительно, 11 попечителей Общества имели своих подопечных, которым они раздавали часть суммы.

Но были районы Карачева, которые попечители не желали брать на своё попечение. И председательнице Общества было трудно точно уяснить нужды, выдать пособие по справедливости, то есть узнать наверняка, кому в каком размере оказать помощь. Один из участков, например, состоял из 16-ти кварталов на окраине города, там было много бедных. Председательница просила членов Общества, особенно дам, помочь: взять по одной семье на своё попечение, так, чтобы, вникнув в её нужду, оказывать ей помощь не только в праздники, но и в течение всего года.

В Уставе Общества был параграф, предлагавший помогать не деньгами, а приисканием работы, определением детей в учение и пр. Целесообразным считалось оказывать такую помощь 10-12 семьям. Если в этом случае нужны были деньги, то член Общества, доложив Комитету, всегда мог рассчитывать получить деньги для опекаемой им семьи, а если их не случилось в кассе Общества, устраивалась сообща подписка или вечер исключительно для этой семьи.

Члены Комитета не ограничивали свою деятельность подачей «на кусок хлеба», но по мере возможностей и средств, выдавали пособия на лечение, поправку кровли жилищ и т.д.

Деятельность Карачевского Благотворительного Общества была замечена и в губернии и членами царской семьи. Так, на заседании общего собрания членов Общества 4 июня 1910 года Е.А. Музолевская прочла «извещение Его Превосходительства господина Орловского губернатора о том, что Его Императорское Величество соизволило разрешить Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Михаилу Александровичу принять звание Почётного члена Карачевского Городского Благотворительного Общества». Почётными членами Общества в течение ряда лет были: бывший Орловский Губернатор Александр Николаевич Трубников, купец Михаил Петрович Боев, Председательница Общества Е.А. Музалевская, а также К.А. Балясный и С.К. Хитрово. До смерти в 1908 году Почётным членом общества был также Иван Сергеевич Кронштадский. В 1910 году Почётным членом избрали Ф.А. Балашова, оказывавшего услуги Обществу более 10-ти лет.

Количество действительных членов Общества постоянно возрастало. Например, в 1908 году, их было 39, а в 1909 году – уже 48 человек.

12 ноября 1898 года губернатор Орла в звании Камергера Трубников разрешил учредить в селе Дятковке Брянского уезда **Дятковское Благотворительное Общество**. В уставе общества было записано, что оно имеет целью доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния беднейших жителей села Дятково, а при расширении средств район деятельности общества мог распространяться на «жителей и других заводов и фабрик Акционерного Общества Мальцовских заводов».

Помощь Общества могла выражаться:

а) снабжением одеждой, пищей и приютом неимущих, если они не могут приобретать их собственными трудами, равно выдачею им, в крайнем случае, денежных пособий;

б) снабжением бедных больных медицинскими пособиями, под наблюдением врача, на дому, а также помещением таких больных на счёт Общества в больницы и содействием к погребению умерших.

Для того чтобы выполнить эти задачи, Обществу по мере развития его средств предоставлялось право открывать общественные столовые, чайные, дешёвые квартиры, ночлежные дома, убежища, приюты, общежития, дома трудолюбия, больницы, амбулатории и тому подобные заведения.

Средства Общества состояли из: членских взносов; доходов от капиталов и имущества Общества; пожертвований членов Общества и посторонних лиц, а также различных учреждений, как деньгами, так и вещами, и отказов по духовным завещаниям; доходов от устраиваемых Обществом, с надлежащего каждый раз разрешения и с соблюдением правил, установленных узаконениями и особыми административными распоряжениями, драматических представлений, литературных чтений, публичных лекций, концертов и т.п.; сборов по подписным листам и книжкам, выдаваемым для этого членам Общества, допускаемых, однако, без особого разрешения, лишь под непременною условием отсутствия всякой публичности.

Доходы со специального капитала обращались исключительно на определённое специальное назначение.

Количество действительных членов Общества неуклонно уменьшалось: со 135 человек в 1901 году до 53 человек в 1912 году, а увеличилось до 98 человек – в 1914 году. Ежегодно в Общество вступало 4-7 человек, а максимальным вступлением новых членов был отмечен 1912 год – 50 человек!

Председателем Общества вначале была Л.О. Шешминцева, в 1907 году – Я.П. Слабошевич, в 1909 году – Густав Карлович Зелиг, а с 1910 года – Павел Дмитриевич Козицын. Секретарём Общества до 1907 года был А.М. Эндауров, а затем Фёдор Карлович Бреденфельд. Практически бессменным казначеем Общества был М.Н. Виноградов, и лишь в 1914 году его сменил В.Д. Каменев.

Капиталы Дятьковского Благотворительного Общества складывались из процентов по ценным бумагам и вкладам, пожертвований от Л.К. Шешминцева, И.С. Мальцова, А.И. Мамонтова, Виттенберга, Дунаевского, Верещанского, Г.К. Зелига, Э.Л. Нагурского, князя Юсупова, Вивельберга, от действительных членов, от агентов страховых обществ, от Брянской земской управы, от членов кружка семейных вечеров, от разных лиц, от Главного управления по древонасаждениям, от Комитета общества народной трезвости, от кружка любителей драматического искусства, от Правления АО Мальцовских заводов, а также от спектаклей и лотерей, продажи продуктов питания (телятины, масла, овощей, кур, ягод, яблок, капусты, молочных продуктов), от копчения окороков, продажи пожертвованных вещей, рассады, семян, от аренды Народного дома, сборов от народных чтений, платы за чтение книг в народной читальне, продажи билетов в кинематограф.

Начиная с 1903 года, весьма значительной статьёй поступления средств в Общество стала лотерея, дававшая ежегодно от 1031,26 рубля до 1431,60 рубля.

Единственным стабильным жертвователем Общества был его почётный член И.С. Мальцов, который, начиная с 1903 года, ежегодно вносил в кассу Общества по 180 рублей. Его имя носило Дятьковское Благотворительное Общество. В 1912 году разовый крупный взнос сделал Э.Л. Нагурский (300 рублей). Почти ежегодно помощь в размере 100 рублей оказывала Обществу Брянская земская управа. Трижды (в 1909, 1910 и 1914 годах) весьма значительные суммы (от 1000 до 5600 рублей) вносило Правление АО Мальцовских заводов.

В богадельне, открытой Обществом, призреваемые сильно трудились, и этот труд также приносил определённые доходы от продажи мясных и молочных продуктов, яиц, овощей, фруктов, рассады и семян.

Самыми значительными статьями расхода были содержание пенсионеров и богадельщиков. Количество призреваемых богадельщиков в богадельне Общества колебалось от 18 (в 1907

году) до 24 человек (в 1914 году). Больше всего выбыло по разным причинам в 1901 году, а в 1907 и 1911 году из богадельни не уехал никто. С учётом того, что в богадельне призревались старые, больные, немощные люди, можно сказать, что смертность там была невысока – 1-2 человека, и то не каждый год. Таким образом, богадельня вполне справлялась с возложенными на неё задачами, и средств, собранных Благотворительным Обществом на её содержание, вполне хватало.

Что касается открытой формы призрения, то она выражалась, в основном, в выдаче пенсий и единовременных пособий (на похороны, свадьбу, покупку лошади или коровы, ремонт или строительство дома, погорельцам, на Пасху, Рождество, на питание и т.д.).

Больше всего пенсионеров (94 человека) имело Общество в 1907 году, однако в отчётах последующих лет указаний о пенсионерах нет вообще. Больше всего нуждающихся (591 человек) получили единовременные пособия в 1910 году.

Иногда Общество оказывало помощь посторонним, например, в 1903 году оно выдало единовременные пособия людиновским погорельцам.

О проведении народных чтений упоминается в отчётах Общества лишь за два года (табл. 1).

Таблица 1

Количество жителей Дятькова, посещавших народные чтения, организованные Обществом

Показатель	1901 год	1903 год
Проведено чтений в течение года	33	21
Их посетило: всего	10228	3929
в том числе женщин	3353	1658
мужчин	3369	1290
детей	3506	981

Большой популярностью пользовалась среди жителей библиотека (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика работы народной библиотеки

Показатель	Год						
	1903	1907	1909	1910	1911	1912	1914
Число подписчиков	77	98	90	79	68	90	81
Взято книг	1879	1411	1518	809	715	1798	900
Ежедневно посетителей	-	15-20	10-12	5-6	3-4	3-4	5-6
Посещений за год	-	5135	3500	1500	1000	1000	1500

Больше всего подписчиков, ежедневных посетителей и посещений библиотеки за год было в 1907 году. Наименьшую активность проявили читатели в 1911 году.

Клинцовское Общество пособия бедным было основано в 1904 году. На 1 января 1912 года в нём состояло 278 членов: 3 почётных и 275 действующих (в том числе 5 пожизненных). 21 августа 1912 года на заседании Правления были избраны: Председатель М.Н. Самойлов, Товарищ Председателя Н.И. Федотова, казначей Н.А. Федотов и секретарь К.Д. Барышников.

Примечательно, что среди пожизненных и действительных членов Общества было очень много лиц, проживавших в других городах и даже за границей (в Цюрихе, Праге, Варшаве, Москве, Ростове-на-Дону, Киеве, Александровске, Одессе, Бердичеве, Астрахани, посёлках Мизаричи и Ардонь, а также в населённых пунктах нынешней Брянской области: Сураже, Новозыбкове, Унече, Красном Роге).

Средства Общества в 1912 году складывались из следующих статей. Поступали членские взносы (от 3 до 10 рублей) и пожертвования (по квитанционной книжке, от Собрания фабрикантов и от частных лиц). Общество получило от душеприказчиков по духовному завещанию умершего Дмитрия Васильевича Барышникова завещанные в неприкосновенный капитал 20000 рублей и в капитал родителей покойного Василия и Ма-

рии Барышниковых, а также умершей первой супруги его Евдокии Ивановны на приют для сирот и бедных детей 3000 рублей. Согласно духовному завещанию, обе эти суммы были внесены для хранения в Клинцовское Городское Управление. Из кружечек, установленных в театре Патэ, Общественном Банке, Волжско-Камском Банке, Русско-Азиатском Банке, в Казначействе, в конторах у нотариуса А.И. Чикилевского и Податного Инспектора, в канцелярии пристава было вынута 121,26 рубля (на 90,31 рубля больше, чем в 1911 году). Были получены проценты с капиталов (по вкладным билетам Общественного Банка, по купонам государственной ренты, по купонам Клинцовского городского займа, по книжке сберегательной кассы); деньги поступали от спектаклей, от городской управы.

При Обществе были школа и приют. На них также поступали различные средства.

В 1906 году Общество, идя навстречу ощущавшейся в посаде нужде в начальных школах, постановило открыть начальное училище. Оно было открыто 2 октября 1906 года и в 1912 году, за шесть лет своего существования, дало пять выпусков с 88-мью окончившими курс.

Ситуация с содержанием училища усложнялась тем, что в 1912 году уже шло строительство Приюта для детей, который должен был начать действовать в 1913 году, и в бюджет Общества вносились новые статьи расходов. Такой же вопрос заставило поднять положение дел и в Новозыбковском Обществе, ибо там тоже содержание школы поглощало весь приход Общества, и последнее на чрезвычайном собрании 23 апреля 1912 года решило закрыть школу, а вместо неё в том же здании открыть приют для детей.

Это было правомерным, потому что к 1912 году начальное народное образование было поставлено в новое положение: забота о нём стала обязанностью городского и земского самоуправления. Города и Земства, получая казённую субсидию на жалованье обучающему персоналу начальных школ, обязаны были давать всем детям возможность бесплатно учиться в

начальной школе. Таким образом, с возложением на города обязанности всеобщего начального обучения, другие организации, имевшие и содержавшие начальные школы, могли считать свои задачи выполненными. Они сделали всё, что могли и уступили поле своей добровольной деятельности на ниве народного образования тем, на кого это было возложено законом.

Общество предполагало тех детей, которые будут выпускать городские школы, научить какому-нибудь полезному делу или ремеслу и дать им возможность войти в жизнь не простыми работниками, а знающими какое-либо ремесло, знакомыми с какой-либо специальной отраслью домашнего хозяйства. Помещением для такой школы могла стать начальная школа при Обществе, контингент учащихся могли бы составить те сироты, которые будут воспитываться в приюте и которых обязательно нужно чему-нибудь научить.

В Клинцах не было специальной рукодельной школы, каковая существовала и процветала при Новозыбковском благотворительном Обществе, не было кулинарной школы или школы домоводства, каковая существовала, например, в Киеве при Лукьяновском участковом попечительстве о бедных. Полезно для каждого мальчика в жизни сапожное мастерство. Возможны специальные художественно-рисовальные классы. Оканчивая начальную школу в 12-13 лет, дети два-три года оставались без всякого дела, ибо они до 15 лет не могли поступить на фабрику. Вот эти годы можно и нужно было использовать, чтобы научить детей какому-нибудь ремеслу. М.Н. Самойлов считал, что против перепрофилирования школы из общей в профессиональную не могут ничего иметь ни городское Управление, ни те многочисленные жертвователи, усердием и средствами которых в 1906 году было возведено здание школы. Поскольку ремесленному образованию к 1912 году пришлось на помощь Правительство, можно было рассчитывать на получение постоянного пособия от казны, а может быть и от города и земства.

Осенью 1911 года, например, в Земском Собрании рассматривался вопрос об открытии сапожной, шорной и чемодан-

ной учебной мастерской в селе Гордеевке, где за это дело взялся местный деятель Г.С. Булацель, который надеялся получить от казны субсидию на постройку, оборудование и содержание этой мастерской.

Учительский персонал школы состоял из заведующей Е.Р. Дьяковской, законоучителя отца Петра Крутикова, второй учительницы Е.В. Лутчевой, третьей учительницы В.В. Лутчевой и учительницы рукоделия П.М. Карташёвой.

В школе учились, в основном, дети мещан, преобладало православное вероисповедание (см. табл. 3).

Таблица 3

Состав учащихся начальной школы при Клинецовском Обществе
пособия бедным

Группа учащихся	На 1 января 1912 года	На 1 января 1913 года
Всего учащихся в школе	146	149
Мальчиков	69	70
Девочек	77	79
Христиан: православных	76	78
старообрядцев	56	57
лютеран	2	-
Евреев	14	14
Детей мещан	98	102
крестьян	45	45
личных почётных граждан	3	2

На 1 января 1913 года в библиотеке было книг для чтения – 652 названия в 700 томах, в учительской библиотеке – 51; учебные руководства (18) и учебные пособия (183) по Закону Божьему, русскому языку, арифметике, физике, географии, естествознанию, истории, чистописанию.

В 1912 году был произведён пятый выпуск учащихся: 21 ученик (10 мальчиков и 11 девочек). Экзамен 4-5 мая проводил

Председатель правления общества М.Н. Самойлов. Из окончивших школу один мальчик поступил в Городское училище.

Большое внимание Общество уделяло также обучению взрослых. Так, 28 октября 1907 года были открыты классы для взрослых с курсом начальной народной школы. Занятия проходили только по воскресеньям с 12 до 15 часов. Заведовал классом отец Иоанн Чередников. Учебный год начался 23 октября 1911 года и закончился 11 марта 1912 года. Учебных дней было 18, учебных часов – 54. Учащимися записались 56 человек (30 мужчин и 26 женщин). Из них: православных – 21, старообрядцев – 35; фабричных рабочих – 25 мужчин и 18 женщин; 1 портной, 1 кузнец, 11 домохозяев (3 мужчины и 8 женщин). В 1911-1912 учебном году преподавали А.И. Куриленко, И.И. Смелницкая, И.К. Абрамов и И.Л. Карлов.

В 1912 году народные чтения проходили в помещении школы Общества по воскресеньям и праздничным дням в 16 часов. На 14-ти чтениях было прочитано 17 брошюр. По характеру содержания чтения распределялись так: религиозно-нравственные – 13, исторические – 12, беллетристические – 12, географические – 10. Чтения по русской истории и географии сопровождалась световыми картинками, предоставленными для чтения В.М. Сапожковой, которая пять лет приходила на помощь народным чтениям, предоставляя световые картинки, наглядно иллюстрирующие чтения и тем самым способствующие лучшему усвоению и запоминанию прочитанного. Из посетителей чтений было взрослых: 1405 мужчин и 1249 женщин; подростков: 435 мужчин и 673 женщины (всего 3762 человека).

При школе была столовая. В 1912 году столовой заведовали Н.И. Федотова и П.С. Никитина.

Клинцовское Общество пособия бедным внесло важный вклад в призрение детей-сирот, организовав детский приют. Для приюта Общество имело в 1912 году капитал на содержание, пожертвованный Дмитрием Васильевичем Барышниковым (13000 рублей). Согласно его воле, приют носил название «Дет-

ский приют в память Валентины Дмитриевны Волковой и Виктора Дмитриевича Барышникова».

Содержание детей в приюте предполагалось самое скромное и простое, как в отношении обстановки и одежды, так и в отношении пищи, но последняя должна была быть сытной и здоровой. Нельзя было забывать, из какой среды взяты дети и в какую среду они возвратятся после приюта, и поэтому их надо было не только содержать просто, но и всячески приучать к труду, воспитывать их для предстоящей им трудной жизни, в постоянном сознании необходимости труда, с возложением на них всех посильных по их возрасту и силам работ по приюту: всё, что только можно, по приюту должны были делать сами дети, как делают члены бедной семьи по дому. При этом детей особенно приучали к чистоте, опрятности, вежливости. Дети учились верить в Бога, надеяться на Бога и любить Бога и ближних. Наряду с воспитанием религиозного чувства и нравственных начал не упускалось из виду и национальное и патриотическое воспитание: детей учили сознавать себя русскими, любить своё Отечество и быть преданными своему Государю.

Разрешалось принимать в приют детей в возрасте от 3 до 10 лет, но в особо уважительных случаях Правление могло принять детей любого возраста. В приюте дети оставались до окончания начальной школы и до приискания им соответствующего места, но, во всяком случае, не далее 15-ти лет.

По достижении школьного возраста дети должны были посещать школу Общества пособия бедным или иную. При оставлении приюта призреваемых снабжали необходимым бельём и платьем.

Правление рассчитывало, что отзывчивые на всё доброе клинчане не оставят без доброго внимания новое учреждение Общества и помогут ему как в деле оборудования приюта, так и в содержании его. Найдут себе место пожертвования и припасами, и вещами, и материалами, и другими предметами домашнего и хозяйственного обихода. Правление надеялось на то, что добрая отзывчивость сограждан встретит новое и первое сирото-

питательное учреждение щедрыми доказательствами своего расположения. Без широкой материальной помощи со стороны всех членов Клинецовского Общества на один общий расходный капитал оборудовать и содержать приют было невозможно.

Необходимо было решить ещё один вопрос – о материальном содействии Обществу в содержании приюта со стороны города и земства. Правление имело полное право обратиться к Городской Думе и к Земству с просьбой о назначении приюту ежегодной субсидии, так как попечение о призрении сирот и по закону принадлежит к обязанности Городского Управления и Земских учреждений (п. 5 ст. 2 Городского Положения и п. 7 ст. 2 Положения о Земских Учреждениях).

Клинецовское Земство выдавало такие пособия детскому приюту в селе Заборье (100 рублей) и Черниговским приютам для девочек (50 рублей) и мальчиков (25 рублей).

23 декабря 1912 года чрезвычайное Общее Собрание членов Общества закрытым голосованием большинством 52 против 8 постановило: школу и приют Общества передать на два года в пользование мужской гимназии.

Клинецовское Общество выдавало ежемесячные и единовременные пособия нуждающимся. Так, в 1909 году ежемесячных пособий было выдано на сумму 1412 рублей, в 1910 году – 2037 рублей, в 1911 году – 2764,50 рубля. На 1 ноября 1912 года было выдано на 186 рублей в месяц, а на 1913 год предполагалось выдать 2400 рублей ежемесячных пособий. В 1909 году было выдано единовременных пособий на 459,53 рубля, в 1910 году – 440 рублей, в 1911 году – 232,50 рубля, а в 1913 году – 357 рублей.

Пособия выдавались частью деньгами, частью провизией из лавки М.Г. Балакина.

С 1894 года **при Брянском заводе в Бежице** действовало благотворительное общество для оказания помощи бедному населению. В 1911 году оно насчитывало 1550 членов. Помощь нуждающимся оказывалась Обществом в различных видах: выдавались пособия, работала народная столовая, похоронная кас-

са и приют для сирот и престарелых. Пособий с 1894 по 1910 год было выдано на сумму 174542 рубля, похоронной кассой – 39083 рубля.

В 1905 году открылся приют для сирот – детей бывших членов этого Общества. Уже в первый год его работы прибыло 36 детей в возрасте от 3 до 14 лет. В приюте сироты обучались грамоте, навыкам ведения домашнего хозяйства и какому-либо ремеслу: изготовлению искусственных цветов, бумажных пакетов для больницы и аптеки, вязанию чулок на машинке и др. Летом дети работали в саду и огороде.

В 1908 году в Обществе значились 13 почётных членов, 18 пожизненных, 395 действительных, 1246 благотворителей и 18 не вполне оплативших членские взносы. Почётной Председательницей Общества была княгиня Мария Клавдиевна Тенишева. Капитал Благотворительного Общества складывался в основном из: поступлений от действительных членов Общества; пожертвований от служащих Брянского завода; поступлений от зрелищно-развлекательных мероприятий (спектакли, лотереи, танцевальные вечера); средств от продажи свечей; кружечных сборов в приюте; взносов участников похоронной кассы; выручки от Народной столовой.

Определённую лепту вносили также земские и приходские учреждения. В 1908 году Общество получило денежную помощь от общеземской организации по оказанию помощи населению Орловской губернии в целях помощи крестьянам, пострадавшим от наводнения и неурожая. Денежные взносы поступили также от Орловского Губернатора и от благочинного четвёртого округа Орловской губернии (кружечный сбор в пользу бедных прихожан).

В 1908 году на долю общества выпала довольно сложная задача – помочь жителям Радицы, пострадавшим от наводнения. Пострадавших от наводнения посетили Орловский Губернатор и Вице-Губернатор, выразившие благодарность директору Брянского завода, Благотворительному и Пожарному обществам и, кроме того, оказали материальную поддержку Благотворитель-

ному Обществу, так как со стороны последнего потребовались значительные затраты средств на пропитание пострадавших от наводнения. Это событие заняло важное место на страницах истории Благотворительного Общества. Оно наглядно показало, что Благотворительное Общество при виде действительной нужды с полной готовностью по мере своих сил и средств идёт на помощь не только своему местному населению, но и окрестным жителям.

Деятельность Благотворительного Общества выражалась в денежных (ежемесячных и единовременных) пособиях нуждающимся, в выдаче дешёвых и бесплатных обедов в Народной столовой, в призрении детей-сирот в приюте и выдаче похоронных премий семьям умерших членов Похоронной кассы.

В 1908 году на 26 заседаниях Совета было рассмотрено 2616 прошений о денежных пособиях. Из них по 184 прошениям были назначены ежемесячные пособия на сумму 5158 рублей, по 1492 прошениям – единовременные выплаты на сумму 3576,50 рубля. В Народной столовой в течение 1908 года было выдано 73575 бесплатных обедов на сумму 4762,01 рубля.

В Детском приюте в 1908 году призревались 34 ребёнка (15 мальчиков и 19 девочек). На содержание приюта Общество в течение года израсходовало 2307,87 рубля.

По инициативе Общества были открыты Вольно-пожарное общество и Общество трезвости.

Благотворительные Общества были достойными представителями общественной благотворительности в пореформенной России. Главным результатом их деятельности стало нравственное изменение людей.

Литература

Отчёт Благотворительного Общества при Брянском заводе в Бежице, Орловской губ. за 1908 год (15-й год существования). – Брянск : Типография Я.Н. Подземского, 1909. – 90 с.

Отчёт Дятьковского Благотворительного Общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1901 год. – Брянск : Типография Юдина. №547, 1902. – 19 с.

Отчёт Дятьковского Благотворительного Общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1907 год. – Смоленск : Электрическая типография Я.И. Подземского, 1908. – 24 с.

Отчёт Дятьковского Благотворительного Общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1909 год. – Смоленск : Электро-Типо-Литография Я.И. Подземского, 1910. – 22 с.

Отчёт Дятьковского Благотворительного Общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1910 год. – Смоленск : Электро-Типо-Литография Я.И. Подземского, 1911. – 16 с.

Отчёт Дятьковского Благотворительного Общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1912 год. – Смоленск : Электро-Типо-Литография Я.И. Подземского, 1913. – 19 с.

Отчёт Дятьковского Благотворительного Общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1914 год. – Смоленск : Электро-Типо-Литография Я.И. Подземского, 1915. – 30 с.

Отчёт Клинцовского Общества пособия бедным за 1912 год. – Клинцы: Типография К.Н. Клапцова, 1913. – № 12112. – 78 с.

Отчёт Комитета Карачевского Городского Благотворительного Общества за 1908 год (год десятый). – Карачев : Типография П.А. Павловского, 1909. – 36 с.

Отчёт Комитета Карачевского Городского Благотворительного Общества за 1909 год (год одиннадцатый). – Карачев : Типография И.А. Павловского, 1910. – 40 с.

Устав Дятьковского Благотворительного Общества в г. Дятькове Брянского уезда Орловской губернии. – Брянск : Типография Юдина, 1898. – 27 с.

Г.П. Поляков,
*кандидат исторических наук,
доцент Брянского государственного
университета им. академика И.Г. Петровского*

К истории изучения благотворительности на Брянщине в конце XX – начале XXI вв.

Благотворительность как явление имеет в нашем Отечестве свою историю и многовековые традиции, знакомство с которыми представляет теоретическую и практическую ценность. Во-первых, исторический опыт дает нам основные методы и подходы, на которые опиралась и опирается социально-историческая практика. Во-вторых, исторические исследования в сфере благотворительности помогают формировать базу знаний, необходимых для практической работы органов и учреждений соцзащиты, а эти знания весьма помогают принимать проверенные, апробированные решения, апробировать и реализовывать необходимые социальные программы.

В отличие от обязательного общественно-государственного призрения, благотворительность, как одна из форм общественного служения носила и носит факультативный характер. Она является продуктом определенных исторических и региональных условий. Они и определяют масштабы благотворительности, её материальные возможности, формы, методы и направления.

Изучение данных региональных особенностей в историческом контексте является важной задачей исторической науки. Изучение истории благотворительности на территории Брянского региона также имеет свою, правда, весьма краткую, историю. В XIX-XX вв. (дооктябрьский и советский периоды) не было издано специальных трудов, посвященных данному явлению. Исследователи в своих работах приводили лишь отдельные факты проявления благотворительности. Обобщение этого фактического материала является насущной задачей брянских историков.

Постсоветский период в России ознаменовался появлением и значительным ростом интереса исследователей ко многим аспектам отечественной благотворительности. Выходят в свет, начиная с 1993 г., монографии, диссертации Л.В. Бадя, П.В. Власова, Т.А. Дубровской, И.С. Ждановой, Е.В. Ивановой, Т.Б. Кононовой, П.Н. Нещеретнего, Д.А. Пашенцева, В.Л. Прохорова, Я.Н. Щапова и других ученых, посвященные разнообразным вопросам благотворительности и меценатства в России. На Брянщине первыми к разработке темы благотворительности приступили историки-архивисты Л.Ф. Осипенко и З.П. Коваленко в 1998 г. Л.Ф. Осипенко опубликовала в «Брянской газете» (№2) статью о благотворительности брянских дворян (Брянского, Мглинского, Стародубского, Новозыбковского и Суражского уездов Орловской и Черниговской губерний) в XIX в., а З.П. Коваленко (в №8) – о родословном древе и благотворительности брянских купцов П.С. и С.С. Могилевцевых.

Братьям Могилевцевым – самым выдающимся благотворителям г. Брянска и объектам, подаренным ими городу, посвятили свою брошюру старейшие брянские журналисты Ф.С. Исачиков и И.М. Полозов (Братья Могилевцевы – Брянску. – Брянск, 1999).

1999 год ознаменовался началом работы в г. Брянске Брянского филиала Московского (ныне – Российского) государственного социального университета, где была открыта новая для Брянщины специальность «социальная работа». В рамках данной специальности учебным планом была предусмотрена и дисциплина «История социальной работы в России». Преподаватели БФ МГСУ, освоив данный учебный курс, со временем приступили и к изучению истории благотворительности в своем регионе. Первыми публикациями на эту тему стали статьи Т.А. Алексеевой «Развитие частной благотворительности в Брянском уезде на рубеже XIX-XX вв.» (Вопросы истории и теории социальной работы. Сборник статей / Под общей ред. М.В. Фирсова и Н.Л. Кочегаровой. – М. : МГСУ, 2003. – С.35-44) и Л.Н. Синицыной «Деятельность благотворительного общества при Брян-

ском заводе на рубеже XIX-XX вв.» (Там же. С.57-60). Первая из них посвящена благотворительной деятельности П.С., С.С. и Н.С. Могилевцевых, П.И. Губонина, М.К. Тенишевой, М.П. Бахтина и, в меньшей степени, С.И. Мальцова, Гонцкевича, Бобковых, Яковлева и Вязьмитина. Вторая – работе Благотворительного общества при Брянском заводе в Бежице. К недостаткам обеих работ следует отнести слабый научный аппарат и незначительное использование архивных источников.

В том же году вышел в свет «Сборник статей сотрудников филиала МГСУ в г. Брянске» (под общей ред. Н.Л. Кочегаровой. – М.: МГСУ, 2003) с двумя статьями Е.В. Бобровской, посвященными благотворительности РПЦ: «Церковно-приходская благотворительность в Брянском уезде Орловской губернии в начале XX в.» и «Из истории монастырской благотворительности в Брянском уезде (?) Орловской епархии в конце XIX – начале XX вв.» (с. 4-9 и 10-12). В первой из них, посвященной церковно-приходской благотворительности, автор предприняла попытку обобщить сведения из доступного ей (кстати, весьма ограниченного) круга литературы по избранной теме. Автор часто путает благотворительность с общественным призрением, а её выводы, опирающиеся, по сути, лишь на один источник – «Годовой отчет о деятельности Приходских Советов в Орловской Епархии» за 1906 г., доверия не вызывают. Вторая статья, а точнее, заметка, в научном плане оставляет желать лучшего. Да и её содержание не вполне соответствует названию (кстати, в епархиальную структуру РПЦ входили не уезды, а благочиния – Г.П.), так как собственно монастырской благотворительности в ней отведена лишь десятая часть её объема.

Л.Н. Синицына в 2003 г. на базе своей статьи выпустила учебное пособие объемом в 87 страниц – «Развитие частной благотворительности в Брянском уезде Орловской губернии на рубеже XIX-XX вв.» (Учеб. пособие для ВУЗов. – М.: Изд-во МГСУ, 2003).

20 марта 2004 г. в Диссертационном Совете МГСУ была защищена кандидатская диссертация на тему «Общественное

призрение в Брянском уезде Орловской губернии в 1861-1914 гг.» по специальности «отечественная история». Одним из разделов диссертации стала общественная и частная благотворительность в г. Брянске и Брянском уезде в пореформенный период. Здесь была изучена и проанализирована деятельность благотворительных обществ и отдельных благотворителей: Могилевцевых, Тенишевых, П.Н. Губонина, И.С. Мальцова, Л.К. Шешминцева, М.Ф. Бирилевой и др. Среди обществ представлены Благотворительное общество при Брянском заводе и Дятьковское Благотворительное общество имени С.И. Мальцова. В диссертации уделено серьезное внимание и приходской благотворительности шести благочиний Орловской епархии РПЦ, располагавшихся на территории Брянского уезда (см. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2004. – С.19-26).

В 2004 г. были опубликованы материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию образования Государственного архива Брянской области, со статьей историка-архивиста Т.В. Михеевой «Братья Могилевцевы – Брянску» (История Брянщины по документам Государственного архива Брянской области. – Брянск, 2004. – С.43-48). В ней впервые на архивных источниках прослежена благотворительная деятельность семьи Могилевцевых в Брянске. Работа снабжена солидным научным аппаратом.

И, наконец, в 2005 г. руководители Брянского филиала РГСУ Л.Н. Синицына, Т.А. Алексеева и Н.Л. Кочегарова предприняли попытку обобщения накопленного к тому времени материала по истории социальной работы на Брянщине и, в том числе, по истории благотворительности (Хронограф социальной работы на Брянщине (1775-1914). – Брянск, 2005. – С. 23-33, 151-173, 182-215). В целом её можно признать удачной. Так, авторы показали работу на поприще благотворительности двух органов городского самоуправления – Брянской и Клинцевской городских дум. Они, по сути, ввели в научный оборот факты по оказанию благотворительности «Клинцевским думским комите-

том по организации помощи семьям запасных и ратников, призванных по мобилизации на действительную военную службу» (с. 26-33).

В книге представлены данные о церковно-приходской благотворительности Русской Православной Церкви в нескольких благочиниях Орловской Епархии (с. 45-54), отражена роль отдельных благотворителей и меценатов (Могилевцевых, С.И. Мальцова, М.К. Тенишевой, М.П. Бахтина, М.Ф. Бирилевой (Тютчевой) и других представителей брянского дворянства и купечества (с.151-179). Существенное внимание авторы уделили общественным организациям: Благотворительному обществу при Брянском заводе в Бежице (с.211-215), Дятьковскому благотворительному обществу имени С.И. Мальцова (с.193-200), Карачевскому городскому благотворительному обществу (с.186-193) и Клинцовскому обществу пособия бедным (с.200-210).

В заключении авторы книги приводят выводы, сделанные на основе анализа как частной, так и общественной благотворительности на Брянщине в изучаемый ими хронологический период, которые, в целом, принципиальных возражений не вызывают. Впрочем, они не отличаются и глубиной, так как методы их исследования, к сожалению, ограничены. Тем не менее, в настоящее время «Хронограф» является, по сути, единственным обобщающим трудом по истории благотворительности на Брянщине.

Заканчивая наш краткий историографический обзор, считаем необходимым отметить, что история благотворительности в нашем регионе к настоящему времени изучена крайне неравномерно, как в хронологическом, так и в тематическом и географическом аспектах. Неплохо она исследована по городу Брянску и Брянскому уезду с последней четверти XIX в. до начала Первой Мировой войны. Остальные три уезда, входившие до 1918-1919 гг. в состав бывшей Орловской губернии и, тем более, северные уезды бывшей Черниговской губернии, ставшие с 1944 г. современной территорией Брянской области, практически не изучены. Слабо исследована общественная, цер-

ковно-приходская и монастырская благотворительность. Далеко не все лица, занимавшиеся частной благотворительностью, выявлены. В хронологическом плане широкое поле для изучения истории благотворительности представляет период с XVII в. по третью четверть XIX в. Нет пока и обобщающих трудов по истории благотворительности на Брянщине в постсоветский период.

В.А. Бобков,
*старший преподаватель
Брянского государственного университета
им. академика И.Г. Петровского*

Брянский арсенал I разряда в 1910-1919 гг.

В артиллерии русской армии к началу XX в. назрели изменения: вводили новые современные стальные нарезные орудия. Значение Брянского арсенала снизилось, т.к. после перехода к стальной артиллерии на нем закончили отливать орудия, но предприятие продолжило деятельность по ремонту артиллерии, изготовлению лафет и т.д. В 1910 г. Свод Военных Постановлений (далее СВП) юридически закрепил новый характер деятельности, состав мастеровых и причислил Брянский арсенал к I разряду. «В арсеналах I разряда все работы производились вольнонаемными, а в арсеналах II разряда, которые обслуживали нужды своего военного округа, – как вольнонаемными, так и казенными (военнослужащими) мастеровыми».

Брянский арсенал продолжал свою деятельность по производству и ремонту предметов артиллерии. В 1911 г. арсенал изготовил для батарей материальную часть 48 лн. гаубиц образца 1909 г., в частности: 1) сундуки для инструмента, 2) ящики железные для угля, 3) сундуки для материалов и поддонов, 4) жестянки для свечей к фонарям образца крупа [1].

Артиллерийский комитет был перегружен, чертежи не всегда содержали полную информацию, что тормозило выполнение нарядов в Брянске. В частности, в 1911 г. Брянский арсенал просил утвердить изготовленное им количество лотков: «на передний ход 2 гильзовых и 6 снарядных, на задний 4 гильзовых и 11 снарядных, и выслать чертежи ящиков для рапорте Брянского арсенала, вполне правильно», т.к. оно не было указано внести в ведомости частей 48 лн. зарядных ящиков второго образца [2]. Чертежи ящиков для принадлежностей еще не разрабатывали и вышлют после создания капитаном Смирновым в ближайшее время.

Из-за недоработок комитета работники арсенала сами предлагали нововведения. В частности, арсеналу поручили изготовить 72 пары кожаных, набитых волосом подушек для сидений передков, зарядные ящики образца 1909 г. к 48 лн. гаубицам образца 1909 г. При выполнении наряда оказалось, что «кожаные подушки с постоянной волосяной набивкой весьма мало прочные, так как от действия влаги кожа быстро перегорает, а волос набивки после продолжительного употребления подушки сваливается в комки» [3]. Брянский арсенал выработал новый образец брезентной подушки, набиваемой льном. Свойства подушки улучшались, а стоимость брезентовой подушки была в шесть раз меньше кожаной. Экономия на зарядный ящик при общей стоимости в 680 руб. составила 7,5%. Комитет признал, что «предлагаемый Брянским арсеналом образец брезентной, набиваемой сеном подушки, по-видимому, может выполнить свое назначение». Теперь их изготовляли по чертежам, «выработанным Брянским арсеналом» [4], о чем было объявлено по артиллерии.

В 1912 г. Главное Артиллерийское Управление (далее ГАУ) поднимает вопрос о заготовлении станков для Брянского арсенала, что сделано в целях более полного оборудования производства. Предполагалось выделить 99500 руб., и обещали, что «не встретится затруднений в отпуске сумм». Закупка станков явилась началом большой программы по переоснащению и рас-

ширению Брянского арсенала, которую планировалось провести в ближайшие годы. Но существовала серьезная проблема: арсенал находился внутри Брянска, его расширение было невозможно в пределах города.

Со второй половины XIX в. велись споры между г. Брянском и Брянским арсеналом по вопросу размежевания земель. В 1853 г. город обвинял арсенал: «занята часть улицы по распоряжению командира Брянского арсенала..., не спросив на то разрешение». Городские власти подняли и более ранние дела по застройкам арсенала: по казармам, построенным в 1808 и 1809 гг., на которые имеется план, но какой величины участок, сведений нет, по постройке лесных сараев, порохового погреба и караульни в 1816, 1824, 1837 гг. в делах арсенала не имелось сведений, по чьему распоряжению отводили участки в первых двух годах, а «в 1837 году отведено Брянской Думой по распоряжению Орловского Губернского Правления от 13 февраля 1837 года №5021. Занято, не спросив на то разрешение» [5], и т. д. В 1876 г. результатом спора явился иск Брянскому арсеналу со стороны Брянской городской управы о нарушении Брянским арсеналом владения участком городской земли. Дело было взято под контроль инспектором местных арсеналов. В 1888 г. был составлен проект размежевания земель. Со стороны арсенала выступали: начальник арсенала, генерал-майор Арнольд Викентьевич Минятов, его помощник, полковник Виктор Викторович Буняковский и председатель хозяйственного комитета подполковник Александр Ефимович Евтюхов. Со стороны города по постановлению Брянской городской думы от 14 февраля 1881 г. городской глава Василий Иванович Сафонов, Николай Семенович Могилевцев и Дмитрий Иванович Онисимов в результате «развелись полюбовно ... положили и утвердили межу» [6].

Арсенальные земли делились на четыре участка: 1) земля под самими арсенальными мастерскими, фурштатскими и дровяным двором, 2) земля под домом начальника арсенала, его помощника и казармами местной артиллерийской команды, 3)

земля под арсенальным лазаретом, 4) земля под лесными сараями.

После утверждения межи согласия опять не наступило, в 1896 г. вопрос снова поднимается в связи с постановлением Военного совета о возведении вокруг дровяного двора каменной ограды. В 1913 г. руководство арсенала обвинялось в самовольном захвате земли общего пользования, смеженной с владением арсенала с северной, восточной и южной стороны [7]. В результате 30 января 1913 г. в ГАУ поднимается вопрос о перемещении Варшавского окружного арсенала к станции Брянск в целях слить этот арсенал с Брянским арсеналом. Брянский арсенал планировали перенести на противоположный левый берег р. Десны в район Брянской лесной дачи [8]. Перенесение арсенала решило бы проблему захвата земель окончательно.

27 января 1914 г. ГАУ решает строить в Брянске совершенно новый арсенал I разряда, без какой-либо зависимости от окружного арсенала, упраздняемого в г. Варшаве. В результате Брянский арсенал должен был соответствовать «производительности двух других перворазрядных арсеналов – Санкт-Петербургского и Киевского» [9]. Станки и приборы Варшавского арсенала признаны непригодными для Брянского арсенала в электрической и механической части, и их не приняли во внимание при расчете нового оборудования для Брянского арсенала. Сумма на переоборудование Брянского арсенала составила 1759700 руб., причем в случае доставки оборудования из г. Варшавы его предложено взять как резерв дополнительно [10].

Начальник Брянского арсенала в 1913 г. поручил архитектору арсенала Н.А. Лебедеву составить план перестройки. В число этих мероприятий входило: 1) осмотреть и произвести нивелировку местности, куда предложено перенести арсенал, указать место для устройства артезианской скважины и наметить направление магистрали для канализации, 2) составить план расположения зданий всего завода, фурштата, квартир администрации и поселка для рабочих, 3) подготовить эскизы и краткие соображения для всех зданий. Вследствие большого труда толь-

ко 19 июля 1914 г. архитектор сдал доклад в управление арсенала, но 20 июля 1914 г. Германией была объявлена война России, и постройка нового арсенала была отложена [11]. Брянский арсенал не был переоборудован к началу I Мировой войны.

На Брянщине 21 июля 1914 г. проходит манифестация 15000 рабочих Брянского завода по случаю объявления войны с Германией [12]. 16 ноября был выработан перечень мероприятий при участии начальника гарнизона г. Брянска в целях охраны от покушения на уничтожение или приостановление деятельности учреждений, имеющих особое военное значение. В их число вошли: «Брянский арсенал, Брянский отдел огнестрельных припасов, снарядный цех Брянского завода и Сухарный завод - интендантское заведение» [13].

Для пресечения во время войны агитации со стороны революционных партий начальники гарнизонов городов Брянска и Карачева, начальник арсенала предупреждались, что в случае распространения прокламаций в войсках или арсенале выявлять виновных и передавать их жандармерии [14].

В ноябре 1914 г. В.А. Леховичу, начальнику административного отдела ГАУ, стало известно, что захватившие власть в Турции немцы хотят командировать эмиссаров для взрыва «имеющих важное военное значение учреждений, в том числе Брянского оружейного завода /вероятно, Брянского арсенала/» [15]. В результате командиру 72 - го пехотного запасного батальона приказали назначить дежурный взвод для охраны арсенала [16].

В процессе подготовки Брянского арсенала к работе в условиях проходящей войны старались учитывать все детали для охраны арсенала. Например, в ноябре 1914 г. Брянскому полицмейстеру сообщалось, что бывший советник германского посольства в Петрограде Фон-Люциус, считавшийся опытным знатоком военного шпионажа и организатором рабочих беспорядков, с началом войны переместился в Стокгольм. Германия была намерена использовать его для своих целей, и в Россию направлены «четыре лица с поручением подыскать агентов для

организации противоправительственных выступлений и беспорядков на заводах военного ведомства» [17], о чем предупреждали начальника арсенала.

Наряду с мероприятиями по организации охраны арсенала с 1914 г., ввиду предстоящих усиленных работ, на арсенал приняты новые работники [18]. В это время арсеналом командовал Семен Николаевич Ванков. Опытный руководитель командовал в 1855 г. окружным артиллерийским арсеналом в Ташкенте, с 23 марта 1909 г. являлся командиром Хабаровского окружного арсенала, в октябре 1911 г. произведен генерал-майором [19]. Под его руководством в Брянске находились талантливые инженеры-артиллеристы: помощник генерал-майор Анатолий Николаевич Лукашов, и. д. старшего техника гвардии полковник Николай Григорьевич Высочанский, и. д. старшего техника гвардии капитан Григорий Петрович Кузмин-Караваев, и. д. старшего механика инженер-технолог, коллежский секретарь Александр Прокофьевич Чижевский [20]. Именно им пришлось решать под руководством С.Н. Ванкова проблему снабжения русской армии снарядами. Об уровне научной подготовки этих офицеров свидетельствует пример Н.Г. Высочанского, который являлся автором многочисленных статей о свойствах разных металлов. Н.Г. Высочанский переводил статьи на французский язык и печатал в парижском журнале «Ревю де металлуржи». В России его статьи печатались, но гораздо реже, чем во Франции [21]. В частности, в 1914 г. Н.Г. Высочанский публикует заметку по поводу статьи Д.К. Чернова о выгорании каналов в стальных орудиях, помещенную в Артиллерийском журнале. В статье отмечается, что при перенесении явлений, происходящих в каналах орудий (трещины), на штампы при штамповке стали там протекают аналогичные процессы, в результате упрощается их исследование. В статье указывалось на необходимость введения в дело изучения каналов орудий микроскопического анализа, который будет способствовать более рациональному и глубокому освещению вопроса. Исследование этого вопроса на штампах может привести к правильному выбору материалов для штам-

пов, что может быть первым шагом к надлежащему решению вопроса о выборе материалов для каналов орудий. Опыты со штампами, легко и удобно выполняемые и недорогостоящие, во всяком случае, должны облегчить и ускорить решение вопроса о разгорании каналов в стальных орудиях [22].

Д.К. Чернов писал, что «в русской литературе этот вопрос не разработан, я обратился к поискам о нем в иностранной литературе. Оказалось, что единственная до того времени серьезная работа над этим вопросом была произведена тогдашним начальником Вулического Арсенала, полковником Мэтландом, совместно с химиком сэром Эбелем. Она была доложена в 1886 г. в собрании английского института» [23]. По признанию самих авторов работы, ни химический состав, ни механические качества не дают определенных указаний на стойкость стали против выгорания.

В 1898 г. в Англии была произведена новая работа по этому же предмету, принадлежащая Роберту-Остену, доложенная в Стокгольме на митинге института железа и стали. В ней внимание сосредоточивалось на термохимических, технических, механических и структурных явлениях и вовсе не уделено физико-геометрическим явлениям, играющим главнейшую роль в данном вопросе [24]. Следовательно, инженер - техник Брянского арсенала Н.Г. Высочанский, исследуя вопросы, поднятые Д.К. Черновым, затрагивал тему, не разработанную не только в России, но и других странах. Не случайно, что Н.Г. Высочанский внес ключевой вклад в решение вопроса со снарядным голодом, возникшим в России с началом I Мировой войны.

Командир Брянского арсенала С.Н. Ванков проявил в вопросе производства снарядов инициативу. В 1915 г. в Петроград приезжают французы для оказания технической помощи по изготовлению цельнокорпусных гранат. «Вместо гостиницы им отвели помещения в наиболее удалённых от центра Гренадерских казармах, а начальник главного управления великий князь Сергей Михайлович наотрез отказал им в приеме» [25]. Французов передали генерал-майору С.Н. Ванкову, под руководством

которого при ГАУ была создана специальная организация по изготовлению снарядов. Как писал А. А. Игнатьев, характеризуя С.Н. Ванкова: «Этой личности, оставшейся для меня загадочной, удалось создать трест из московских купцов и промышленников; они были допущены к работе на оборону только под нажимом на царских чиновников военной комиссии Государственной думы».

Организация С.Н. Ванкова первоначально объединила до 200 предприятий, к концу 1916 г. их стало 300 [26]. Заводы составляли 7 районов: Московский, Одесский, Киевский, Южный, Тамбовский, Петроградский и Ярославский. Заводы делились на группы: 1-я и 2-я группы изготавливали стаканы для гранат 76 мм и др. орудий, 3-я изготавливала взрыватели, 4-я - детонаторные трубки, 5-я производила снаряжение стаканов [27]. На первоначальном этапе попытки наладить производство снарядов по «французскому образцу» терпят неудачу. С.Н. Ванкова [28] это не остановило, он поручает Н.Г. Высочанскому «экспериментальный выпуск снарядов в Брянском арсенале» [29]. В результате внедрения несколько измененной «французской технологии» успех был достигнут. Н.Г. Высочанский назначался помощником (заместителем) по технической части уполномоченного ГАУ по производству снарядов по французскому образцу.

В связи с отъездом из Брянска С.Н. Ванкова и Н.Г. Высочанского исполняющим обязанности начальника Брянского арсенала назначают А.Н. Лукашова.

На Брянский арсенал продолжают нанимать работников. Если в 1911 г. их было около 600 [30], а по воспоминаниям работницы арсенала А. И. Иванюты-Киреевой, в 1914 г. «работало не более 300 человек» [31], то к 1917 г. количество работников увеличилось до 3145, из которых 2187 – мужчины, 260 – женщины, 188 – подростки, 2 635 челоаек вольнонаемных и 510 солдат.

В 1915 г. для технического усиления мощности Брянского арсенала, возведены ряд новых построек: электрическая

станция, механическая мастерская, литейная для тепловой обработки металлов, расширены и капитально перестроены старые мастерские, в результате общая площадь производственных зданий была увеличена больше, чем вдвое. В механическом цехе установлены 170 новых станков, мощность цеха увеличилась почти втрое. Для перестроения орудий установили станки, прессы для снятия с орудий кожухов и надульников, а также электрическую печь и т.д. Станки для арсенала изготавливались во время войны в Америке, откуда доставлялись в Россию через Англию, Японию, Францию [32].

С началом войны на Брянском арсенале складывается сложное социальное положение. Война взвинтила цены на продукты питания, а заработная плата вольнонаемных работников оставалась на прежнем уровне. Начальник арсенала в рапорте от 26 марта 1915 г. №23 в ГАУ сообщает, что «общего пересмотра по всему арсеналу расценок и зарплаты, вызванного дороговизной жизни военного времени, не производилось. Производились лишь иногда, как это делается в мирное время» [33]. Это вызвало недовольство в рабочей среде.

29 апреля 1916 г. в рапорте №34 начальник арсенала сообщает в ГАУ: «29-го сего апреля. Большинство мастеровых, явившихся в арсенал, не приступили к работам... растущая дороговизна жизни и забастовки соседних заводов повлияли на мастеровых арсенала. После перерыва работа шла только в кузнечной и литейной, и я вынужден был временно остановить арсенал, назначив военнообязанным явиться 30-го на переключку, чтобы заставить их работать» [34].

ГАУ уже выработало методику поведения в таких ситуациях, еще в 1906 г. военное ведомство указывало прибегать к вводу «в казенные заводы и технические учреждения военных команд в исключительных случаях, как к прекращению их. Его превосходительство считает отправление производящих беспорядки рабочих из военнообязанных в распоряжение военных начальников для зачисления в строй, причем такое откомандирование должно производиться осторожно, но твердо, то есть,

чтобы откомандированные отнюдь не возвращались на заводы» [35]. Освобождение рабочих от призыва и явилось рычагом воздействия на них.

Усиленные работы арсенала требовали рабочих, в социальном отношении они были по большинству крестьянами и мещанами. По географии происхождения рабочие были представлены 48 губерниями России, хотя основная их масса была из соседних губерний: Орловской, Калужской, Черниговской и др. Другую особую группу в составе работников представляли солдаты, применение труда которых в условиях нехватки рабочих рук было выходом из положения.

Брянский арсенал был открыт для всех социальных групп населения, что закрепил СВП 1910 г. Например, принимаемые в арсенал ученики ремесленной школы представляли целый ряд сословий, т.к. среди 356 учащихся школы в 1912 г. было: детей дворян и чиновников – 73, духовного звания – 5, городского сословия - 158, сельского сословия – 110, иностранцев – 10 [36].

Недостаточная зарплата рабочих толкала к мешочничеству: «Иной раз открыто, с разрешения мастера, а иной раз самовольно, прогулом ехал арсеналец ... за хлебом» [37].

Особо обострял отношения на Брянском арсенале вопрос с бельгийскими рабочими. Эта ситуация сложилась из-за того, что Брянский арсенал получил в свой состав бельгийских рабочих из числа Бельгийской армии. По поводу производственной подготовки этих рабочих существовали опасения. И их работа вполне подтвердила все опасения ГАУ. Выполняя одну и ту же работу вместе с российскими рабочими, «сменяя иногда на станке рабочего арсенала», бельгийцам необходимо было платить за труд несравненно больше, чем мастеровым арсенала, что для многих «является непонятным» [38]. В особенности, в силу того, что продуктивность их работы стояла на невысоком уровне. Фактически бельгийцы могли зарабатывать только от 40 до 100 руб. в месяц, а в действительности получали 250 руб. Для сравнения «месячный заработок при 9-часовом труде за 24 рабочих дня» у российских рабочих составлял: у «мастера – 158

рублей, подмастерья – 88 рублей, браковщика – 78 рублей, конторщика – 79 рублей» и т.д.

Социальная напряженность возрастала, и 3 июля 1916 г. начальник Брянского арсенала в рапорте № 63 в ГАУ «просит не отказать сообщить, когда будут откомандированы бельгийцы электротехники, в числе 5-ти человек, так как дальнейшее пребывание их в арсенале тяжело сказывается на бюджете механической мастерской» [39].

Поднимается вопрос об использовании «военнопленных для нужд предприятий, обслуживающих артиллерийское ведомство». В 1916 г. Штаб Московского Военного Округа с согласия Главного Управления Генерального Штаба практиковал использование военнопленных австрийской армии для нужд военной промышленности. Но начальник Брянского арсенала 15 июля 1916 г. в рапорте №58 в ГАУ сообщает: «военнопленных для производства строительных и хозяйственных работ в арсенале не требуется. Что же касается для работ по технической части, то назначение хороших мастеров было бы желательно», но с этой стороны является неоправданным. «Ввиду сего, я прошу, вместо военнопленных назначить в арсенал мастеровых из числа нижних чинов... хотя бы из ратников ополчения старших сроков, которые для строя мало пригодны» [40]. В то же время начальник бельгийского отряда капитан Налин по оценке труда бельгийских рабочих решил «совершенно не удовлетворяющих своему назначению» бельгийцев отправлять обратно в Бельгию, а также «понижать положенное по контракту и конвенции жалование тем из них, которые не вполне удовлетворительны» [41].

Вместе с тем рост производства арсенала требовал квалифицированных специалистов, в частности: «артиллерийских хомутчиков - 5 человек, шорников ушивной – 5 человек, закальщиков инструмента – 2 человека, токарей – 43 человека, фрезеровщиков – 20 человек, хороших слесарей, знакомых со сборкой и ремонтом материальной части артиллерии, – 20 человек» [42]. В Брянске было невозможно нанять вольнонаемных работников, тогда 8 июня 1916 г. руководство арсенала обрати-

лось в Петроградскую городскую и областную биржу труда. При участии ГАУ для работы на арсенале из Петрограда прибывает группа специалистов около 20 человек. Для жилья их разместили по семьям арсенальцев на положении «нахлебников». Так называли рабочего-одиначку, живущего на положении квартиранта в семье арсенального рабочего [43].

Возникла потребность технических поставок для артиллерийского ведомства: металлов и материалов, необходимых для обеспечения деятельности технических артиллерийских заведений до первой половины 1917 г. В этой связи во Францию командируют полковника Давыдова, им было заказано: пил круглых для дерева – 200 штук, слесарных – 500000 штук, а также другие предметы. Их планировалось распределять между арсеналами, оружейными заводами и другими техническими заведениями [44].

К 31 декабря 1916 г. Брянский арсенал работал в основном в одну смену. В это время в арсенале состояло: постоянных рабочих – 2365, временных – 335. Из них в первую смену работали 1966, во вторую – 97, на ночных работах в третью смену – 33 человека. Большое количество рабочих продолжало не являться на работу. В конце 1916 г. их было 339 человек [45]. И хотя это количество к марту 1917 г. уменьшилось, составив 305 человек, а общее количество работников при арсенале возросло, но производительность арсенала, увеличившись в марте, уже в апреле 1917 г. резко падает. Негативные процессы протекали и на других арсеналах России.

Общероссийские политические события влияли на работу Брянского арсенала. 4 марта 1917 г. генерал-майор Лукашов объявляет: «Во исполнение распоряжения нового правительства, облеченного доверием страны, призываю всех офицеров, классных чинов, военнообязанных, мастеровых и рабочих арсенала оставаться на своих местах и исполнять свой долг, дабы неустанной работой способствовать новому правительству скорее победить врага» [46].

Лукашов 16 марта 1917 г. отмечал, что работа «в некоторых мастерских идет не с той интенсивностью, с какой она должна была бы вестись ввиду важности переживаемого момента» [47]. В результате появился приказ по Брянскому арсеналу №77 – «принять самые энергичные меры к развитию работ в мастерских» [48].

Даже при увеличении количества работников рабочих рук не хватает, из-за чего невозможно вести нормальную работу в третью смену. Решено: «Работать при двух сменах и при прежней продолжительности рабочего дня. Все работы свыше 8 часов должны оплачиваться как сверхурочные, т.е. в полуторном размере» [49], – говорилось в протоколе заседания совета рабочих депутатов Брянского арсенала от 16 марта 1917 г.

В марте 1917 г. на основании приказа по гарнизону за №241 в Совет военных депутатов г. Брянска от Брянского арсенала были избраны: «от офицеров и чиновников – полковник Иванов, коллежский асессор Букин и полковник Кузьмин-Караваев и от солдат – медицинский фельдшер Даниил Барон и полковник Семен Симонько» [50].

ГАУ постепенно теряло монополию в управлении техническими артиллерийскими заведениями и должно было считаться с мнением новых органов управления. Хотя новые силы Брянского арсенала сразу захотели увеличить зарплату рабочим, но сделать этого не удалось. Им пояснили, что «цены зарплаты вырабатываются ГАУ совместно с Петроградским советом рабочих депутатов и в определенности, в каком-либо предприятии, введены быть не могут» [51] (из протокола заседаний рабочих депутатов Брянского арсенала от 5 апреля 1917 г.).

Совет рабочих депутатов Брянского арсенала, продолжая работу, пытался, не затрагивая интересов внешних органов управления, закрепить юридически и реализовать свои устремления. На заседании 17 апреля 1917 г. по вопросу «1) об уплате за сверхурочные работы» постановил – впредь до выработки норм заработной платы Советом рабочих депутатов и ГАУ за сверхурочные работы свыше 8 часов производить доплату в

размере половины поденной платы. По вопросу «2) о возвращении с военной службы лиц, рассчитанных за стачку в мае 1916 г.», постановил – предложить администрации арсенала немедленно вернуть из частей войск всех уволенных за стачку, с согласия возвращаемых. По вопросу 3) «о штрафах» постановил - затребовать списки от мастерских с 1 по 15 апреля лиц, сделавших прогулы без уважительных причин. Подняли вопрос «об увольнении администрацией лиц из их среды», постановили - оставить за собой право отвода лиц из администрации, не соответствующих своему назначению и препятствующих нормальным отношениям между «трудом и капиталом (администраций)», но комитет рабочих арсенала не будет вмешиваться в «право увольнения администрацией лиц из их среды» [52]. Таким образом, обозначилось несколько сторон в управлении арсеналом. С одной стороны – это центральное управление ГАУ с Петроградским Советом рабочих депутатов, с другой - местный Совет рабочих депутатов Брянского арсенала с администрацией арсенала.

20 апреля 1917 г. проводится совместное заседание комитета рабочих депутатов, расценочной комиссии [53] и выборными Брянского арсенала: разбирался вопрос о распределении рабочих по категориям. Результатом явилось постановление: всех рабочих разбить на три категории, определив поденную плату. В частности, для 1) категории: 1-й руки – 8 руб., 2-й руки – 7 руб. 50 коп., 3-й руки – 7 руб.; 2) категории: 1-й руки – 6 руб. 50 коп., 2-й руки – 6 руб., 3-й руки – 5 руб. 50 коп., 3) категории: 1-й руки – 5 руб., 2-й руки – 4 руб. 50 коп., 3-й руки – 4 руб.

Реализовав свои экономические претензии, собрание приветствовало «служащих, как один из отрядов пролетариата», собрание нашло, что «2-х браковщиков, помощников мастеров, счетчиков изделий, надзирателей и помощников кладовщиков при мастерских следует причислить к рабочим», и расценки их труда производили в комиссиях по мастерским. Нормы остальных служащих должны были быть объявлены администрацией. Появившиеся органы управления арсеналом на фоне ослабев-

шего влияния государства на военную промышленность усиливали свои позиции.

В мае 1917 г. после смерти и.о. начальника арсенала генерала А.Н. Лукашова Н.Г. Высочанского назначают помощником начальника Брянского арсенала, при этом с временным состоянием его в должности начальника арсенала. Продолжал Н.Г. Высочанский оставаться и помощником инспектора по тяжелым снарядам, присматривая за Брянским и Людиновским заводами [54].

Забываясь о деле обороны государства, в августе 1917 г. Н.Г. Высочанский поднимал вопрос «о продолжении построек по развитию арсенала» [55]. В ГАУ понимали, что «необоснованное и некомпетентное мнение комитетов не заслуживает в таком вопросе внимания». Реализовать планы не удалось, в сентябре 1917 г. встала проблема эвакуации арсенала [56].

Н.Г. Высочанский возглавил арсенал в самое смутное время 1917-1918 гг. Во время октябрьских событий Николай Григорьевич находился в Петрограде на съезде рабочих и администрации артиллерийских заводов. Сергей Николаевич Высочанский писал по этому вопросу: «со слов отца (Н.Г. Высочанского – В.Б.) ... между большевиками и представителями администрации (а все они в самом недавнем прошлом были царскими генералами и полковниками) не было внешних острых противоречий» [57]. Сергей Николаевич объясняет это тем, что «большевики уже исходили из твердой уверенности в скорой победе социалистической революции, а следовательно, должны были смотреть на военную промышленность глазами ответственного хозяина», а «у всех этих генералов и полковников с детства была воспитана крепчайшая патриотическая установка: Россия должна существовать как независимое государство. Этот идеологический базис ничто не могло изменить». С другой стороны, и сами рабочие понимали, что без опытных инженеров и лиц администрации им не обойтись. Так, вопрос о создании курсов подготовки лиц для управления заводами, фабриками и т.д. поднимается в Брянске только в 1919 г. В частности, поручалось

рабочему Механического артиллерийского завода «товарищу Куршанову по приезду в Москву обратиться в ВСНХ и центральный союз металлистов, хлопотать об открытии курсов» [58].

Вместе с тем рабочие, образовав в августе-сентябре 1917 г. Красную Гвардию из рабочих арсенала [59] и, вооружив ее винтовками, присланными с Двинских артиллерийских складов, укрепляли свои позиции. И если до этого начальство арсенала и инженерно - техническая интеллигенция просто саботировали мероприятия заводского комитета, то в сентябре 1917 г. на расширенном заседании комитета и цеховых организаций приняли решение: «завкому все свои постановления приводить в жизнь без согласования с начальником арсенала» [60].

Продолжалась I Мировая война. В октябре 1917 г. комиссия по эвакуации Брянского арсенала указывала, что эвакуация круглый год возможна только по Московско-Киево-Воронежской железной дороге по единственному постоянному деревянному мосту, малонадежному по своей ветхости. С вокзалом Риги-Орловской железной дороги связывала маломощная канатная переправа на плавучем мосту. По означенным направлениям эвакуация растягивалась на полгода, и комиссия рекомендовала «перебросить временный свайный железнодорожный мост через р. Десну в районе арсенала» [61]. Эвакуацию в этом случае можно было провести в три-четыре недели.

В ноябре 1917 г. даже в штабе Минского Военного округа с трудом понимали ситуацию. Причину эвакуации видели в возможности наступления противника в минском направлении, хотя признавали, что «эта возможность совершенно не имеет реальных оснований. Но, имея печальный опыт Риги, Минский округ приступил уже к эвакуации прифронтовой полосы 30-ти верстной глубины». В отношении продолжения эвакуации «ничего определенного» сказать не могли. О полной дезорганизации управления говорит тот факт, что комиссия по эвакуации арсенала не имела определенных указаний и предложила «арсеналу самому подыскивать подходящее место, считая, что это

будет более целесообразно и арсенал не будет поставлен в критическое положение от несоответствующего пункта, указанного штабом».

По возвращении из Петрограда Н.Г. Высочанский был принят рабочими организациями арсенала и общегородскими Брянскими организациями спокойно, без эксцессов и недоразумений. Его позиция на съезде: «Не отрываться от рабочих во имя сохранения русской военной промышленности» - позволила склонить к своей точке зрения и других администраторов, особенно генерал-лейтенанта Вадима Сергеевича Михайлова [62]. Именно В.С. Михайлова Совет ГАУ как председателя бюро Союза Начальников артиллерийских заводов и талантливого инженера-технолога избрал начальником ГАУ (занимал эту должность до 21 декабря 1918 г.) [63].

Существенным достижением съезда рабочих и администраций артиллерийских заводов было принятие под влиянием Н.Г. Высочанского и В.С. Михайлова обращения военных инженеров с призывом работать вместе с рабочими организациями, сохранить русскую промышленность. В условиях войны обращение приобретало особый вес, оно позволило не останавливать ввиду дезорганизации работы администраций предприятий поставки фронту. Брянский арсенал в 1917 г. даже увеличил свою производительность по сравнению с другими военными годами по отдельным показателям почти вдвое. Если в 1916 г. предметов принадлежности и запасных частей изготовили 571 160 штук, то в 1917 г. – 1 087 815 и т.д.; но по другим показателям производительность упала [64].

Продолжались работы по организации эвакуации Брянского арсенала. В апреле 1918 г. демонтировали оборудование арсенала для эвакуации в Пензу, но затем материалы предприятия на 40% вывезены в Нижний Новгород, оборудование вывезено туда же, но в незначительном количестве. Затем арсеналу было дано указание организовать починочные мастерские в Нижнем Новгороде и Брянске, для чего необходимо: 1) приостановить эвакуацию для отправки в Нижний Новгород недо-

стающего оборудования; 2) в Нижнем Новгороде продолжать организацию починочной мастерской на 400 человек; 3) в Брянске восстановить деятельность арсенала, главным образом по изготовлению новых предметов артиллерии и отчасти по ремонту, количество рабочих устанавливалось около 300 человек, 4) арсеналу представить смету на постройку завода в Нижнем Новгороде, но к самой постройке в настоящее время не приступать [65]. В положении, подобном Брянскому, оказался и Петроградский арсенал. Ему предписывали в Петрограде организовать починную мастерскую с числом рабочих около 500 человек, а также устроить мастерскую на 500 человек во временном месте эвакуации на Бачмановском заводе около ст. Голутвино.

Работники Брянского арсенала из числа солдат с окончанием I Мировой войны были демобилизованы, а из числа гражданского персонала частью отправились на фронты гражданской войны, а частью продолжили работу на арсенале. Поэтому число 300 рабочих, установленное ГАУ РСФСР в предписании конца 1918г., было вполне обоснованным.

В 1919 г. Брянский арсенал переименовали в Брянский механический артиллерийский завод. С завершением мировой войны завод перешел на выпуск мирной продукции, деталей для вагонов, паровозов, локомотивов, сельхозмашин [66]. Накопленный опыт производства военной продукции в дальнейшем был использован уже на благо Советской России.

Литература

1. Извлечение из журналов артиллерийского комитета, состоявшегося в сентябре 1911 г. О чертежах некоторых предметов принадлежности для батарей, вооруженных 48-лн. гаубицами образца 1909 г. // Артиллерийский журнал. – 1912. – № 1. – С. 577.

2. Извлечение из журналов артиллерийского комитета, состоявшегося в декабре 1911 г. О числе гильзовых и снарядных лотков к зарядным ящикам второго образца к 48-лн. гаубицами

образца 1909 г. // Артиллерийский журнал. – 1912. – № 4. – С. 825.

3. Извлечение из журналов артиллерийского комитета, состоявшегося в январе 1912 года, о чертежах и материале для подушек, для крыши передков и зарядных ящиков образца 1909 г. к 48-лн. гаубицам образца 1909 г. // Артиллерийский журнал. – 1912. – № 5. – С. 11.

4. Там же. С. 12.

5. Государственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 169. Л. 2.

6. Там же. Л. 158.

7. Там же. Л. 186.

8. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 504. Оп. 15. Д. 431. Л. 3; Вопрос об усилении Брянского арсенала разрешался на фоне того, что в конце 1913г. была утверждена «Большая программа по усилению армии», она должна была начать притворяться в жизнь в 1914 г. и закончиться в 1917 г., и требовала около полумиллиона рублей. Подробнее см.: Зайончковский, А.М. Подготовка России к империалистической войне : очерки военной подготовки и первоначальных планов / А.М. Зайончковский. – М., 1926. – С. 92.

9. РГВИА. Ф. 504. Оп. 15. Д. 431. Л. 6.

10. Там же. Л. 6 об.

11. Там же. Л. 129.

12. Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 883. Оп. 1. Д. 729. Л. 1.

13. Там же. Д. 791. Л. 170об.

14. Там же. Д. 729. Л. 2.

15. ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 341. Л. 41.

16. Там же. Л. 48.

17. Там же. Л. 49.

18. Там же. Ф. 376. Оп. 2. Д. 284. Т. 1. Л. 61.

19. Черняк, А. Я. Симеон Ванков. – София: Военное издательство, 1989. – С. 60.

20. ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 791. Л. 140.

21. Паустовский, К. Дядя Коля и тетя Маруся / К. Паустовский // Мир Паустовского. – 2000. – №15-16. – С.12.

22. Высочанский, Н.Г. Заметка по поводу статьи Д.К. Чернова. / Н.Г. Высочанский // Артиллерийский журнал. – 1914. – № 5. – С. 587.

23. Чернов, Д.К. О выгорании каналов стальных орудий (Доложено в собрании русского металлургического общества 10 мая 1912 г.) / Д.К. Чернов // Артиллерийский журнал. – 1912. – № 7. – С. 841.

24. Там же. С. 842.

25. Игнатьев, А.А. Пятьдесят лет в строю / А.А. Игнатьев. – Семфинополь, 1953. – С. 545.

26. [В результате, ежемесячное поступление в армию снарядов Русского производства в 1915 г. по сравнению с 1914 г. увеличилось в 6 раз, в 1916 г. в 12 раз. В 1916 г. был достигнут максимум в производстве артиллерийских орудий (5127 шт.) – в 2,5 раза больше, чем в 1915 г. В целом, отечественные артиллерийские заводы смогли покрыть потери в артиллерии и дали возможность удвоить артиллерийский парк армии. Подробнее см.: Голиков, А.Г. А.А. Брусилов и военно-дипломатическое обеспечение наступления русской армии в 1916 и 1917 гг. «мира не может быть пока не разгромим немца»] // Россия, международное положение и военный потенциал в середине XIX-начале XX века : очерки. – М., 2003. – С. 304.

27. История организации уполномоченного Главного артиллерийского управления генерала С.Н. Ванкова по производству снарядов по французскому образцу. 1915-1918 гг. – М., 1918. – С. 34; Маниковский, А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914-1918 гг. Ч. 1 / А.А. Маниковский. – М., 1920. – С. 18.

28. После окончания I Мировой войны С.Н. Ванков объяснил необходимость постановки производства снарядов по французскому образцу на Русских заводах. Ванков писал: «Наши союзники – англичане и французы – сами испытывали большой недостаток в боевом снабжении, так как их промыш-

ленность не успевала удовлетворить нужды их действующей армии, то ясно, что они не могли помочь боевым артиллерийским снабжением нам». Подробнее см.: Ванков, С.Н. Сталистый чугуун. Новый металл для машиностроения, впервые применяемый в снарядном деле во время I Мировой войны 1914-1918 гг. Отдельный отпуск статьи, помещенной в номере 5-9 «Вестника металлопромышленности» за 1922 г. – М., 1922. – С. 2. Вместе с тем, В.А. Емец писал, «что русская армия в основном обеспечивалась вооружением и боеприпасами, поступающими с Русских заводов». См.: Васюков, В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции, 1916 – февраль 1917 г. / В.С. Васюков. – М., 1989. – С. 27.

29. Высочанский, С. Наша семья. Ее прошлое / С. Высочанский // Мир Паустовского. – 2000. – №15-16. – С. 15.

30. Черняк, А. Указ. Соч. С. 82.

31. Центр новейшей истории Брянской области ГАБО (далее ЦНИБО ГАБО). Ф. 451. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

32. Барсуков, Е.З. Артиллерия русской армии (1900-1917 гг.). Т. II. Ч. III / Е.З. Барсуков. – М., 1949. – С. 167.

33. ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 286. Л. 39; Подробнее о социальном положении рабочих Брянского арсенала в начале XX в. см.: Бобков, В.А. Социальные противоречия в среде работников военной промышленности Брянщины в начале XX в. // Брянской области – 60 лет : материалы научно-практической конференции 16 июня 2004 г. – Брянск, 2004. – С. 99-104.

34. ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 286. Л. 49-49об.; Ф. 376. Оп. 1. Д. 307. Л. 116.

35. Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 286. Л. 121-121об.

36. Там же. Ф. 337. Оп. 1. Д. 262. Л. 9.

37. ЦНИБО ГАБО. Ф. 451. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

38. ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 286. Л. 59об.

39. Там же. Л. 97.

40. Там же. Л. 88-88 об.

41. Там же. Л. 1-1об.

42. Там же. Л. 89.

43. ЦНИБО ГАБО. Ф. 451. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

44. ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 286. Л. 22.

45. Там же. Д. 324. Л. 1.

46. Там же. Д. 330. Л. 1.

47. Там же. Д. 324. Л. 1.

48. Там же. Д. 330. Л. 33.

49. Там же. Оп. 2. Д. 76. Л. 12.

50. Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 96.

51. Там же. Оп. 2. Д. 76. Л. 18об.

52. Там же. Л. 25.

53. В состав расценочных комиссий на Брянском Арсенале входили: выборный от мастеровых по определенной мастерской, специалист расценщик от мастеровых определенной категории и представитель от администрации арсенала.

54. ГАБО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 323. Л. 26.

55. Там же. Ф. 221. Оп. 2. Д. 381. Л. 42.

56. Там же. Л. 54.

57. Высочанский С. Указ. Соч. С. 20.

58. ЦНИБО ГАБО. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

59. Там же. Ф. 451. Оп. 1. Д. 41. Л. 7; О создании Красной гвардии так же см.: Панков, М.Г. Григорий Панков / М.Г. Панков. – Тула., 1981. – С. 55.

60. ЦНИБО ГАБО. Ф. 451. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.

61. ГАБО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 381. Л. 58.

62. Высочанский С. Указ. Соч. С. 20.

63. Каминский, О.М. На грани возможного (ГАУ в предвоенные годы Великой Отечественной войны 1917-1945 гг.) / О.М. Каминский // Повелители огня. – М.-СПб, 1997. – С. 99.

64. Барсуков Е.З. Указ. Соч. С. 91.

65. ГАБО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 381. Л. 81.

66. История Брянского края. XX в. – Клинцы, 2003. – С.

132.

В.П. Алексеев,
*заместитель директора Брянского
государственного объединенного
краеведческого музея*

Родословная роспись брянских дворян Алымовых

I

1 Григорий

II

2/1 Василий Григорьевич, в 1584 брянский сын боярский

3/1 Григорий Григорьевич

4/1 Петр Григорьевич

5/1 Семен Григорьевич, в 1584 служил по Брянску с окладом 7 руб.

III

6/3 Глеб Григорьевич, прозвище Борис

7/3 Семен Григорьевич, прозвище Басогор

8/4 Иван Петрович Есеня, в 1594-1595 орловский помещик

IV

9/6 Дмитрий Глебович, ум. после 1641. В 1610 получил под Смоленском грамоту короля Сигизмунда на брянское поместье. В 1613 за осадное московское сидение царя Василия Шуйского пожалован 100 чет. в вотчину из 500, которые были у него в поместье. В 1626 в Брянском у. жеребии сел Осовик и Голяжье. В 1640 – 142 чет. в с. Покиничи

10/8 Семен Белогор Глебович, ум. 1640, в 1626 жеребии в селах Снопоть и Покиничи.

Ж. Лукерья

V

11/9 Тимофей Дмитриевич, ум. 19.07.1669, жилец

12/9 Никита Дмитриевич, бездетный

VI

13/11 Дмитрий Тимофеевич жилец, в 1667 по случаю заключения Андрусовского перемирия пожалован в вотчину 120 чет. из 660 чет поместья в с. Покиничи и Голяжье

14/11 Евстрат Тимофеевич, ум.ок.1743, 19.02.1700 пожалован Петром I «за службу предков и отца его» в войне с поляками до заключения Андрусовского перемирия 200 чет. в вотчину из поместий в Боровском у. в Суходольском стане в пустоши Еншиной 5 чет. пашни, в Брянском у. в Подгородном стане в с. Голяжье 32 чет., в д. Стаевой – 8 чет., в пуст. Шамордино – 8 чет., в Вороницкой вол. – в пуст. Матакиной – 40 чет., в с. Сеславле – 20 чет., в с. Новоселках – 1 чет., в Пацынской вол. – в с-це Павловском – 50 чет. Всего в Брянском у. – 1050 чет., в Карачевском у. – 103 чет., в Серпейском у. – 132 чет., в Боровском – 5 чет. В 1699 построил в Брянске каменный Покровский собор.

Ж.1 Безобразова ? Федоровна

Ж.2 Юрасова ? Афанасьевна

15/11 Ксенофонт Тимофеевич, стольник, в 1669 сделал вклад в Свенский монастырь, в 1699 – путивльский воевода. В 1700 – подал челобитную Петру I на Григория Батурина, который в приказной избе в Москве сказал на Алымова, что тот смотрит «зверообразно». «И тем он меня холопа твоего обесчестил». Ссылаясь на «Уложение» просил доправить на Батурине бесчестье. Петр приказал за такое недельное челобитье взыскать с Алымова 10 руб. пени и раздать на милостыню нищим по 4 коп. на человека по богадельням при московских церквях.

Ж. Пояркова Агафья Ивановна

16/11 Измаил Тимофеевич, ум. ок.1699, жилец, в 1679 – стряпчий, 1682-1692 – стольник, по переписи 1677 помещик в д. Токаревой, 16 крестьян, 15.09.1701 дал вклад в Свенский монастырь: коня бурого с седлом и уздечкой в серебряной оправе, седло арчак с подушкой, покрытой козловыми шкурами, пару пистолетов, булатную саблю и 10 аршин сукна – всего на 150 руб. К этому вкладу он добавил 50 руб. деньгами.

Ж. Домна Васильевна

VII

17/14 Акинфий Евстратович, ум.9.03.1743, прокурор Московской губернии, до получения отцовского наследства в 1735 в Брянском у. – 29 чет., в Карачевском – 70 чет., в Серпейском – 143 чет.

Ж. 1 Васса

Ж. 2 Ржевская Стефанида Матвеевна, 11.1705-10.02.1762, погребена в Московском Знаменском монастыре. В первом браке за князем Голицыным Александром Ивановичем. После смерти Акинфия вышла замуж за князя Багратиона Николая Семеновича.

18/15 Никанор Ксенофонтович

19/15 Матрона Ксенофонтовна, погребена в Свенском монастыре.

М. брянский помещик князь Мещерский Алексей Юрьевич

20/16 Дарья Измайловна

М. Безобразов, поручик лейб-гвардии, племянник Аксентия Безобразова.

21/16 Марфа Измайловна

22/16 Ульяна Измайловна.

М. Лавров Елизарий

23/16 Александра Измайловна

VIII

24/17 Иван Акинфиевич, полковник ум.1756

Ж. Анна Васильевна

25/17Федор Акинфиевич бездетен, капитан Каргопольского драгунского полка

26/17Елизавета Акинфиевна

М. полковник Греков Степан Максимович

27/17Неонила Акинфиевна

М. Засецкий Яков Петрович

28/17Екатерина Акинфиевна

М. подпоручик князь Хованский Михаил Михайлович

IX

29/24 Евграф Иванович, р.1742, холост, полковник Ярославского пехотного полка, в 1793 наследственное имение в Рославльском у. в с. Пацыни и Щипании: 54 души – м.п., 52 – ж.п.

30/24 Николай Иванович, р.1745, поручик

Ж.. Тютчева Наталья Ивановна, р.1757

31/24 Дмитрий Иванович, р. 1750, премьер-майор, кол. сов., начальник Кяхтинской таможни. При Павле 1 управляющий экспедицией Государственного казначейства. В1793 в с. Голыжье Брянского у. и в с. Никольское Карачевского у. с четырьмя деревнями 659 душ – м. п. и 635 – ж.п.

Ж. Бунина Авдотья Афанасьевна, р. 1754, сводная сестра поэта В.А. Жуковского

32/24 Аркадий Иванович, р.1754, надворн. сов. В 1793 в с. Венюково Алексинского у. Тульского наместничества, душ: 55 – м.п. и 58 – ж.п., и покупное в Рославльском у. в с. Федоровское, Осовик и д. Сеща 106 – м.п. и 102 – ж.п.

Ж. Смирнова Екатерина Васильевна, р.1761

33/24 Александр Иванович, р.1750, гвардии прапорщик, в 1793 в с. Токарево Брянского у. и 4-х деревнях душ: 306 – м.п., 207 – ж.п.

Ж. Потресова Александра Адамовна, р.1759

34/24 Александра Ивановна, в 1793, в с –це Рожны Рославльского у. душ: 70 – м.п., 50 – ж.п., в с-це Перовском Судженского у. Курской губ. душ: 54 – м.п., 49 – ж.п.

35/24 Елизавета Ивановна

М. Векентьев Федор

36/24 Ольга Ивановна

М. Языков Евграф, прокурор

37/24 Татьяна Ивановна

М.Демидов Василий

38/24 Прасковья Ивановна, р.1730

М. Шеншин Михаил Степанович, прапорщик

39/24 Клавдия Ивановна

40/24 Глафира Ивановна 1758-1826, одна из первых воспитанниц Смольного института, первая русская арфистка.

М.1. Ржевский Алексей Андреевич

2. Маскле Ипполит Петрович, учитель французского языка в Москве. После этого брака Александр I пожаловал ему дворянство и чин камергера.

Х

41/30 Иван Николаевич, р.1794, в службу вступил подпоручиком 15.08.1810, в 1812-м в 3-ей артиллерийской бригаде, с 8.08.1814 – штабс-капитан. В походах: 16.03.1813 через Варшаву в Пруссию и Силезию и обратно в Россию, в 1815 – во Францию до Парижа через Германию, Саксонию и Пруссию и назад. Знал немецкий, французский языки; геометрию, практику высших исчислений, фортификации, полевой и долговременной обороны крепостей, артиллерию, физику, механику, статистику, гидравлику, рисование, историю и географию статистическую. С 1822 состоял в отделении корпуса военных поселений с награждением чином подполковника с мундиром, при отставке сказал, что о казенном пропитании нигде просить не будет. Указ об увольнении от 28.01.1823 подписан главным над военными поселениями начальником генералом от артиллерии Аракчеевым.

В 1823 в Брянском у., в с. Токарево 300 душ м.п. В 1858 в Брянском у. в с. Спасское, Покровское тож, дворовых людей 32 м.п., 26 ж.п., крестьян в д. Быковичи 108 м.п., 117 ж.п., в д. Костыли – 173 м.п., 197 ж.п.

Ж. Анна Николаевна, в 1858, в с. Олешне Брянского у., 90 м.п., 101 ж.п.

42/30 Аграфена Николаевна, р.1788

43/30 Анна Николаевна, р.1791

М. Вистенгоф Федор, кол. рег.

44/32 Иван Аркадьевич, р.1785, в 1791 – гвардии капрал

45/32 Федор Аркадьевич, р.1791

46/32 Мария Аркадьевна, р.1787

47/32 Екатерина Аркадьевна, р.1790

48/33 Павел Александрович, 1786-1835

вступил в службу в Тамбовский пехотный полк унтер-офицером 14.03.1805, после – прапорщик, подпоручик. В октябре 1809 уволен со службы поручиком с мундиром и определен на инвалидное содержание, с 29.04.1811 – городничий в Быхове, в 1813 – городничий в Белице, 25.08.1814 уволен по болезни. С 14.07.1807 в походе в Пруссию до г. Белостока, с 22.05.1809 – в австрийские владения в Галиции до г. Тарнова. С 13.03.1810 – в Молдавии и Валахии. 6.14.1810 после переправы через Дунай – в Болгарию, 22.05.1810 при штурме г. Базарчука и истреблении всего неприятельского корпуса и взятии в плен сераскира паши Пехлевана ранен картечью в ногу.

Ж. Путята Мария Ильинична, в 1858 в с. Пашкове – 30 м.п., 30 ж.п., в д. Козок – 17 м.п., 23 ж.п.

49/33 Александр Александрович, р.1787

50/33 Василий Александрович, р.1791

51/32 Егор Александрович, р.1792

52/33 Аким Александрович, р.1794

53/33 Максим Александрович, р.7.08.1797, вступил в службу юнкером в г. Варшаве 6.08.1817 в лейб-гвардии уланский полк. В 1826 – штабс-капитан. Участвовал в разгроме польских повстанцев под г. Прагою на Гроховских полях, в походе к местечку Минск и обратно, при отражении повстанцев и при штурме г. Калиша. Уволен с мундиром в 1831. С 1840 по 1842 – окружной орловский начальник государственных имуществ, с 1850 – судья Рославльского земского суда, в 1860 – директор Рославльского тюремного отдела. Кавалер ордена Св. Анны 3 ст., Св. Владимира 4 ст., знака отличия за военное достоинство 4 ст., знака за 15 лет безукоризненной службы, бронзовой медали на Владимирской ленте в память войны 1853-1856 г.г. жалованья в год 521 руб. 16 коп. сер. Имение в Рославльском у. – 54 души

Ж. Лукашова Анна Порфирьевна

54/33 Анастасия Александровна, р.1788

55/33 Екатерина Александровна, р.1789

56/33 Капитолина Александровна, р.1798

57/33 Елена Александровна, р. 1799

XI

58/41 Платон Иванович, р. 6.8.1828, крещен в церкви с. Токарева
9.08.1828 протоиереем Леонтием Солнцевым

59/41 Николай Иванович, р. 29.09.1829, крещен в с. Клечетове

60/41 Ростислав Иванович, р. 12.05.1835

61/41 Людмила Ивановна, р. 1824

62/41 Таисия Ивановна, р. 1825

63/41 Варвара Ивановна, р. 1827

64/41 Наталья Ивановна, р. 2.05.1832, крещена в церкви с. Клечетова

65/41 Анна Ивановна, р. 1834

66/48 Александр Павлович, р. 1.09.1828

67/48 Илья Павлович, 21.05.1831-16.05.1884, в Киеве преподаватель морского дела, морской писатель

68/48 Софья Павловна, р. 15.06.1825

69/48 Александра Павловна, р. 30.04.1826

70/48 Мария Павловна, р. 12.07.1827

71/48 Анна Павловна, р. 26.06.1830

72/49 Александр Александрович, 1842-25.08.1892

73/53 Павел Максимович, р. 13.04.1850

74/53 Константин Максимович, р. 3.02.1852

75/53 Сергей Максимович, р. 24.09.1854

76/53 Варвара Максимовна, р. 16.09.1842

77/53 Екатерина Максимовна, р. 14.07.1847

78/53 Надежда Максимовна, р. 6.08.1854

XII

79/59 Венедикт Николаевич, в 1924 было конфисковано их имение в Брянском у.

80/59 Александр Николаевич

Источники

ГАБО, ф.5, оп.2, д. 670

ГАОО, ф.68, оп.1, д.65

РГИА, ф.1343, оп.16, д.1410

Лобанов-Ростовский, А.Б. Русская родословная книга / А.Б. Лобанов-Ростовский. Т.1. – СПб., 1895.

Сокращения

вол. – волость

г. – город

д. – деревня

ж. – жена

ж.п. – женский пол

кол. рег. – коллежский регистратор

кол. сов. – коллежский советник

коп. – копеек

м. – муж

м.п. – мужской пол

надворн. сов. – надворный советник

ок. – около

пуст. – пустошь

р. – родился

руб. – рублей

с. – село

Св. – Святого

ст. – степень

с-цо – сельцо

у. – уезд

ум. – умер

чет. – четверть

Известный военный деятель и дипломат (генерал-лейтенант Н.В. Славин)

Наш знаменитый земляк, генерал-лейтенант Николай Васильевич Славин, остался в памяти брянцев как талантливый военный деятель и искусный дипломат.

Родился Славин в 1903 году в селе Брасово Брянской области, в семье почтово-телеграфного служащего в имении великого князя Михаила Романова.

Его отец, Василий Афанасьевич Славин, был образованным человеком, отличным семьянином, хорошим воспитателем своих детей. Как опытному специалисту, Михаил Романов поручил ему в старых апраксинских дворцах в селе Брасово открыть почтово-телеграфную контору с центральной станцией телефонной связи, и В.А. Славин успешно выполнил это задание. Для провинциального села конца 19 века это новшество было значительным и важным. Телефонизированы были княжеский дворец, главная контора имения, лесничества, заводы и другие хозяйственные объекты, работал телеграф.

Мать Коли Славина – Антонина Ивановна – была домашней хозяйкой, заботливой матерью, скромной русской женщиной-труженицей, имеющей педагогический подход в обучении и воспитании своих детей и отдающей им теплоту своего сердца. Она с мужем воспитала четырех замечательных детей. Их дочь Елена Васильевна, тоже уроженка с. Брасово, стала полковником Советской Армии, служила она в Генеральном штабе на ответственной работе. За безупречную работу была награждена высокими правительственными наградами. Умерла в 1963 году.

Младший из семьи Славиных – Владимир Васильевич – погиб в бою под г. Рославлем в 1943 году. Капитану В.В. Славину в тот год исполнилось 27 лет.

Антонина Ивановна – мать семейства Славиных – пережила своего любимого сына, Николая Васильевича, на 7 лет, и умерла в 1965 году в возрасте 86 лет.

Брасовская средняя школа гордится тем, что её учеником был любознательный и способный мальчик Коля Славин, который окончил эту школу в 1914 году. Как лучший ученик он поступил для продолжения учебы в Жиздринскую мужскую гимназию, которую окончил в 1918 году.

Заботливые родители даже переменили постоянное место жительства и переехали в г. Малоярославец в 1915 году, чтобы быть ближе к месту учебы Николая. В г. Малоярославце Николай Славин начал свою трудовую деятельность. Из этого города, в 1921 году, Николай Славин ушёл на службу в Красную Армию.

Его служебная карьера в армии складывается успешно.

Славина заметили как образованного, целеустремленного, волевого красноармейца, который успешно постигал военную науку, умел работать с людьми и имел большую склонность к изучению иностранных языков. Он становится командиром Красной Армии. Весь послужной список Н.В. Славина до сих пор не расшифрован, так как на отдельных сторонах его деятельности лежит гриф «секретно», многое он делал без права называть себя.

В 1936 году Н.В. Славина берут на работу в Генеральный штаб, а через год его направляют в правительственную командировку в Китай, где в то время шла война. Семья более двух лет не видела его, так как выезжать из Китая ему не разрешалось, также, как и часто писать письма.

За большую помощь революционным силам Китая в 1937-1939 годах Н.В. Славин впоследствии получил высокую награду от правительства Китайской Народной Республики.

В годы Великой Отечественной войны, в сентябре 1944 года, при Генеральном штабе было создано новое управление, которое выполняло специальные задания, связанные с союзниками антигитлеровской коалиции, и ведало всеми вопросами

внешнеполитической деятельности Генштаба. Начальником этого очень важного управления был назначен генерал-лейтенант Николай Васильевич Славин, давно работавший в Генштабе в этой области.

Через это управление также осуществлялось руководство советскими военными миссиями в странах наших союзников.

Необычно высокую оценку личных качеств и многогранной деятельности Н.В. Славина того периода дал бывший начальник Генерального штаба генерал С.М. Штеменко. В книге “Генеральный штаб в годы войны” он пишет: «А очень тонкую работу по поддержанию контактов с Министерством иностранных дел по связям Генштаба с союзниками вёл со своим немногочисленным, но очень квалифицированным аппаратом скромнейший, кристальной души человек генерал-лейтенант Н.В. Славин. Он являлся в то время неизменным участником переговоров с военными представителями США и Англии, а также с главами союзных держав, присутствовал на многих международных конференциях...».

В годы второй мировой войны остро стоял вопрос о создании международной организации государств, какой впоследствии стала Организация Объединенных Наций, в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и развития сотрудничества между государствами.

В разработке предварительного Устава ООН на конференции в Думбартон - Оксе /США/ в 1944 году активно участвовал член делегации СССР Н.В. Славин. Поскольку он вложил немало энергии, знаний и сил, а также проявил дальновидность в разработке предварительного устава ООН, генерал-лейтенант Н.В. Славин был включен в состав делегации СССР на учредительную Сан-Францисскую конференцию 1945 года, принявшую Устав ООН, который вступил в силу 24 октября 1945 года.

В этот важнейший документ ООН вписал свою строку и наш земляк Н.В. Славин. На Потсдамской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США, Великобрита-

нии в период с 17 июля по 2 августа генерал-лейтенант Славин входил в состав военной делегации, которую возглавлял маршал Г.К. Жуков.

Нашей стране удалось убедить союзников принять большинство тех предложений, которые разработала советская делегация. Принципы Потсдама и поныне являются фундаментом послевоенного мирного устройства в Европе.

На Парижской мирной конференции 1946 года генерал-лейтенант Н.В. Славин возглавлял советскую делегацию. Эта конференция рассмотрела проекты мирных договоров государств антигитлеровской коалиции, одержавших победу во второй мировой войне, с бывшими союзниками фашистской Германии в Европе – Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией, Финляндией и одобрила большинство подготовленных ранее статей мирных договоров с этими государствами.

10 февраля 1947 года состоялось подписание Парижских мирных договоров с этими государствами. От СССР подпись на них поставил глава делегации генерал-лейтенант Н.В. Славин.

Работал Н.В.Славин также на международных конференциях в Женеве /1948 г./, в городе Торонто /Канада/, ряде других.

В 1950-53 годах Николай Васильевич находился на военно-педагогической работе в Министерстве обороны СССР, а с 1953-го по 1955-ый год заведовал 2-м Европейским отделом Министерства иностранных дел.

В 1955-58 годах Н.В.Славин – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Дании. На этом посту Николай Васильевич умер в расцвете сил на 55 году жизни. В некрологе, подписанном руководством страны 9 сентября 1958 года, Н.В. Славин назван “самоотверженным и неутомимым тружеником, чутким и скромным товарищем”. Похоронен он на Ново-Девичьем кладбище в Москве.

Славин был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Кутузова – 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, многими медалями, а также орденами иностранных государств: американским

орденом “За заслуги”, французским орденом “Почётного легиона” и французским крестом, югославским орденом “Братство и Единство” и “Партизанская звезда “ I степени, чехословацким орденом “Белого льва” и крестом, орденом Красного Знамени и медалями Монгольской Народной Республики, польским крестом Грюнвальда, норвежским орденом “Святого Олафа”, болгарским орденом “За заслуги” и др.

Помнят имя прославленного земляка на его родине. Жена Н.В. Славина передала Брянскому историко-краеведческому музею для экспозиции ордена, медали, фотодокументы, а также военный мундир Николая Васильевича.

Очень интересные экспонаты есть и в музее Брасовской средней школы, откуда в большую жизнь ушел наш земляк.

Н.Е. Акиншина,
*директор Унечской межпоселенческой
центральной библиотеки*

Знаменитые люди Унечского района: Мария Николаевна Косич

На территории Унечского района располагаются сёла, историческое прошлое которых связано с людьми, прославившими Россию. Когда начинаешь перечислять их, невольно берёт гордость за свой край, свою малую родину. Среди них — Мария Николаевна Косич, рассухская помещица, собирательница и исследовательница этнографических и фольклорных материалов, просветительница XIX — начала XX вв., которая своей подвижнической деятельностью внесла значительный вклад в изучение и описание быта, традиций крестьян Черниговской губернии, особенно их языка. Её имя, открытое не так давно (10 лет назад), к сожалению, наименее изучено. По причине отсутствия официальных источников мы не располагаем абсолютно достоверными сведениями о судьбе Марии Николаевны, не знаем даже, как

она выглядела, так как ни фотографии её, ни портрета не сохранилось. О Марии Николаевне мы узнали благодаря заведующей Рассухской сельской библиотекой В.В. Варочка, которая, занимаясь историей села, ведёт краеведческую деятельность.

Родилась Мария Николаевна в с. Рассуха Мглинского уезда Черниговской губернии в 1850 г. Детство её прошло на хуторе деда Герасима Матвеевича Силевича. Училась она в Патриотическом институте в Санкт-Петербурге. В 17 лет вышла замуж за ветврача, рассухского помещика Николая Николаевича Косича.

Из книги журналиста Петра Чубко: «...она была замужем за ветврачом, который, как принято в то время в деревне, являлся доктором для всех. Приходившие в дом крестьяне делились с ними своими радостями и печалью, пели по просьбе Марии их любимые песни. Мария Николаевна на зиму с мужем уезжала в Чернигов, где она работала в редакции, землю, в большинстве своём сдавала в аренду крестьянам, которые часть урожая отдавали ей» [1].

Со слов старожила Егора Кирилловича Горбатенко знаем, что была она высокого роста, среднего телосложения, с тёмно-русыми волосами. По характеру – добрая, сознательная, крестьян не обижала. Как рассказывал нам Егор Кириллович, Марию Николаевну в селе уважали и ласково называли Косичка.

В Рассухе семья Косич вначале жила в маленьком флигеле, а затем в большом деревянном доме, в котором была большая библиотека. В 1917 г. дом был разграблен. Видимо, и библиотека тоже.

В конце XIX в. князем В.Н. Тенишевым было организовано Этнографическое бюро, основной задачей которого являлся сбор этнографических сведений о крестьянстве и городских жителях. Была разработана «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России» и разослана в различные регионы страны, которая охватывала все стороны жизни крестьянства. Кроме того, существовали различного рода программы и

руководства по записи фольклора, рассылаемые в разные уголки страны Русским географическим обществом.

Описания составлялись, в основном, местными собирателями, проживающими в исследуемых поселениях. Причём, материалы собирались представителями разных сословий. Повидимому, Мария Николаевна была одним из таких собирателей. Программа требовала дифференцированного подхода для изучения жилья. «Для изучения построек, – говорилось в программе, – необходимы наблюдения над всеми разновидностями: богатыми и бедными, старыми и молодыми...».

Ответом Марии Николаевны на эту программу явился этнографический труд описательного характера – «О постройках белорусского крестьянина Черниговской губернии Мглинского уезда села Рассуха, деревни Бородинки и Амелькина хутора». С учётом требований Программы Мария Косич сделала описание построек трёх населённых пунктов белорусов Черниговщины. Она описывает жильё зажиточных, средних и бедных крестьян. Жильё зажиточного крестьянина складывается из двух домов, связанных между собой коридором, клетями и многими хозяйскими постройками. Жильё среднего крестьянина – меньше размерами и количеством строений. У бедных же селян жильё было совсем неприглядное.

Косич обозначает традиционное устройство внутренней планировки жилья и ту особенность прежнего строительства его в описываемых населённых пунктах, когда жилое помещение пряталось в глубине двора, а к улице ставился навес. Однако, позже молодые хозяева стали строить дома с окнами на улицу, украшая их наличниками. Изготовлением и украшением наличников занимались наемные плотники: *«Среди этих, так называемых, настоящих плотников, уже проявляется стремление украшать постройки. Например, сделает он, с согласия, конечно, хозяина, наружный наличник у окна и прибьёт вырезанную из доски фигурку. Затем, у молодых хозяев, при новых постройках, поставленных окнами на улицу, замечается иногда окраска оконных рам и наличников в синий и зелёный цвет»* [2].

Многое из описанного Марией Николаевной, сохраняет практическое значение и в наши дни.

Изучая жизнь народа, Мария Николаевна видела, насколько богат его духовный мир. Результатом её стараний стал труд «Литвины – белорусы Черниговской губернии, их быт и песни», который содержит уникальный по своей научности материал. Он даёт достоверное представление о крестьянской жизни на рубеже 19-20 веков в разных аспектах: историческом, географическом, бытовом; описываются также крестьянские поселения и постройки. Своеобразно Мария Николаевна описывала Полесье.

«...Так называемое Полесье начинается от границы Стародубского уезда ко Мглину и идёт к западу по речке Унече, где станция Полесской железной дороги того же названия. Здесь нет шири и глади степной, негде разгуляться взору, но зато на каждом шагу разнообразие леса, горки, лужки, неожиданные обрывы – всё это чередуется между собой, каждое местечко манит к себе на отдых... » [3]. «Горы высокие, ляды широкие, летом – всё есть там: гриб, орех, жёлудь, всякая ягода. А весной, как начнут распускаться деревья, черёмуха по оврагам расцветает. Такой диковинки не найдёшь нигде в целой округе» [4].

Значительное место в книге занимает описание крестьянской жизни, в основном, беспросветно-бедной. В прежние годы народ «крепко голодовал», весной люди ели липовую мезгу, чтобы не умереть с голоду. Чистый хлеб считался роскошью и признаком богатства. Денег у крестьян не было. Одежда вся была домашняя: от овцы, посконей и льна, лапоть свой, лучина для освещения тоже.

Вторая и третья части книги посвящены обрядам, языку. Изучая народные традиции, обряды, она обошла немало деревень, собирая богатый языковой материал. Интересуясь живым народным словом, Мария Косич каждое лето (на протяжении полувека) проводила в Рассухе, чтобы побродить по местным деревушкам, сёлам, и, как пишет Григорий Метельский, «где

уговорами, где подарками заставляла петь баб и мужиков» [5]. Ведь жизнь крестьян была неразрывно связана с песней: с календарными праздниками, полевыми работами, набором на военную службу, свадьбой, похоронами. Стремясь сохранить это духовное богатство, Мария Николаевна записывала слова песен, а затем публиковала их в своих трудах. Она записывала песни, которые передаваясь из поколения в поколение, раскрывали сущность народа, трогали до глубины души. У самой же Марии Николаевны, по воспоминаниям старожилов, любимой песней была «То не ветер ветку клонит...».

Благодаря этой книге, мы знаем, что мужики у нас пели только до женитьбы и во время рекрутского набора. А вот женщины лишь в песнях и отводили душу. Пели о своей горькой крестьянской жизни. Всего в книге собрано около трёхсот песен, на все случаи жизни.

Для нас очень важно, что печатные фольклорные записи, сделанные Косич, в числе других явились основой для “Словаря народных говоров Западной Брянщины” профессора лингвистики Павла Расторгуева.

С 1891-го по 1916-ый год в России Этнографическим отделением Императорского русского географического общества в Санкт-Петербурге под редакцией В.И. Ламанского издавался журнал «Живая старина», в котором наибольшее внимание уделялось этнографии и фольклору народов, населявших Российскую империю. Вот в этом журнале в начале XX века были опубликованы статьи М.Н. Косич, посвященные быту крестьян Мглинского уезда Черниговской губернии, в том числе, и «Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни». Позже отдельные фрагменты статьи были изданы в Санкт-Петербурге в типографии внука известного историка Николая Карамзина — князя Владимира Петровича Мещерского (1839-1914), одного из самых неоднозначных фигур русской литературы второй половины XIX века, писателя, публициста, редактора-издателя газеты-журнала «Гражданин».

Эту работу Марии Николаевны Русское географическое общество наградило золотой медалью.

Второй сборник песен, уже с мелодиями и аккомпанементом, получил высокую оценку известного русского языковеда, исследователя русского летописания, академика Алексея Александровича Шахматова.

Мария Николаевна была не только собирателем фольклора, исследователем, но и автором **описательно-дидактической поэмы «На переселение. Рассказ тётки Домны из Полесья»**. Посвящена поэма сестре Агате. Издана в 1903 году в Чернигове. Как видно из названия, рассказ в поэме ведётся от лица тётки Домны.

13 июля 1889 г. был принят закон о переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли Иркутской и Енисейской губерний. Многие жители с. Рассуха в поисках лучшей доли были вынуждены покинуть родные места и уехать в далёкие сибирские края. Вот о таком переселении нескольких семей из Рассухи и рассказывает поэма Марии Косич: *«С ранней весны сохи покидали, как цыгане – башлыки, добро продавали, что ещё деды наши наживали...», «Бабы даже гряд не сажали, потому что была думка – после Вознесенья – не переселенье...»* [6].

Само существование этой поэмы очень ценно с нескольких точек зрения. Во-первых, поэма целостно представляет картину крестьянской жизни на рубеже веков. Во-вторых, написанная не на литературном, а на живом народном языке (т.е., не так, как учит грамматика, а как произносит народ) она является ценным фольклорным материалом. По всей видимости, постоянно общаясь с крестьянами, Мария Николаевна очень хорошо владела живым разговорным языком. Следует отметить, что одна из глав поэмы построена в форме традиционного для устного народного творчества жанра – причитаний (плача). С помощью этого жанра писательница показывает горе крестьянки Дуни, семья которой уезжает в Сибирь, а она вынуждена остаться в семье мужа. В плаче Дуни, как наяву, нарисована картина её

безрадостной жизни и безысходность от разлуки с родственниками.

Эта поэма говорит о том, каким знатоком фольклора и народной жизни была Мария Николаевна.

Надо сказать, что книгу читали всем селом. Результат был поразительным. Чтения находили самый живой, самый трепетный отклик у жителей Рассухи, сближали представителей разных поколений. В книге показаны реальные люди, потомки которых живут в Рассухе и сейчас. Как потом говорили многие, при чтении поэмы у них возникало чувство личной сопричастности к судьбе родной земли, её прошлому.

Люди плакали, узнавая в героях поэмы своих родственников, дедов и прадедов, у которых даже уличные прозвища были такими, как у теперешних рассухцев. Примечательно и то, что характер, наклонности героев поэмы, совпадают с наклонностями их потомков, живущих в настоящее время. Например, если, у одного из героев Мария Николаевна описывает воровские повадки, то они проявляются и сейчас, через несколько поколений, у его потомков.

Для людей пожилого возраста язык поэмы, в основном, понятен, а вот учащиеся, молодёжь, люди среднего возраста не понимали многих слов.

С целью разъяснения их значения В.В. Варочка с 2000 г. стала заниматься сбором рассухского диалекта. На сегодняшний день собрано около 200 забытых или полузабытых слов, полностью или частично изменивших своё значение. Все они вошли в «Словарь диалектов села Рассуха», изданный в Унечской межпоселенческой центральной библиотеке.

Говоря о работах Марии Николаевны Косич, можно с уверенностью сказать, что своими работами она открыла факт существования самобытного языка и самобытной культуры крестьян Мглинского уезда Черниговской губернии. На территории Мглинского уезда конца 19-начала 20 вв., куда входил и теперешний Унечский район, проживали и русские, и белорусы, и украинцы, т. е. фактически жители сопредельных областей Рос-

сии, Белоруссии и Украины составляли (да и составляют сейчас) неразрывный этнос, в котором воедино сплелась специфика культуры трёх народов – уникальный говор. То есть, на Брянщине органически переплелись культурные традиции трех восточнославянских народов.

Каждая работа Марии Николаевны по-своему уникальна, содержит ценные сведения для исследователей, историков, фольклористов, краеведов, всех тех, кто занимается изучением прошлого своей малой родины.

Умерла Мария Николаевна от туберкулёза в 1911 году. По одной из версий, похоронена на территории монастырского кладбища села Разрытое нынешнего Мглинского района.

Говоря о Марии Николаевне, её творчестве, мы не только стремимся сохранить её наследие, донести его до населения, но и занимаемся последовательным изучением её произведений.

На наш взгляд, российская фольклористика и этнография выглядели бы беднее, если бы в их истории не было страниц, связанных со скромным именем нашей землячки Марии Николаевны Косич.

Литература

1. Чубко, П.Н. На пороге столетий : историко-краеведческие очерки / П.Н. Чубко. – Брянск, 1998. – С. 36.
2. Косич, М.Н. О постройках белорусского крестьянина Черниговской губернии, Мглинского уезда: с. Рассуха, д. Бородинка и Амелькин хутор / М.Н. Косич // Живая старина. – 1906. – Т. XV, №1. – С. 88.
3. Косич, М. Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни / М.Н. Косич. – СПб., 1902.
4. Там же.
5. Метельский, Г.В. Листья дуба / Г.В. Метельский. – М.: Мысль, 1974. – С. 222.
6. Косич, М.Н. На переселение. Рассказ тётки Домны с Полесья / М.Н. Косич. – [1903].

А.А. Чубур,
*профессор РАН, заслуженный работник
науки и образования, к.и.н.,
доцент Брянского государственного университета
им. академика И.Г. Петровского*

Петр Армашевский – ученый и гражданин

Очерк ставит целью хотя бы в общих чертах осветить биографию и достижения одного из первых исследователей геологии Подесенья – Петра Яковлевича Армашевского.

Малороссийский дворянский род Армашевских был внесен в VI часть Родословной дворянской книги в 1795 г. Петр Армашевский родился в 1851 г. в городе Новозыбкове Черниговской губернии (ныне Брянская область). Окончив Черниговскую гимназию, он поступил на физико-математическое отделение Киевского Императорского университета Св. Владимира, где обучали естествознанию.

Петр Яковлевич
Армашевский

Учреждение самостоятельной кафедры геологии и палеонтологии во всех русских университетах по Уставу 1863 г. дало толчок к развитию геологических исследований в Российской Империи. Этому способствовали и Общества естествоиспытателей. В 1869 г. при Киевском университете было учреждено такое Общество. Армашевский стал активным его членом. Впоследствии его работы по геологии, минералогии, петрографии и кристаллографии регулярно находили место на страницах «Записок Киевского Общества естествоиспытателей» и в «Известиях Геологического комитета». Курс геологии читал выдающийся русский ученый, профессор Константин Матвеевич Феофилактов (1818-1901). Коренной петербуржец, окончивший на родине

Главный пединститут, он с 1845 г. жил и работал в Киеве. Среди плеяды его учеников можно назвать Ф.И. Каминского (народного учителя, что в скором времени открыл первую на Украине палеолитическую стоянку Гонцы), Ф.К. Волкова (в будущем создателя украинской антропологической школы и первооткрывателя палеолитической стоянки в Мезине), А.Л. Чекановского (одного из первых исследователей палеолита Сибири), П.А. Тутковского (геолога-четвертичника, академика АН Украины и Белоруссии). Армашевский принадлежал к младшему поколению учеников Феофилактова. По окончании университета в 1873 г. он получил степень магистра минералогии и геогнозии и, как одаренный исследователь, был оставлен на преподавательской работе.

Самостоятельную карьеру геолога-исследователя Армашевский начал с участия в работе над составлением геологической карты России. Феофилактов составил карту Киевской губернии и Киева, а Армашевский занялся работой на прилегающей с севера и востока территории Малороссии. Во II половине 1870-х гг. он произвел обследование геологии Черниговской губернии, изложенное в монографии [1].

В течение всей жизни Армашевский много работал над изучением «потретичных» (т.е. плейстоценовых) образований Черниговской, Полтавской, Могилевской, Киевской, Курской губерний [2]. Следует отметить высказывавшуюся П.Я. Армашевским в своих монографиях гипотезу о водном (делювиальном) происхождении лёсса и лёссовидных суглинков [3]. На Волыни им были впервые выявлены отложения палеозоя.

В 1885 г., в 35 лет, Петр Яковлевич получил ученое звание профессора Киевского университета по кафедре минералогии и петрографии. Тогда же Армашевский на заседании Киевского общества естествоиспытателей участвовал в обсуждении доклада своего учителя К.М. Феофилактова о находке в р. Глубочице на территории Киева костей мамонта и каменных орудий. Он согласился с выводом докладчика о том, что в данном случае кости и орудия не связаны меж собою [4]. В зарождаю-

щейся науке о палеолите в Поднепровье открытие следовало за открытием. Украинский археолог В.В. Хвойка в 1893 г. все-таки нашел палеолит непосредственно на территории Киева, на улице Кирилловской. Во время раскопок 1894-1903 гг. была вскрыта беспрецедентно большая даже для современных исследований площадь в 9000 м². В раскопках этой стоянки принимали активное участие П.Я. Армашевский, давший подробное геологическое описание памятника, и археолог В.Б. Антонович [5]. Изучение геологии Кирилловской стоянки было и последним исследованием достигшего преклонных лет учителя Армашевского – ушедшего в 1891 г. в отставку профессора Феофилактова. Можно сказать, что благодаря раскопкам Кирилловской стоянки Армашевский, Хвойка и Антонович стали основателями комплексной методики археологических исследований с применением естественных наук. Без неё сейчас вообще невозможно представить изучение палеолита. Результаты раскопок доложены на заседании Киевского Общества естествоиспытателей [6], а затем, 16.08.1899 г. на XI Археологическом съезде в Киеве [7].

Еще в 1870 г. Киевское Общество Естествоиспытателей организовало бесплатные курсы по естественным наукам, которые в 1878 г. были преобразованы в Высшие женские курсы (Киевский университет Св. кн. Ольги) с физико-математическим и историко-филологическим факультетами. До закрытия (1889) их посетили тысячи слушательниц. В 1906 г. курсы были возрождены усилиями киевской профессуры и до 1910 г. ими руководил П.Я. Армашевский. В его бытность ректором курсов, на открывшемся юридическом отделении обучалась в 1908-1909 гг. юная поэтесса Анна Андреевна Горенко (Ахматова).

Много времени Армашевский посвящал исследованиям гидрогеологии и оползней в окрестностях Киева. Изыскания находили практическое применение. В 1896 г. Киевская фирма «Бюро исследований почв» приступила к пробному бурению артезианских скважин для городского водоснабжения под руководством С.Г. Коклика и П.Я. Армашевского. Уже через два года началась эксплуатация первых артезианских скважин, до-

стигших сеноманского и юрского водоносных горизонтов, что, в совокупности с водозабором из Днепра давало 2,9 млн.м³ воды в год в городской водопровод. Однако потребности растущего города это едва обеспечивало. В октябре 1908 г. в докладной записке Киевской городской управе Армашевский предложил создать особую комиссию с целью надлежащей постановки артезианского водоснабжения в городе [8].

Семьей Петр Яковлевич обзавелся поздно. Женой Армашевского стала Марья Владимировна, урожденная графиня Капнист. Они познакомились в Киеве. Армашевский был намного старше, но оставался необычайно яркой, волевой личностью с пронизательным умом и богатырским телосложением. Пришла неожиданная, глубокая, страстная любовь. Казалось, она будет вечной...

Еще ко времени обучения Марии в Полтавском институте благородных девиц относится мистический эпизод: прыгая по ступенькам на Масленицу 1880 г., девушка упала и оказалась прикованной к постели. Её безрезультатно обследовали знаменитые медики. 21 февраля 1881 г. мать посоветовала ей помолиться пред старинной семейной иконой Богородицы из имения в с. Козельщина. Больная получила «чудесное» исцеление и дала наивный обет не выходить замуж, и вскоре, естественно, нарушила его. Спустя десятилетия, графиня была уверена, что навлекла этим беды на себя и на своего второго мужа-геолога (первый же умер от запоя, успев стать отцом сына и дочери).

Геолог Армашевский был не только талантливым ученым и просветителем, но и активным общественно-политическим деятелем. По зову сердца вступил Петр Яковлевич во Всероссийский национальный союз (ВНС) и стал одним из лидеров его Киевского отдела (т.н. Клуба русских националистов). Целями союза, согласно Уставу, были единство и неделимость Российской Империи, укрепление сознания русского народного единства и упрочение русской государственности на началах самодержавной власти царя в единении с законодательным народным представительством. ВНС, в отличие от партии октябри-

стов-черносотенцев, породила не реакция на революцию 1905-06 гг., а мирная жизнь времен правления П.А. Столыпина и проимперские публицистические выступления писателя М.О. Меншикова в «Новом времени». В него вошли умеренно-правые элементы образованного русского общества – ученые, военные в отставке, чиновники, публицисты – те, кто не мог принять помещения национальных вопросов на второй план, те, для кого Православие и Самодержавие вытекали из Народности (т.е. были неотъемлемой частью русской культуры), а не наоборот.

Вот текст телеграммы Петра Яковлевича руководителю ВНС журналисту и публицисту М.О. Меншикову, датированной 1914 годом, который во многом отражает цели Клуба русских националистов: «Правительственные власти и национально-русские общественные силы обязаны неусыпно бороться с повсеместным развитием мазепинских политических организаций в виде клубов, газет, журналов, обществ содействия начальному образованию, кооперативов, книгарен, музыкальных гуртков и других, которые под предлогом этнографически-культурных задач на самом деле работают над уничтожением в широких народных слоях русского национального чувства и постепенно приучают народные массы к мысли о необходимости отделения Южной России от Империи. Киевский отдел с прискорбием должен признать, что столь большая государственная опасность мало сознается» [9].

Очень небесспорное мнение, если вдуматься. Коль имел право на существование русский национализм, то на каком основании члены ВНС отказали в таком праве национализму украинскому? Или национальное самосознание – исключительно русская черта? И уж совсем неясно: с какой стати украинцы имеют «русское национальное чувство», якобы подавляемое «мазепинцами»? Все дело в подмене понятий. Многие современные российские политики грешат тем же, напропалую путая противоположные по смыслу категории «имперского» и «национального». Назовем вещи своими именами. ВНС, конечно же,

был защитником не русских национальных, а российских имперских традиций и чаяний. И появился ВНС не случайно – это была реакция части интеллигенции («империалистов-романтиков») на то, что после поражения в Русско-Японской войне и после революции 1905 г. Российская Империя начала давать первые трещины. Украинский сепаратизм – только одно из сонма проявлений этого неизбежного процесса. Как ни хотелось бы иного, все известные империи исторически были обречены на распад. Империя концентрирует энергию, усилия миллионов людей, и, выполнив функцию прорыва в новую фазу социального бытия, сама уходит в небытие. Так было. Так будет. И для России особых законов истории никто не написал [10]. На фазе распада имперские позиции политических сил на деле не консолидируют державу, а только способствуют ускорению деструкции и дезинтеграции имперского образования. Распадающуюся державу можно какое-то время удержать только силой. И потому телеграмма киевского геолога вызывает к жизни и иные реминисценции.

Гневные строки романтика-империалиста Армашевского звучат словно прорицание – столь напоминают они обвинения, которые практики из НКВД, пришедшие на смену романтикам, спустя ровно 20 лет предъявили сотням украинских и белорусских ученых, отправляемых в лагеря, в ссылку, под пулю палача! Но разница все же есть, и разница принципиальная. Большевики насаждали свои идеи и крепили красную империю с помощью жесточайшего запрета всех остальных идеологий, подкрепляя запрет массовым террором. Армашевский же и его соратники действовали в обстановке открытой политической борьбы, в дискуссии, в условиях конкуренции мнений. Например, киевский губернатор Суковкин в 1914 г. вел активную борьбу с «русскими националистами», коих представлял Армашевский. Профессор, несмотря на недовольство губернатора, открыл ежедневную газету Киевского общества распространения русского печатного слова «Киев», выходявшую в 1914-1916 гг. Политическая борьба и общественная деятельность завершились три-

умфом: пожилой профессор был избран на должность Киевского Городского головы на заседании городской Думы. Но счастливого конца у этой победы не было.

Спустя всего два года, наступили страшные времена. Февральская революция. Октябрьский переворот. В Киеве с калейдоскопической быстротой менялась власть: Верховная Рада; затем взявшие Киев штурмом и залившие его кровью расстрелянных офицеров красные отряды Муравьева; следом – немцы и гетман Скоропадский. Наступило временное затишье. В начале августа 1918 года в Киеве на первый всеукраинский съезд собрались ученые-естествоиспытатели, среди них был и геолог Петр Армашевский. Это был последний научный симпозиум, в котором ему довелось участвовать. В декабре 1918 г. правительство Скоропадского рухнуло. В оставленный Киев ворвались петлюровцы. Менее чем полгода спустя, Директория сама бежала от наступавших большевиков. Перед их злодеяниями, унесшими жизни 30 тысяч киевлян, померк даже террор петлюровцев.

Киевский палач-чекист М. Лацис учил подчиненных: «Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Советов с оружием или на словах. Первым долгом вы должны спросить, к какому классу он принадлежит? Какого он происхождения? Какое у него образование? Какова его профессия? Вот эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого». Среди тысяч представителей киевской интеллигенции в 1919 г. погиб и профессор Армашевский. Сотрудники Киевской ГубЧК схватили его 13 мая – после того как к ним попал список членов Клуба русских националистов. Уже 22 мая он без суда был закопан живьём, предварительно подвергшись жестоким пыткам [11]. Вдова сумела через красные кордоны бежать в Одессу, где жила у протоиерея о. Александра, и умерла в 1921 году [12]. Ирония судьбы – Петр Яковлевич Армашевский пал от руки тех, кто вскорости выкосил так пугавших его «мазепинцев» с помощью голодомора, расстрелов и лагерей, кто сумел не увещеваниями и

призывами, а беспощадной силой и страхом еще на столетие задержать неминуемый распад столь любимой им империи.

Великий философ и геохимик, член ЦК Кадетской партии, президент Всеукраинской Академии наук В.И. Вернадский написал на смерть коллеги смелые проникновенные строки: «В порядке осуществления красного террора» – история этой позорной фразы не забудет – в кровавых стенах большевистской инквизиции погиб известный ученый, профессор минералогии университета Святого Владимира П.Я. Армашевский. Больной, почти 70-летний старик, давно отошедший от общественной жизни, был схвачен и домой не вернулся. Что пережил он перед смертью?.. До самых последних дней он жил своей научной работой; остались незаконченными труды его. Он излагал еще недавно планы того, что он думал довести до конца на склоне своей жизни. Ему не приходила в голову мысль о возможности его убийства. Вся жизнь его была посвящена науке. С этим должны были бы считаться его политические противники. Жизнь ученого складывается долгими годами подготовительной работы, и преждевременная смерть ученого всегда является потерей для культурного роста нации. Но это сознание не могло найти места в среде, где отсутствовало уважение к человеческой личности. Жертвой преступников законов Божьих и человеческих мученически суждено было погибнуть Петру Яковлевичу» [13].

Литература

1. Армашевский, П.Я. Геологический очерк Черниговской губернии / П.Я. Армашевский // Записки Киевского общества естествоиспытателей. Т. VII. Вып.1. – Киев, 1883.

2. Армашевский, П.Я. Геологические исследования в области бассейнов Днепра и Дона. Общая геологическая карта России. Лист 46: Полтава-Харьков-Обоянь / П.Я. Армашевский // Труды геологической комиссии Т.15. Вып.1. – СПб., 1903.

3. Также см.: Армашевский, П.Я. О происхождении лёсса // Записки Киевского общества естествоиспытателей. Т. XV. – Киев, 1896.

4. Феофилактов, К.М. О местонахождении орудий и костей человека вместе с костями млекопитающих животных в Глубочице и о значении этих находок с геологической точки зрения / К.М. Феофилактов // Записки Киевского общества естествоиспытателей. Т. VIII. Вып.1. – Киев, 1886. – С.18-21.

5. Владимир Бонифатьевич Антонович (1830-1908) выдающийся украинский ученый, сделавший вклад в развитие истории, археографии, этнографии, археологии и исторической географии. Им опубликовано более 250 работ. Создатель Киевской документальной исторической научной школы. Его ученики – М. Дашкевич, О. Левицкий, И. Каманин, Я. Шульгин, В. Науменко, П. Голубовский, П. Иванов, Д. Багалий, Н. Молчановский, М. Грушевский, М. Стороженко, М. Довнар-Запольский, В. Данилевич, В. Лясоронский, А. Грушевский с исчерпывающей полнотой разработали историю областей Украины, заложив фундамент современной украинской исторической науки. На протяжении 1880-1900 гг. ученики профессора Антоновича возглавляли кафедры истории в университетах Харькова, Киева, Одессы, Львова и других городов. Антоновича следует считать и основоположником украинской археологии. Раскопками, археологическими реконструкциями и обобщением материалов он занимался более 40 лет.

6. Армашевский, П.Я. О нахождении в Киеве костей мамонта совместно с кремневыми орудиями / П.Я. Армашевский, В.Б. Антонович // Записки Киевского общества естествоиспытателей. Т. XIV. Вып.1. – Киев, 1895. – С. 7-9; Они же. Публичные лекции по геологии и истории Киева. – Киев, 1897.

7. Армашевский, П.Я. О стоянке человека палеолитической эпохи по Кирилловской улице в Киеве / П.Я. Армашевский // Тр. XI археологического съезда в Киеве, 1899. Т. II. – М., 1902. – С. 141-144.

8. Макаренко, Д.Е. «П.Я. Армашевский» / Д.Е. Макаренко, В.И. Сазанский // Геологический журнал. – Киев, 1990. – №6.
9. Меньшиков, Н.О. Долг Великороссии. 11 марта 1914 г. / Н.О. Меньшиков // Письма к русской нации // <http://rus-sky.com>
10. Кваша, Г.С. Принципы истории. Россия: от Востока через Империю к Западу / Г.С. Кваша. – М., 2006. – 560 с.
11. См.: Платонов, О.А. История русского народа в XX веке. Т.1. Родник. – М., 1997; Красный террор в годы Гражданской войны. – М., 2004. По другим сведениям П.А. был расстрелян: Царинный, А. (А.В. Стороженко) Украинское движение // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. – М., 1998. – С.133-252.
12. О. Александр (Введенский) Письмо к м. Антонии (Н.М. Желтовской), 1953 г. // Жук В. Перліна Козельщини / В. Жук, Г. Сердюк. – Полтава, 1992.
13. Вернадский, В.И. Памяти П.Я. Армашевского / В.И. Вернадский // Век XX и мир. – 1990. – №1. Впервые заметка была опубликована в Петроградском органе партии кадетов «Речь» от 9.09.1919 г.

В.Е. Симоненко,
*старший научный сотрудник
Брянского Государственного
объединенного краеведческого музея*

Профессор – биолог А.В. Федосов (1894-1969 гг.)

Алексей Владимирович Федосов

Отделом природы БГОКМ летом 2007 года проводилась выставка «История охоты на Брянщине». В процессе ее подготовки научные сотрудники познакомились с Еленой Ильиничной Федосовой, внучкой нашего земляка,

профессора – биолога Алексея Владимировича Федосова.

Елена Ильинична любезно предоставила на выставку документы и фотографии, по которым прослеживается вся жизнь ее незаурядного деда. Недостающие страницы его биографии восстановлены по воспоминаниям людей, близко знавших Федосова: доцента БГИТА В.А. Зудилина, работавшего с ним на одной кафедре и членов семьи Алексея Владимировича, а так же на основании опубликованных биографических рассказов самого А.В. Федосова.

Из Свидетельства об окончании Московского Детского училища, утвержденного женой Статского Советника Людмилей Николаевной Валицкой, следует, что родился Алексей Федосов в Москве 17 (30) мая 1894 года. В данном училище обучался с 20 августа 1902 года по 18 апреля 1904 года, и при отличном поведении успешно закончил его.

Затем было обучение в гимназии и получение высшего образования в Гамбургском университете Германии.

Блестяще образованный, в совершенстве владеющий немецким, английским, польским и французским языками, молодой ученый в 1918 году вернулся в Россию.

С детства увлекающийся охотой, он становится дипломированным кинологом, и с 1920-х годов принимает участие во Всероссийских, а позднее – Всесоюзных выставках охотничьих собак в качестве секретаря, а затем судьи – эксперта. Этой работой он занимался до конца своей жизни.

Это подтверждает Диплом Всесоюзной выставки в Москве 1928 года Всероссийского промыслово-кооперативного союза охотников «на бронзовую медаль в классе полевых испытаний собаке породы ирландский сеттер». Секретарем выставки являлся Федосов, о чем свидетельствует его подпись. Диплом хранится у его потомков.

Непросто складывалась жизнь А.В. Федосова после возвращения на Родину. Опасаясь репрессий, молодой ученый был вынужден уехать жить в леса Костромской губернии, где работал сельским учителем. Но все имеет свои положительные сто-

роны. Жизнь близко к природе позволила сочетать основную работу с изучением биологии диких животных, в частности, гнездящихся в лесной глуши редких птиц, писать рассказы о природе, и заниматься любимой охотой.

В начале 1930-х годов А.В. Федосов уже профессор Вятского Ветеринарно-Зоотехнического института, пользующийся большим уважением у студентов. Это подтверждено Грамотой, которой его наградили студенты – выпускники «за подлинно самоотверженное участие и проявленный энтузиазм в Социалистическом соревновании и ударничестве, обеспечивающее успешное выполнение пятилетки в четыре года» от 19 апреля 1932 года.

Датированное 1934-м годом удостоверение Ударника Труда подтверждает его огромный вклад в дело обучения студентов биологии и иностранным языкам, в первую очередь – немецкому.

С конца 30-х годов жизнь Федосова связана с Брянском, куда он переехал на жительство. Его назначают начальником отдела собаководства и звероводства Брянского управления по делам охотничьего хозяйства при Исполкоме Брянского Совета. Кроме этого, он организует курсы, где читает лекции по борьбе с волками, размножившимися в брянских и калужских лесах в те годы (как и сейчас) в огромных количествах. Тесно сотрудничает с охотниками Брянщины. При получении сигнала о бесчинствах серых разбойников, выезжает на места для организаций волчьих облав и сам руководит ими. В полевых условиях обучает этому тонкому и опасному делу молодых охотников.

В конце 30-х – начале 40-х годов работает над расселением копытных животных на Европейской территории страны. С тех времен сохранилось разрешение на право научной охоты на 1941 год, выданное Государственной охотинспекцией Ярославского Исполкома при СНХ РСФСР. Выдано оно было для регулирования численности рыси, которая в северных лесах мешала проведению акклиматизации ценных для промысловой охоты копытных животных – косуль. Другой важной работой

Федосова в те годы было воспитание полевых качеств охотничьих собак, необходимых для сохранения чистоты породы.

Вернувшись в освобожденный Брянск, Алексей Владимирович был приглашен на работу в Брянский лесохозяйственный институт в качестве заведующего кафедрой иностранных языков, а с 1946 года совмещал эту работу с преподаванием биологии лесных зверей и птиц с основами охотоведения. Учебный курс по этой новой дисциплине был разработан им лично.

Одновременно со своей основной работой в БЛХИ Федосов исполнял обязанности судьи – эксперта по охотничьему собаководству. Выезжал на все выставки охотничьих собак, проводимые в нашей стране. Он также являлся государственным охотничьим инспектором по Брянской области.

В 1958 году в издательстве «Брянский рабочий» он издает книгу рассказов «Охотничьи годы», пользующуюся популярностью до настоящего времени.

А всего за годы деятельности профессором Федосовым было написано и опубликовано более 20 научных работ по биологии. Основной темой его научных исследований была биология и распространение белого и черного аистов. Большой научной работой, вышедшей из-под пера Алексея Владимировича в соавторстве с К.Н. Никитиным, была брошюра «Животный мир Брянской области».

Его труд был отмечен. В 1962 году Федосов был награжден Дипломом I степени Брянского общества охраны природы «За успехи в охране природы и озеленении города», отмеченные на городской выставке под девизом «Превратим город в сад».

В 1966 году, к 70-летию, он получил Памятный адрес Президиума Совета Брянского областного отделения Всероссийского общества охраны природы; в 1967 году был награжден Почетной Грамотой Правления Союза обществ охотников и рыболовов СССР.

До преклонного возраста профессор Федосов продолжал преподавать на кафедре лесозащиты Брянского технологическо-

го института, воспитав целую плеяду ученых – зоологов и практиков, работающих в БГИТА и в лесном хозяйстве и в наши дни.

Скончался А.В. Федосов в Брянске в 1969 году.

К 110-летию со дня рождения ученого на кафедре охраны природы и охотоведения БГИТА была проведена научно-практическая конференция, которая собрала ученых со всех уголков нашей страны и ближнего зарубежья.

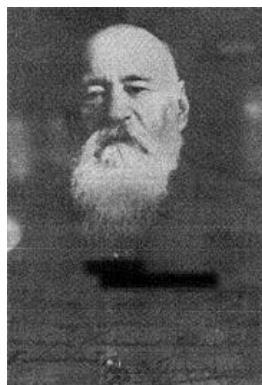
Облик импозантного пожилого человека с окладистой белой бородкой, в охотничьем костюме и в начищенных сапогах, с ружьем за плечами, помнят коренные брянцы и в наши дни.

В.Г. Деханов,
*член Союза писателей и
Союза журналистов России*

Евтихий Карпов и Вера Комиссаржевская

В ноябре 2007 года исполнилось 150 лет со дня рождения писателя, драматурга, главного режиссера Императорского Александринского театра в Петербурге Евтихия Павловича Карпова (1857-1926), уроженца города Карачева.

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864-1910) – талантливая русская актриса. Связала себя со сценой с 1890 года. Работала на провинциальных подмостках. В 1896 году была принята в Александринский театр, куда вскоре главным режиссером пришел Евтихий Павлович Карпов. Любимым поэтом актрисы был Ф.И. Тютчев, особенно, его стихотворения о весне, которые она декламировала на концертах.

Евтихий Павлович Карпов

Карпов и Комиссаржевская уже заочно были знакомы. Об этом можно судить хотя бы по письму Веры Федоровны, которое она послала Евтихию Павловичу 14 июля 1895 года. В нем она просит Карпова поблагодарить А.С. Суворина за приглашение в только что организуемый им театр. Кстати, как раз актерским набором в театр Литературно-художественного общества (так он назывался, а еще его называли петербургским Малым театром, а так же по фамилии антрепренера – Суворинским) занимался Е.П. Карпов. Комиссаржевская писала, что «к сожалению, она не может воспользоваться приглашением, так как уже связала себя уговором на 1895/96 сезон с антрепренером Виленского театра К.Н. Незлобиным».

В марте 1896 года В.Ф. Комиссаржевская приходит в петербургский Императорский Александринский театр. А вскоре, в этом же году, по протекции ведущей актрисы этого театра Марии Гавриловны Савиной сюда на должность главного режиссера назначается и Евтихий Павлович Карпов. Он слыл в театральной среде необыкновенным рассказчиком, чем очень импонировал своему начальнику – директору императорских театров И.А. Всеволожскому. Артисты театра с удовольствием слушали Е.П. Карпова о своей актерской жизни и сценической деятельности, о том, как он «ходил в народ». Евтихий Павлович носил

Вера Федоровна
Комиссаржевская, 1906 г.

охладистую черную бороду, за что среди своих товарищей по театру получил прозвище «Жук».

По словам Карпова, В.Ф. Комиссаржевская вошла в императорский театр «скромно, робко, неуверенно» [5, 209]. Да и было отчего! В Александринке уже долгие годы блистала своим талантом знаменитая М.Г. Савина, которая, в свою очередь, уже была наслышана о замечательной игре на сцене Веры Комиссаржевской. Соперничество двух актрис не заставило долго ждать: Вера Федоровна решила покинуть театр. Всячески ста-

рался удержать актрису в театре Карпов. И ему это удалось: он предложил Комиссаржевской сыграть роль героини – Ларисы в пьесе А.Н. Островского (любимый драматург Е.П. Карпова) «Бесприданница». Вера Федоровна дала согласие на роль, несмотря на то, что ее уже в театре играла раньше М.Г. Савина. Лариса принесла небывалый успех Комиссаржевской: она покорила своей игрой весь театральный Петербург. Е.П. Карпов в своих воспоминаниях об актрисе писал: «Ролью Ларисы Вера Федоровна завоевала себе прочное место в первых рядах труппы Александринского театра» [5, 213] (о других ролях В.Ф. Комиссаржевской см. приложение).

В октябре 1896 года в театре намечался бенефис в честь 25-летия службы актрисы Е.И. Левкеевой. Для юбилейного бенефиса выбрали только что написанную А.П. Чеховым пьесу «Чайка». Бенефис был намечен на 17 октября, для постановки пьесы оставалось только 9 дней. Чехов рекомендовал Карпову на роль героини – Нины Заречной в пьесе М.Г. Савину. Карпов находил более подходящей на эту роль Веру Федоровну Комиссаржевскую. М.Г. Савина, чувствуя торопливость и малый срок в подготовке спектакля, отказалась играть в «Чайке». Возможно, что она преследовала в данном случае неблагоприятный исход для актрисы – соперницы. На четвертую репетицию в театр приехал автор пьесы А.П. Чехов. Узнав, что Нину Заречную в «Чайке» будет играть не Савина, а Комиссаржевская – заволновался. После просмотренной репетиции Антон Павлович дал добро на игру Комиссаржевской («она талантлива» – были его слова). После еще черновой репетиции А.П. Чехов, возвращаясь домой с Е.П. Карповым, сказал: «Ну, если Комиссаржевская так, как сегодня, сыграет на спектакле, будет очень хорошо... Лучше не надо» [5, 217].

Первый премьерный спектакль «Чайка» собрал в Александринском театре публику, весьма далекую от того содержания, которое было заложено в пьесе. Из зрительного зала на сцену неоднократно неслись то крики, то хохот в тех местах, где шло драматическое действие. Присутствовавший на спектакле

А.П. Чехов с горечью высказал Е.П. Карпову, что он «провалился со своей пьесой». Карпов вспоминал: «Веселая публика загубила, провалила «Чайку». Однако последующие спектакли «Чайки» шли с успехом. Но «черный» день 17 октября вошел надолго в память как автора пьесы, так и постановщика и артистов театра.

Жизнь не стоит на месте, какие бы невзгоды не встречались на ее пути. В начале 1897/98 театрального сезона Вера Комиссаржевская блестяще сыграла роль Сашеньки в пьесе А.П. Чехова «Иванов» в постановке Е.П. Карпова. Но в середине ноября 1897 года актриса тяжело и надолго заболела. Следующий спектакль с ее участием состоялся 10 апреля 1898 года. Она играла вновь Ларису в «Бесприданнице». Карпов был восхищен игрой своей подопечной. За прекрасное исполнение ролей в театре артисты удостоивались наградного бенефиса. Его получила и В.Ф. Комиссаржевская.

Нина Заречная. «Чайка»
А.П. Чехова. 1896 г.

Начались мучительные для режиссера Карпова поиски пьесы для бенефиса. Комиссаржевская мечтала о роли Джульетты в «Ромео и Джульетта» В. Шекспира. Но ее мечты разбивались о финансовые скалы в техническом обеспечении постановки этого спектакля. После долгих поисков остановились на пьесе А.Н. Островского и Н.Я. Соловьева «Дикарка». Прочтя пьесу, дала согласие на бенефисный спектакль и В.Ф. Комиссаржевская. Вот как описывает ход спектакля Е.П. Карпов: «18 февраля <1899 года> состоялся бенефис В.Ф. Комиссаржевской. Шла «Дикарка». Это был исключительный спектакль и по тому художественному подъему, с которым артисты играли пьесу, и по тому энтузиазму, который проявила публика по отношению к бенефициантке. Таких горячих, таких искренних оваций, как удостоилась в свой бенефис Вера Федоровна, давно уже не видал Александринский театр... Это был ее триумф, в

полном значении этого слова» [5, 221]. Ее Варя из спектакля вошла в золотой фонд русского драматического театра.

Театровед А.Я. Альтшуллер пишет: «Поступив в один год на Александринскую сцену, Комиссаржевская и Карпов чувствовали себя там не «своими», и это неминуемо должно было их сблизить. Так оно и случилось. Уже первая совместная работа – «Чайка» заставила их разделить горечь неудачи. В глазах Карпова Комиссаржевская была одной из тех актрис, которые отвечали его идеалам служения народу. Ей же импонировало «народническое прошлое Карпова <...>, его подвижническая любовь к театру. Видя его резкость, порой грубость, она чувствовала, что может оказать на него облагораживающее влияние, ей даже казалось, что она необходима ему. Комиссаржевская постоянно советовалась с Карповым и постоянно спорила с ним» [2, 5]. Об одном таком споре рассказала в своих записках С.И. Смирнова – Сазонова, жена актера Александринского театра Н.Ф. Сазонова (запись от 2 февраля 1899 г.): «С Карповым они, когда спорят, то кричат до хрипоты. Раз спорили о том, отвечает ли режиссер за туалеты актрисы. Он говорит «да», она говорит «нет». Он что-то в жару спора сказал, что если актриса одета чучелой, то режиссер не может за это не отвечать. Потом говорит ей: «Что вы кричите-то? Вы так без голоса останетесь». – «Еще бы, вы называете меня чучелой!» [2, 307]. Но были споры и по более серьезным вопросам. «Комиссаржевская не могла принять рутинный взгляд Карпова на искусство, его отказ от всякого поиска. В полемике с Карповым утверждалось творческое мировоззрение Комиссаржевской» (А.Я. Альтшуллер).

М.Г. Светаева в книге о М.Г. Савиной пишет, что «ей (Комиссаржевской. – В.Д.) показалось, например, что Карпов, с которым они быстро сблизились, под ее влиянием сделался «уже символистом немножко». Надо было обладать большой фантазией, а главное, отчаянным желанием найти родственную душу, чтобы усмотреть такую метаморфозу в Карпове – бытовике, приверженце Островского, честном ремесленнике, не только крепко стоящем на земле, но изрядно вросшем в землю.

Впрочем, обманывались они оба. Карпов, полагавший, что Комиссаржевской следует играть героинь Островского, был разочарован, обнаружив в ней «стремление к декаденству», отчуждение от русской жизни». Не будучи в силах ее понять, он огрубляет ее устремления».

В 1900 году, под напором все той же М.Г. Савиной, Карпов был вынужден уйти из Александринского театра. На это Комиссаржевская скажет: «Последняя нить, связывавшая наши духовные миры, общее дело, порвалась». Через два года, в 1902 году, и Комиссаржевская покинет Александринский театр. Свой уход она объяснит так в письме к директору императорских театров В.А. Теляковскому: «Причина моего ухода только одна – я хочу работать, а оставаться там, где почему бы то ни было мои силы не утилизируются, я не нахожу возможным. В продолжении тех 6 лет, которые я провела в Александринском театре, я утратила бесповоротную веру в то, что может наступить положение вещей, в эстетическом отношении для меня желательное» [10, 261].

Казалось, дороги Карпова и Комиссаржевской разошлись, что между ними наступит безмолвие. Но нет, отношения их переросли в эпистолярный роман. Известно, что после смерти В.Ф. Комиссаржевской в 1910 году, по ее распоряжению, письма хранящиеся у нее были сожжены. Возможно, что там были и письма Е.П. Карпова. Сохранилось, как пишется в источниках, 117 писем актрисы к Е.П. Карпову. Вероятно, это те письма, которые хранятся в архиве нашего земляка.

В начальный период переписки (1896-1898 гг.) Вера Федоровна обращалась к Евтихию Павловичу со словами «многоуважаемый», «глубокоуважаемый». В дальнейшем слова эти будут теплее, нежнее: «дорогой», «милый»,

На даче у К.А. Варламова.
Справа налево: Е.П. Карпов,
В.Ф. Комиссаржевская, К.А.
Варламов. 1906 г.

«хороший», «голубчик». Но во всех напечатанных письмах Комиссаржевской к Карпову неизменно обращение на «Вы» – с большой буквы. Подписывалась в конце писем: «Ваша В. Комиссаржевская», «Гамаюн», «Вечно Ваша Гамаюн», «Ваш Свет» (в одном из писем). Иногда письма свои заканчивала просто: «крепко жму Вашу руку».

Дружба Веры Комиссаржевской с Евтихием Карповым нельзя назвать дружбой-любовью. Хотя как знать. В письмах актрисы к Карпову не было вопросов о его семейной жизни, не было приветов его жене – Марье Степановне.

Через год после смерти В.Ф. Комиссаржевской, в 1911 году, в Москве под редакцией Е.П. Карпова выйдет в свет «Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской», в котором будет напечатана большая статья Карпова: «В.Ф. Комиссаржевская на сцене императорского Александринского театра. 1896-1902».

Ученица Е.П. Карпова актриса Наталья Вербинина в своих воспоминаниях оставила такие записи, относящиеся к началу 1920 года, когда она посещала уроки в квартире учителя: «Кабинет Евтихия Павловича на зиму закрывался. Все стены кабинета заставлены огромными книжными шкафами, пол покрыт ковром, большой письменный стол темного дерева, кресло кожаное, старинное, с высокой спинкой, кожаный диван. На оконном стекле налево от письменного стола висел портрет В.Ф. Комиссаржевской в красках, написанный также на стекле. В солнечные дни, когда лучи падали на портрет, лицо Веры Федоровны оживало, загорались глаза и казалось, что они смотрят на нас; на ее щеках появлялся легкий румянец, она улыбалась розовевшими губами. В такие моменты Евтихий Павлович мог прервать разговор и, не отрываясь, смотреть на портрет, позабыв обо всем. «Это моя отрада, скажет, бывало, тихо, и голос дрогнет» [3, 106].

В другой раз Карпову задали вопрос: «А правда, Евтихий Павлович, что Комиссаржевская все роли (в Александринке. – В.Д.) с вами проходила?». В ответ: «Правда. Почти все, которые она играла в Петербурге до своего «условного» театра. Роли бы-

ли не только новые, но и иггранные ею пересматривали с ней заново. Нору, Марику в «Огнях Ивановой ночи», «Чайку», Ларису, Варю в «Дикарке», а позднее Авдотью в «Авдотьиной жизни» и еще многие...» [3, 250].

Евтихий Павлович Карпов умер 3 января 1926 года в Ленинграде, у себя на квартире, на Гончарной. Как и желал «заслуженный режиссер республики», его похоронили невдалеке от могилы В.Ф. Комиссаржевской на кладбище Александроневской Лавры. На похоронах актриса С.П. Бухарева произнесла такие стихотворные строки: «Его любовь, Его творенья с нами, Горят огни, Зажженные мечтой! А мы идем вперед, Он в нас живой!» Хор бывшего Мариинского театра пел на могиле нашего замечательного земляка «Реквием» В.А. Моцарта.

Приложение

Основные роли, сыгранные В.Ф. Комиссаржевской в Александринском театре в пору режиссерства Е.П. Карпова

1896 г.	Немирович-Данченко Вл. И., «Золото» – Лидия Михайловна; Чехов А.П., «Чайка» – Нина Заречная.
1896-1897 гг.	Крылов В.А., «Семья» – Зина; «Радости жизни» – Надежда Алексеевна
1896-1900 гг.	Островский А.Н., «Бесприданница» – Лариса.
1897-1899 гг.	Чехов А.П., «Иванов» – Сашенька
1898 г.	М. Гальбе, «Юность» – Анхен
1898-1899 гг.	Шпажинский И.В., «Две судьбы» – Поветова

1898-1900 гг.	Потапенко И.Н., «Волшебная сказка» – Наташа; Чайковский М.И., «Борцы» – Соня.
1899-1900 гг.	Островский А.Н. и Соловьев Н.Я., «Дикарка» – Варя; Островский А.Н., «Светит да не греет» – Оля; Сумбатов – Южин А.И., «Закат» – Наталья Кирилловна; Крылов В.А. и Сутугин С. (по роману Ф.М. Достоевского), «Идиот» – Аглая; А. Шницлер, «Забава» – Христина.

Использованная литература

1. Альтшуллер, А.Я. Театр прославленных мастеров : очерки истории александринской сцены / А.Я. Альтшуллер. – Л., 1968.
2. Вера Федоровна Комиссаржевская : Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. – Л. – М., 1964.
3. Вербинина, Н.В. В школе русской драмы / Н.В. Вербинина. – М., 1978.
4. Деханов, В.Г. Евтихий Павлович Карпов : краткая хроника жизни и творчества / В.Г. Деханов // I Тихановские чтения : материалы краеведческой научно-практической конференции. – Брянск, 2007. – С. 173-185.
5. Карпов, Е.П. Вера Комиссаржевская на сцене Александринского театра / Е.П. Карпов // Вера Федоровна Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. – Л. – М., 1964. – С. 209-223.
6. Комиссаржевская // Алперс, Б.В. Театральные очерки / Б.В. Алперс. – М., 1977. – Т.1. – С. 385-404.
7. Носова, В.В. Комиссаржевская / В.В. Носова. – М., 1964.
8. Письма В.Ф. Комиссаржевской к Е.П. Карпову // Театральное наследство : сборник. – М., 1956. – С. 496-512.

9. Рыбакова, Ю.П. Комиссаржевская / Ю.П. Рыбакова. – Л., 1971.

10. Светаева, М.Г. М.Г. Савина / М.Г. Светаева. – М., 1988.

О.Ю. Куликова,
*заместитель директора Брянской областной
научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева*

Развитие идей П.Н. Тиханова в деятельности библиотек Брянщины

Личность, о которой идет речь, бесспорно, заслуживает того, чтобы его именем были названы краеведческие чтения, которые впервые были проведены в ноябре 2006 года в Брянской областной библиотеке им. Ф. И. Тютчева. Спустя век, местные краеведы, исследователи заговорили о человеке, который так основательно и ответственно относился к истории своего края; о наследии ученого, как о целой программе будущих исследований.

Словарь современного русского литературного языка трактует значение слова **«Основоположник»** следующим образом: «основатель, создатель какого-либо учения, направления школы» [1]. А если продолжить этот смысловой ряд, то можно сказать, что это человек, который положил в основу «твердое начало», на чем созидаемое в дальнейшем должно стоять, держаться и развиваться. О важности краеведческой деятельности П.Н. Тиханов говорит во вступлении своего исторического сборника «Старина» [2].

«За редким исключением, почти все описания городов или так называемая история, исторические очерки их, и т.п. касаются только одной политической стороны данного места. Нет в таких историях ни слова о местном говоре, или же упоминается об этом вскользь, ни того – чем действительно характеризуется тот или другой город от множества своих собратьев.

Напрасно бы также кто стал искать в подобных очерках что либо о хозяйстве городов, о прошлом внутренней их жизни, что по сравнению с настоящим будило бы мысль и вызвало размышление. Между тем какой неисчерпаемо-богатый источник в этом отношении представляют архивы местных учреждений, где драгоценный материал гибнет бесследно». *(Приводится в орфографии автора)*

Состояние изучения местной истории совершенно не удовлетворяло Тиханова и поэтому он сам выступает с инициативой.

«В одном из Нумеров Брянского Вестника» П.Н. Тихановым «была высказана мысль об учреждении в Брянске историко-археологического общества», был разработан и распространен проект устава, намечена широкая программа, «по которой каждому из членов общества представлялась возможность дать свою лепту на дело разработки местной старины сообщением ли каких преданий, легенд, бытовых рассказов, или же просто хотя бы указанием на какой либо памятник почему нибудь заслуживающий общественного внимания».

В этом проявился серьезный организаторский подход к формированию устойчивого, глубоко и постоянного интереса к изучению истории родной Брянщины. Но, по выражению самого П.Н. Тиханова «К глубокому прискорбию, предположение это не осуществилось. Не желая однако оставлять задуманного, мы решились привести в исполнение немеченую цель, поскольку то позволяют наши личные силы и средства...».

Вся жизнь и деятельность Тиханова — это воплощение данной программы действий.

Суть краеведческой деятельности можно описать через следующий ряд глаголов: собрать, изучить, описать, распространить. Это все было характерно для Павла Никитича Тиханова. Никто до него не смог совместить и получить такие результаты, которые и сегодня не оставляют равнодушными многих исследователей, краеведов. Вот поэтому заслуженно ему принадлежит титул Основоположника Брянского краеведения.

Академик Д.С. Лихачев считал краеведение массовым видом науки, методом познания от частного к общему, научно-популяризаторской деятельностью. К ней причастны не только краеведы-историки, но и библиотекари, которые по роду своей деятельности занимаются поиском, сбором, распространением и хранением краеведческих документов. Библиотекари доказали также, что могут не только разыскивать исторические документы, но и создавать их, формировать «народные архивы» – фонды, которые включают документы, фотографии, мемуары, дневники, письма из личных собраний.

Для библиотек Брянской области, как впрочем, и для всех библиотек России регионального, краевого уровня, одним из самых важных, можно сказать, базовым направлением деятельности является краеведческая работа.

Каждая из этих библиотек является центром сосредоточения данных о соответствующей территории, ядром предоставляемой ими информации естественно будут сведения краеведческого характера. Именно данные о конкретной территории, содержащиеся в этих библиотеках, являются уникальными и представляют наибольшую ценность для исследователей, историков, краеведов, а с учетом развития информационных технологий, и всего мирового сетевого сообщества. Таким образом, библиотеки также причастны к генерированию краеведческого знания.

В базовом документе, регламентирующем основные направления краеведческой деятельности библиотеки (КДБ) (Руководство по краеведческой деятельности центральной библиотеки субъекта РФ (области, края)), обозначены цели КДБ:

- обеспечение доступности краеведческих информационных ресурсов региона в самом регионе и за его пределами;
- распространение краеведческих знаний, информации о регионе;
- формирование и развитие краеведческих информационных потребностей.

Эти направления представлены в работе любой библиотеки, а масштаб деятельности определяется типом библиотеки – сельской, районной, областной.

Но в тоже время, библиотечные работники, не являясь по образованию историками, способны также создавать новые краеведческие знания.

Классифицируя различные подходы к формированию краеведческого знания, орловский историк и краевед Александр Юрьевич Саран [3] выделяет в отдельный вид «народное краеведение». По мнению историка «народное краеведение» опирается на принципы обыденного сознания, в отличие от научных исследований краеведческого характера, где первенство отдается научным методам, доказательности и обоснованности выводов.

«Народное краеведение» ярко проявляется в работе библиотек, особенно сельского уровня. Эта деятельность заслуживает не только уважения, но и изучения, описания, распространения. Ее можно рассматривать и как определенный «преднаучный» этап в формировании краеведческого знания региона.

Ярким примером такой работы являются попытки сельских библиотекарей собирать и систематизировать сведения об односельчанах, описывать традиции, обряды, фиксировать местный говор, фольклор. Интуитивно понимая, что все, что отличает, выделяет односельчан, заслуживает уважения, бережного отношения и сохранения, сельские библиотекари стали активно заниматься «народным краеведением». Сегодня это проявляется в новых интересных идеях, которые воплощаются сельскими библиотекарями. Среди примеров: виртуальный музей художницы А.С. Обрезумовой в Рябчинской библиотеке (Дубровский район); компьютерные презентации – рассказы о творчестве Доманичских вышивальщиц (Почепский район); словари местного говора села Рассуха (Унечский район) и села Овстуг (Жуковский район). Все чаще внимание библиотекарей-краеведов привлекают частные судьбы, отдельные не только «выдающиеся», но и «типичные» личности. Пеклинская библио-

тека (Дубровский район) выпускает буклеты «Мое село – мои односельчане». Материалы тематического досье «Люди села» Лопазненской библиотеки Суражского района легли в основу очерков, опубликованных библиотекарем в районной газете "Восход". И примеров подобной работы можно приводить множество.

Практика показывает, что краеведение переживает подъем. Параллельно с этим идет поиск новых форм, расширяется круг и содержание задач по изучению истории своего региона. Новый импульс серьезной поисковой и можно даже сказать исследовательской деятельности дала работа сельских библиотек по созданию «Летописи сел», уникального источника по истории XXI века. Сегодня 84,5% сельских библиотек ведут летописи населенных пунктов.

Однако, собранный на местах, фактически богатый материал, часто профессионально не подготовлен для использования, не доступен всем интересующимся. Ценность проделанной работы утрачивается по ряду причин:

- отсутствует полная информация о собранных на местах документах и коллекциях, что затрудняет передачу опыта многих достижений и препятствует преемственности в работе собирателей;

- отсутствует единообразный учет, описание и подача документов для использования в научном обороте;

- отсутствует стандартизация требований к качеству основных результатов краеведческой деятельности;

- недостаток квалификации работников библиотек по методике сбора документов, их описания и отражения в Летописях.

И, тем не менее, актуальность и значение этой работы требует консолидации усилий историков, краеведов, музейных, библиотечных работников нашей области.

В прошлом 2006 году на базе Рюховской сельской библиотеки Унечского района прошел межгосударственный тренинг-семинар библиотекарей русско-белорусско-украинского

приграничья «Краеведческая работа сельских библиотек», по итогам которого были определены перспективы краеведческой деятельности сельских библиотек Брянской области до 2009 года:

♦ **Ведение "Летописей населенных пунктов"**. Сбор воспоминаний старожилов, изучение материалов государственных и семейных архивов, фондов районной и областной библиотек, обобщение полученных сведений, отбор наиболее ценных и достоверных. Огромный материал нуждается в систематизации, оформлении, редакции и последующем издании на CD-ROM.

♦ **Персонализацию краеведческой деятельности:** выявление, сбор, обобщение материалов о земляках, внесших вклад в мировую, российскую, региональную науку, технику, литературу, культуру, исторических и общественных деятелях; проведение генеалогических исследований; сбор материалов об интересных жителях района и села; изучение истории рода, истории семьи.

♦ **Создание предметных экспозиций-выставок по истории села и его людям.** Первоначальная музейная обработка собранных материалов (оформление актов приема поступлений, книги учета поступлений экспонатов, присвоение инвентарного номера, атрибуция и этикетаж предметов). Создание условий для хранения экспонатов: температурно-влажностный режим, освещенность и пр. Разработка разнообразных выставок и экскурсий к ним (в письменном виде с целью обеспечения преемственности).

Мы участвуем и испытываем влияние общемировых интеграционных процессов, которые отражаются в значительном размывании основ общероссийского самосознания. Но с другой стороны, не только сохраняется, но даже усиливается, особенно на местном, провинциальном уровне, стремление к обретению идентичности с некими группами, будь то семейно-родственные, дружеские, клановые, корпоративные, профессиональные, этнические и т.п. Это стремление местного сообще-

ства может быть реализовано опять же через библиотеку, ее краеведческую деятельность. Библиотека, занимаясь не только накоплением и распространением информации о крае, непосредственно сама участвует в создании краеведческого знания. А это и является одной из идей Павла Никитича Тиханова – «возможность дать свою лепту на дело разработки местной старины...[*насколько*] то позволяют наши личные силы и средства...» [4].

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка. Т.8. – М., 1959. – С. 1140.
2. Старина : исторический сборник. – Брянск : Типография М.И. Юдина, 1897.
3. Саран, А.Ю. Орловское краеведение: взгляд историка. [Выступление на V Денисьевских чтениях. – Орел, 2007].
4. Старина : исторический сборник. – Брянск : Типография М.И. Юдина, 1897. – С. 4.

А.В. Ронжин,
*заместитель начальника управления
по делам архивов Брянской области*

История родного края с 90-х годов XIX века до начала Великой Отечественной войны в местных публикациях 1970-1980-х годов (краткий библиографический обзор)

Общие работы по истории края, отдельных районов, городов, предприятий и организаций, включающие в себя период с 90-х годов XIX века до начала Великой Отечественной войны, указаны в 1 разделе предыдущей нашей работы «История родного края с древнейших времен до начала XX века в публикациях 1970-1980-х годов». Однако в 1970-1980-е годы продолжают выходить и такие труды историков и архивистов, краеведов, которые рассматривают исключительно (или в основном) события XX столетия, советского периода истории нашей страны. Их можно систематизировать по следующей тематике:

- революционное движение на Брянщине конца XIX – начала XX века;
- Октябрьская революция 1917 года;
- Гражданская война;
- НЭП и первые пятилетки;
- укрепление обороноспособности в предвоенный период;
- Великая Отечественная война;
- восстановление разрушенного хозяйства, мирное строительство;
- наука, культура, искусство, архитектура и литература в XX веке.

В данной работе рассмотрим лишь первые пять разделов, но сначала укажем общие работы, посвященные событиям конца XIX – XX вв.

1. ОБЩИЕ РАБОТЫ

В 1970 году в Приокском книжном издательстве (г. Тула) вышел сборник документов и материалов «Ленин и Брянщина». Здесь помещены аналитические и организационно-распорядительные документы В.И. Ульянова (Ленина): до Октябрьской революции – как руководителя РСДРП(б), после революции – как главы Советского правительства, касающиеся Брянщины, а так же воспоминания о нем.

Через год, в 1972 году, в том же издательстве было подготовлено иллюстрированное приложение к «Очеркам истории Брянской организации КПСС» под названием «История партийной организации Брянщины». В нем представлены документы конца XIX – первой половины XX века.

В 1981 году в Туле выходит сборник документов по истории Брянской областной комсомольской организации под названием «Закаляясь в битвах и труде». Здесь представлены документы с ноября 1918 года.

Составители всех трех сборников документов – сотрудники Государственного архива Брянской области и партийного архива обкома КПСС.

О развитии промышленности в г. Фокино Дятьковского района рассказал Н.А. Иванин в своей книге «Фокино», изданной в Приокском книжном издательстве в 1973 г.; об Унече за 100 лет ее существования – А.Т. Бовтунов [1].

В 1982 г. вторым изданием вышли «Очерки истории Брянской организации КПСС». В отличие от первого издания 1968 г. здесь имеются более подробные примечания, размещенные в конце книги, в них даны ссылки на опубликованные и неопубликованные документы, периодическую печать. Книга не потеряла своего значения до сих пор и может использоваться при изучении конкретных исторических событий конца XIX – XX вв.

Очерки С.П. Кизимовой «Твои дочери, Брянщина» (Тула, 1982) рассказывают о наших землячках, которые принимали активное участие в революционной борьбе, гражданской и Вели-

кой Отечественной войнах, проявили себя на стройках первых пятилеток, стали Героями Социалистического Труда и Героями Советского Союза. При написании очерков использовались документы центральных архивов страны, государственных архивов Архангельской, Брянской, Гомельской, Смоленской, Орловской, Черниговской и Читинской областей, Брянского краеведческого музея.

Об истории брянской организации ВЧК-КГБ рассказывает книга М.О. Тарджиманова, В.Н. Шахова, Ф.П. Дунаева «Всегда на боевом посту» (Тула, 1985).

В 1980-е годы в журнале «Блокнот агитатора» и газете «Брянский рабочий» помещаются статьи, посвященные истории учебных заведений, фабрик и заводов, развития промышленности и спорта на Брянщине в конце XIX – начале XX века [2].

2. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БРЯНЩИНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Первой попыткой документально осветить важнейшие события на Брянщине, понять их характер, их место в общероссийском движении начала XX века было издание в 1976 г. в Приокском книжном издательстве сборника документов «Революционное движение на Брянщине (1895 – февраль 1917 г.)». Сборник имеет непреходящее значение в нашем краеведении, так как до сего дня является единственным документальным изданием по данной тематике.

Об отдельных революционерах, рабочем революционном движении на заводах Бежицы, Радицы, Привокзальной слободы г. Брянска рассказывают буклеты: «Революционные традиции Володарского района» (Брянск, 1978. Составители П.М. Приходько и М.А. Титова), «И.И. Фокин. К 90-летию со дня рождения» (Брянск, 1980. Составители С.Я. Горбачева и Л.Ф. Осипенко), «Кубяк Николай Афанасьевич» (Брянск, 1981. Текст Я.Д. Соколова и Р.В. Русанова), «В борьбе за рабочее дело. Брянскому машиностроительному заводу – 110 лет» (Брянск, 1983. Со-

ставитель В.И. Васильев). Тиражи буклетов – от 500 до 5000 экземпляров.

В статьях, опубликованных в журнале «Блокнот агитатора», областных газетах «Брянский рабочий» и «Брянский комсомолец» так же, как и в буклетах, революционное движение рассматривается как в целом, так и через призму изучения биографий революционеров. Например, о Н.А. Кубяке рассказывают Н. Зыков в статье «Борец за народное счастье» («Брянский рабочий», 29.07.1971), И. Яненко в статье «Верный сын Ленинской партии» («Брянский рабочий», 09.08.1981), об известном дипломате М.М. Литвинове – А. Яковлев в статье «Папаша» («Брянский рабочий», 07.04.1987), В. Смирнов – в статье «Дипломат М.М. Литвинов» («Блокнот агитатора», №12, 1986), о депутате IV Государственной думы А.Е. Бадаеве – В. Пирогов в статьях «Шестая, Пражская» («Брянский рабочий», 17.01.1982) и «По мандату народа» («Брянский рабочий», 15.02.1983), П. Сизов – в статье «Горький и Бадаев» («Брянский рабочий», 06.03.1983).

В.К. Пирогов – московский историк, написавший кандидатскую диссертацию по теме «Большевики Брянского машиностроительного завода в трех революциях» (М., 1969). В 1970-1980-х годах статьи В.К.Пирогова, опубликованные в газете «Брянский рабочий», посвящены в основном личностям, деятельность которых связана с Бежицей конца XIX – начала XX века [3].

Краеведы Брянщины публикуют статьи в областных газетах об известных (и не очень) революционерах: Б.А. Афанасьеве, А.П. Васильеве, А.М. Кленицком, Ф.Е. Моторе, С. Моспане, П.Ф. Осипове, Г.А. Погодичеве, А.В. Померанцевой, А.С. Сентюрине, М.И. Сычеве (Ф. Суховерхове), М. Феноменове-Брянском, В. Фигнер, И.Г. Фокине [4].

О возникновении рабочего движения на Брянщине на рубеже XIX-XX веков, первых социал-демократических кружках рассказали известные брянские краеведы Ю. Анисин, В. Васи-

льев, С. Дозорцев, С. Кизимова, З. Петрова, В. Столицын, И. Яненко [5].

О революционных событиях 1905 г. на Брянщине в журнале «Блокнот агитатора» и газете «Брянский рабочий» писали Е. Алешина, А. Вольный, Р. Гольцов, С. Кизимова, Ю. Колосов, А. Кублицкий, А. Эпштейн [6].

Значительное событие 1916 г. на Брянщине – забастовка на Брянском заводе в Бежице. О ней рассказывают следующие статьи: А. Чернавский. Весенний гром («Брянский рабочий», 30.03.1979); Л. Турилина, Ф. Заверняев. Та грозная весна («Брянский рабочий», 27.03.1986); С. Кизимова. «Вставай, поднимайся...» («Брянский рабочий», 28.05.1987).

В. Полозов в своей статье «В этот день 70 лет назад» («Брянский рабочий», 19.04.1987) показал события апреля 1917-го в документах того времени. Л. Школьников в статье «Начало» («Брянский комсомолец», 03.07.1988) рассказал о политической борьбе рабочей молодежи в 1917 году.

Интересная, слабо освещенная тема в местной периодике – разгром корниловских войск на Брянщине в 1917 году. Ее пытается раскрыть А. Семенихин в статье «Разгром Корнилова» («Брянский рабочий», 29.11.1989).

О песнях революционных лет поведала читателям С.П. Кизимова в статье «Боевые спутницы» («Брянский рабочий», 03.11.1979).

Из всех вышеперечисленных работ, названных в данном разделе, только одна рассказывает не о членах РСДРП(б), а о деятеле другой партии, меньшевистской. Это статья В. Столицына «Михаил Феноменов-Брянский» («Брянский рабочий», 08.11.1983). Конечно, это большой недостаток краеведения того времени. Он был исправлен позже выходом в свет учебного пособия «История Брянского края, XX век» (Клинцы, 2003).

3. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

Очень серьезной работой, посвященной событиям 1917 года, оказалась вышедшая в свет в 1977 году в Приокском

книжном издательстве книга И.Е. Яненко «Борьба большевиков за победу и упрочение Советской власти на Брянщине (март 1917 – июль 1918 гг.)». Ее отличия от многих краеведческих работ: многочисленные ссылки на архивные фонды, указания на неточности в прежних изданиях по этой теме, наличие большого списка литературы (данного во введении), а так же указателей имен и географических названий. Издание по своему характеру (но не внешнему виду!) приближается к научным академическим изданиям.

В 1987 году там же вышла небольшая брошюра «Великий Октябрь на Брянщине. Хроника важнейших событий (март 1917 – июль 1918 гг.)». Составитель хроники – И.Е. Яненко.

О красногвардейцах Брянского арсенала рассказала в «Брянском рабочем» С.П. Кизимова (21.02.1978 г.).

В 1987 году широко отмечалось 70-летие Октябрьской революции. Газета «Брянский рабочий» во многих номерах за этот год опубликовала подневную хронику событий 1917 года на Брянщине (составители хроники М. Вершило, Б. Зубарев, Т. Марченко). Сотрудники редакции В. Васенков и А.Новицкий опубликовали отчет о работе историко-героической экспедиции «Брянского рабочего» (28.02.1987; 07.03.1987; 29.03.1987; 21.11.1987).

В 1986-1987 гг. ряд интересных работ публикует журнал «Блокнот агитатора» [7].

О И.И. Фокине и его родственниках рассказывают статьи А.Приваловой «Рыцарю революции» («Брянский рабочий», 04.01.1985) и С. Глазкова «Резолюции, статьи И. Фокина» («Брянский комсомолец», 17.12.1989).

4. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

В 1972 году в Приокском книжном издательстве вышел в свет сборник документов о боевом содружестве трудящихся Брянской, Гомельской, Черниговской областей в годы Гражданской (1918-1920 гг.) и Великой Отечественной (1941-1945 гг.) войн под названием «Плечом к плечу». Особенность данного

издания состоит в том, что в работе над ним принимали участие архивисты и историки трех республик: Белоруссии, Российской Федерации и Украины.

Несколько ранее, в 1970 году, в Брянске вышла небольшая работа Я.Д. Соколова «Рабочие Брянщины в годы гражданской войны», а в 1973 году в Туле – Ю.Б. Колосова «Полк имени В.И. Ленина». В 1977 г. в Брянске вышел небольшой буклет С. Горбачевой «За Советскую власть!».

О внимательном отношении Председателя Совета Народных Комиссаров к событиям на Брянщине, о встречах В.И.Ульянова (Ленина) с ее представителями, рассказывают статьи Ю. Анисина, С. Дозорцева, А. Изотова, В. Пирогова, П. Чубко, Б. Шатунова в газете «Брянский рабочий» [8].

Здесь мы не рассматриваем статьи, опубликованные в «Брянском краеведе» (общий обзор данного издания нами уже дан). Однако особо стоит отметить работу С.П. Кизимовой «Комбеды на Брянщине» («Брянский краевед», вып. VII, Брянск, 1974). К концу 1980-х годов эта работа – единственная в стране по истории комбедов, опубликованная не в Москве, а на периферии.

Об истории появления латышей на Брянщине рассказала в статье «Взрастила их Россия» Г.А. Глушина («Брянский рабочий», 18.11.1972).

О праздновании первой годовщины Октября и Международного женского дня в 1918 г. узнали читатели «Брянского рабочего» 5 ноября 1978 г. и 8 марта 1987 г. из статей В. Кузьменко «Первая годовщина Октября» и Е. Алешиной «В те давние годы».

О событиях ноября 1918 г. рассказывают работы Л. Осипенко «Падение Брянска – падение Москвы» («Брянский рабочий», 23.02.1972), Я. Соколова «Братание» («Брянский рабочий», 12.11.1978), В. Дунаева «Унечское противостояние» («Брянский рабочий», 12.06.1987), А. Бовтунова «Унече – 100 лет» («Блокнот агитатора», №16, 1987).

В 1980-е годы Ф. Дунаев публикует в «Брянском рабочем» свои работы, посвященные первым годам деятельности Брянского ЧК («Имени Крапивницкого», 25.09.1980; «Фронт в тылу», 02.08.1987; «Заговоры, мятежи, саботаж...», 29.08.1987). Из этих работ статья «Фронт в тылу» – самая слабая, является простым пересказыванием событий, изложенных в ранее изданных книгах.

О боевых подразделениях периода гражданской войны, боевых наградах и тяжелом положении рабочих в те годы рассказывают статьи В. Васенкова (совместно с А.Новицким), С. Кизимовой, В. Максимкина, Т. Марченко, А. Новицкого, Н. Петрова, А. Ронжина, Я. Соколова [9].

В журнале «Блокнот агитатора» в 1988-1989 гг. были опубликованы статьи Ф. Исайчикова «Бежицкая инициативная группа» (о создании комсомольской организации в 1919 г.; №12, 1988) и Е. Алешиной, Л. Трошиной – «К 70-летию создания губернской парторганизации» (о событиях 1919 г.; №15, 1989).

О различных деятелях периода гражданской войны на страницах журнала «Блокнот агитатора» и областных газет рассказывали: Е. Алешина, А. Бовтунов, Э. Брежнева, В. Даниленко, Ф. Дунаев, Н. Зайцев, Ф. Исайчиков, В. Карпиков, Я. Ковалев, Ю. Колосов, Е. Кулиненко, В. Максимкин, И. Нагаев, Т. Немешаева, А. Новицкий, Н. Палубис, В. Пасин, В. Пирогов, А. Ронжин, В. Струтинский, Н. Сысоев [10].

Из всех работ хотелось бы выделить статью В. Даниленко «Помним тебя, комиссар» – об Усиевиче Г.А. Ее особенность заключается в том, что она дает не только представление о нашем известном земляке, но и основную опубликованную библиографию о нем.

5. НЭП И ПЕРВЫЕ ПЯТИЛЕТКИ

В 1972 г. в Приокском книжном издательстве вышла книга Е. Трошина и М. Скалобо «Шаги пятилеток».

В №5 за 1976-ой г. журнала «Блокнот агитатора» опубликована статья Л. Налетовой и К. Савкиной «Посланцы брянских коммунистов» – о брянцах-делегатах съездов РКП(б). В 1979 г.

выходит специальный выпуск «Блокнота агитатора» (сдвоенный №5-6): «Коммунистические субботники на Брянщине».

Активно работает по исторической проблематике 1930-х годов С.П. Кизимова. В «Брянском рабочем» выходят ее статьи «Невиданный пробег» (14.09.1982) – о паровозах серии «СО», «Шагами первых пятилеток» (04.09.1985), «Договоры содружества» (07.05.1986) – о брянских железнодорожниках.

В. Сорока в журнале «Блокнот агитатора» в №6 за 1985 год рассказывает об электрофикации на Брянщине. В. Кузьменко в газете «Брянский рабочий» (06.08.1978) публикует статью «Материальная опора» – о брянских железнодорожниках в 1920-е годы.

Об истории пионерского и комсомольского движения в 1920-е – 1930-е годы на страницах «Блокнота агитатора» и областных газет рассказывают: П. Рылько, М. Сычев, М. Холмов, Т. Янчевская, З. Черненко, О. Головань [11].

Необычный заголовок придумал для своей статьи В. Карпов. Его работа «Последний пленум» в газете «Брянский рабочий» за 25.07.1989 г. была посвящена ликвидации Гомельской губернии в 1926 году.

О приезде в Брянск в 1927 г. Н.К. Крупской рассказала в статье «Живым источником питаю современность» И. Петрова («Брянский рабочий», 26.02.1989), о О.Ю. Шмидте – В. Кузьменко в статье «Знаменитый полярник в Брянске» («Брянский рабочий», 01.10.1981). Об уроженце села Сетолово Мглинского уезда рассказал в статье «Нарком Середа» В. Максимкин («Брянский рабочий», 08.11.1989), о В.Ф. Беляеве, секретаре Бежицкого укома РКП(б), а затем начальнике губотдела ОГПУ – Ф. Дунаев в статье «Не выходя из боя» («Брянский рабочий», 20.12.1988).

Репрессированные – тема эпохи «перестройки». О них рассказывали Е. Алешина, Ю. Колосов, М. Лиознов, А. Новицкий, А. Ронжин. [12] В последующие 1990-е годы эта тема краеведами будет продолжена: жители Брянщины узнают о новых именах, чья жизнь трагически оборвалась в 1930-е годы.

6. УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

О событиях на КВЖД в 1929 г. рассказал в статье «Добровольческий рабочий батальон» В. Кузьменко («Брянский рабочий», 29.01.1980).

О начальнике Военно-Воздушных сил Красной Армии Я.И. Алкснисе в январе 1987 г. было опубликовано две статьи: в «Брянском рабочем» – В. Максимкина «Командарм крылатых» и в журнале «Блокнот агитатора» – Ю. Колосова «Командарм Я.И. Алкснис» (№1, 1987).

Испанской тематике посвящены статьи: В. Головешкина «В небе Испании» («Брянский рабочий», 16.08.1981) и В. Даниленко «Кто знает о герое?» («Брянский рабочий», 05.05.1985) – о И.А. Хованском.

Среди первых Героев Советского Союза есть и уроженцы Брянщины. Вышеупомянутый И.А. Хованский – один из них. О Герое Советского Союза И.П. Рослом рассказал В. Васенков в статье «Командовал полком героев» («Брянский рабочий», 24.06.1987). О Герое Советского Союза С.А. Черных поведал Ю. Фаев в статье «Прерванный полет» («Брянский рабочий», 17.01.1989).

Литература

1. Унеча : к 100-летию со дня образования (1887-1987) / сост. А.Т. Бовтунов. – Брянск, 1987.

2. Дозорцев, С. С чего начинался спорт на Брянщине / С. Дозорцев // Брянский рабочий. –1980. – 29 авг.

Кизимова, С. И настал век техники / С. Кизимова // Брянский рабочий». – 1985. – 11 авг. (о БМЗ в начале XX века).

Гинзбург, А. Твердым шагом / А. Гинзбург // Брянский рабочий. – 1987. – 23 сент. (о Клинцовской фабрике им. Дзержинского).

Ермольев, Н. Встреча в училище / Н. Ермольев // Брянский рабочий. – 1988. – 20 апр. (о Суражском педагогическом училище).

Кизимова, С. Тернист был путь. Из истории создания первых училищ и школ Брянска / С. Кизимова // Брянский рабочий. – 1988. – 27 авг.

3. Пирогов, В. Февральская революция на Брянщине / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 1977. – 12 марта.

Пирогов, В. Из поколения пролетариев / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 1979. – 30 авг. (о И.Ф. Степанове).

Пирогов, В. Григорий Корхов / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 1979. – 14 нояб.

Пирогов, В. Рабочий – революционер / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 1980. – 30 марта (о П. Сычеве).

Пирогов, В. «Подтверждаем свою солидарность» / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 1980. – 30 дек.

Пирогов, В. «Пустила глубокие корни» / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 1983. – 10 июня (о М.М. Гапонове).

Пирогов, В. Кузнец / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 1984. – 13 марта (об К.М. Эрмане).

Пирогов, В. Собрание ветеранов / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 1984. – 24 апр.

Пирогов, В. Сын народа / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 15.11.1984. – 15 нояб. (о Г.А. Корхове).

4. Налетова, Л. Жизнь – борьба / Л. Налетова, К.Савкина // Брянский рабочий. – 1975. – 16 февр. (о С. Моспане).

Сидоров, Н. Человек из легенды / Н. Сидоров // Брянский рабочий. – 1979. – 22 нояб. (о И.Г. Фокине).

Ковалев, Я. Васильев с Васильевского острова / Я. Ковалев // Брянский рабочий. – 1983. – 30 июля

Даниленко, В. Горение / В. Даниленко // Брянский комсомолец. – 1983. – 6 нояб. (В.Фигнер в Севском уезде).

Столицын, В. Михаил Феноменов-Брянский / В. Столицын // Брянский рабочий. – 1983. – 8 нояб.

Максимкин, В. Вожак / В. Максимкин // Брянский рабочий. – 1985. – 20 янв. (о А.С. Сентюрине).

Алешина, Е. Товарищ Вера / Е. Алешина // Брянский рабочий. – 1986. – 11 марта. (о А.В. Померанцевой).

Алешина, Е. Ручались, как за себя / Е. Алешина // Брянский рабочий. – 1987. – 12 февр. (о Г.А. Погодичеве).

Палубис, Н. Корни и крона. Генеалогическое древо Афанасьевых / Н. Палубис, В. Васильев // Брянский рабочий. – 1987. – 1 мая.

Жмакин, С. Такая биография... / С. Жмакин / Брянский рабочий. – 1987. – 22 окт. (о П.Ф. Осипове).

Гольцов, Р. Первый редактор / Р. Гольцов // Брянский рабочий. – 1987. – 6 нояб. (о А.М. Кленицком).

Попков, М. «В Новозыбкове осталась моя молодость...» / М. Попков // Брянский рабочий. – 1988. – 2 марта. (о Ф.Е. Моторе).

Налетова, Л. Из тех, из первых... / Л. Налетова // Брянский рабочий. – 1988. – 7 нояб. (о Б.А. Афанасьеве).

Пасин, В. Брянский сибиряк / В. Пасин // Брянский комсомолец. – 1989. – 5 нояб. (о М.И. Сычеве).

5. Петрова, З. Отозвалось на Брянщине / З. Петрова // Брянский рабочий. – 1973. – 13 июля.

Дозорцев, С. Мальцевские рабочие / С. Дозорцев // Блокнот агитатора. – 1973. – № 10.

Дозорцев, С. Первые шаги рабочего движения на Брянщине / С. Дозорцев // Брянский рабочий. – 1978. – 21 июля.

Кизимова, С. Смелые, решительные / С. Кизимова // Брянский рабочий. – 1979. – 6 марта.

Васильев, В. Под влиянием идей В.И. Ленина / В. Васильев // Брянский рабочий. – 1980. – 18 нояб.

Яненко, И. Коллективный пропагандист, агитатор и организатор / И. Яненко // Брянский рабочий. – 1980. – 24 дек.

Яненко, И. Брянский комитет РСДРП. К 80-летию образования / И. Яненко // Брянский рабочий. – 1982. – 31 марта.

Ронжин, А. Брянские искры / А. Ронжин, В. Столицын // Брянский комсомолец. – 1983. – 1 июня.

Столицын, В. Есть такая партия! / В. Столицын // Брянский комсомолец. – 1983. – 19 июня.

Анисин, Ю. Полесский комитет РСДРП / Ю.Анисин, А.Кублицкий // Блокнот агитатора. – 1986. – № 7.

Яненко, И. На благо семьи трудовой / И. Яненко // Брянский рабочий. – 1987. – 3 февр.

6. Кизимова С. Эхо событий / С. Кизимова // Брянский рабочий. – 1981. – 5 февр.

Вольный, А. Глубокие корни / А. Вольный // Брянский рабочий. – 1982. – 12 марта.

Гольцов, Р. Мы вас не забыли / Р. Гольцов // Брянский рабочий. – 1985. – 20; 21 нояб.

Колосов, Ю. Они шли на штурм самодержавия / Ю. Колосов // Блокнот агитатора. – 1985. – № 22.

Алешина, Е. Пролог грядущих побед / Е. Алешина // Брянский рабочий. – 1985. – 25 дек.

Эпштейн, А. Что было в старом подвале? / А. Эпштейн // Брянский рабочий. – 1987. – 7 апр.

Гольцов, Р. 17 дней в июне / Р. Гольцов // Брянский рабочий. – 1987. – 19 июня.

Кублицкий, А. Набат / А. Кублицкий // Брянский рабочий. – 1987. – 30 сент.

7. Колосов, Ю. Боец ленинской гвардии (к 100-летию со дня рождения Б.М. Волина) / Ю. Колосов // Блокнот агитатора. – 1986. – № 11.

Колосов, Ю. Красная гвардия / Ю. Колосов // Блокнот агитатора. – 1987. – № 11.

Алешина, Е. Роль большевиков в установлении Советской власти в Брянске / Е. Алешина // Блокнот агитатора. – 1987. – № 19.

Исайчиков, Ф. Брянцы – на меридианах Октября. – Там же.

Колосов, Ю. Моряк Балфлота Светличный. – Там же.

Столицын, В. Макар Кулиненков готовил квартиру для вождя. – Там же.

8. Шатунов, Б. Встречи с Лениным / Б. Шатунов // Брянский рабочий. – 1972. – 9 сент. (о Б.М. Волине).

Дозорцев, С. «Помочь немедленно...» / С. Дозорцев // Брянский рабочий. – 1979. – 15 нояб.

Анисин, Ю. Телеграмма В.И.Ленина / Ю. Анисин // Брянский рабочий. – 1980. – 2 сент. (о Брянском пленбеже в 1918-1919 гг.).

Пирогов, В. Лениниана: брянские страницы / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 1982. – 7 авг.

Изотов, А. При поддержке Ильича / А.Изотов // Брянский рабочий. – 1987. – 7 нояб.

Чубко, П. За советом к Ленину / П. Чубко // Брянский рабочий. – 1988. – 20 апр. (о первом Стародубском укове РКП(б) и С.А. Сенчило).

9. Максимкин, В. Назывался полк советским / В. Максимкин // Брянский рабочий. – 1980 – 6 янв.

Петров, Н. Это в сердце было моем / Н. Петров // Брянский рабочий. – 1982. – 7 нояб.

Соколов, Я. Рабочие Брянщины в годы гражданской войны / Я. Соколов // Блокнот агитатора. – 1987. – №18.

Новицкий, А. И назвали полк Ленинским / А. Новицкий, В. Васенков // Брянский рабочий. – 1988. – 3 февр.

Новицкий, А. Из боя – в бой / А. Новицкий // Брянский рабочий. – 1988. – 20-21 февр. (о полке им. Ленина).

Кизимова, С. Первый революционный полк имени В.И. Ленина / С. Кизимова // Блокнот агитатора. – 1988. – № 11.

Ронжин, А. Рожден в сентябре восемнадцатого. К 70-летию учреждения ордена Красного Знамени / А. Ронжин // Блокнот агитатора. – 1988. – № 16.

Марченко, Т. Это время гудит телеграфной струной... / Т. Марченко // Брянский рабочий. 1989. – 05 февр. (хроника событий 1919 г.).

10. Бовтунов, А. Унеча. Председателю Унечской РКП / А. Бовтунов // Брянский рабочий. – 1980. – 11 янв.

Пирогов, В. К 90-летию со дня рождения А. Стельмаховича. Пролетарский организатор / В. Пирогов // Брянский рабочий. – 1982. – 18 марта.

Нагаев, И. Брянцы-краснознаменцы / И. Нагаев, А. Ронжин // Брянский рабочий. — 1982. — 31 авг. (о М.А. Демичеве и Ф.Н. Гавриченко).

Брежнева, Э. «Он видел восход» / Э. Брежнева // Брянский рабочий. — 1983. — 9 янв. (о В.Ю. Бригманасе).

Ронжин, А. Брянцы-краснознаменцы / А. Ронжин // Блокнот агитатора. — 1984. — № 5.

Пасин, В. Высокая степень родства / В. Пасин // Брянский рабочий. — 1986. — 31 июля. (о П. Дыбенко и др.).

Алешина, Е. Его «негромкое» имя / Е. Алешина // Брянский рабочий. — 1986. — 6 нояб. (о Г.П. Ломакине).

Палубис, Н. Мы им гордимся / Палубис // Брянский рабочий. — 1987. — 10 янв. (о П.Д. Проничеве).

Новицкий, А. «Мы — Дыбенко!» / А. Новицкий // Брянский рабочий. — 1987. — 5 марта.

Немешаева, Т. Ленинец / Т. Немешаева // Брянский рабочий. — 1987. — 15 апр. (о А.Н. Кузнецове).

Максимкин, В. «Ничего не ища для себя» / В. Максимкин // Брянский рабочий. — 1987. — 22 апр. (о Г.А. Усиевиче).

Карпиков, В. Их имена чтит Брянщина (к 70-летию ВЧК-КГБ) / В. Карпиков // Блокнот агитатора. — 1987. — № 15.

Зайцев, Н. Основа / Н. Зайцев // Брянский рабочий. — 1987. — 17 июня (о В.П. Переверзеве).

Ковалев, Я. Революцией мобилизован! / Я. Ковалев // Брянский рабочий. — 1987. — 20 авг. (о Г. Кубяке).

Кулиненко, Е. Из той далекой из Гражданской / Е. Кулиненко // Брянский комсомолец. — 1987. — 9 сент. (о В.Г. Толстунове).

Струтинский, В. «Красный немец» / В. Струтинский // Брянский рабочий. — 1987. — 14 окт. (о Генрихе Шварце).

Дунаев, Ф. Председатель ЧК / Ф. Дунаев // Брянский рабочий. — 1987. — 15 окт. (о Г.К. Крапивницком).

Дунаев, Ф. В самом пекле / Ф. Дунаев // Брянский рабочий. — 1987. — 25 нояб. (о П.А. Дунаеве).

Сысоев, Н. В огне гражданской / Н. Сысоев // Брянский рабочий. – 1988. – 23 февр. (о С.А. Пискунове).

Колосов, Ю. Отстаивая завоевания Октября / Ю. Колосов // Блокнот агитатора. – 1988. – № 4.

Даниленко, В. Помним тебя, комиссар / В. Даниленко // Брянский рабочий. – 1988. – 23 апр. (о Г.А. Усиевиче).

Исайчиков, Ф. Уборевич в Брянске / Ф. Исайчиков // Брянский комсомолец. – 1988. – 28 авг.

Исайчиков, Ф. Товарищ Николай / Ф. Исайчиков // Брянский рабочий. – 1989. – 21 янв. (о Н.Д. Конюхове).

Новицкий, А. Дыбенко – знакомый и незнакомый / А. Новицкий // Брянский рабочий. – 1989. – 28 февр.

Дунаев, Ф. И так – вся жизнь! / Ф. Дунаев // Брянский рабочий. – 1989. – 4 июня (о А.Т. Стельмаховиче).

11. Сычев, М. Гости пионерского музея / М. Сычев // Брянский рабочий. – 1984. – 30 сент.

Холмов, М. «Как оно все начиналось...» : из истории пионерской печати Брянщины / М. Холмов // Блокнот агитатора. – 1987. – № 22.

Янчевская, Т. Время нашего детства / Т. Янчевская, З.Черненко, О.Головань // Брянский комсомолец. – 1988. – 24 июля.

Рылько, П. На заре / П. Рылько // Брянский комсомолец. – 1988. – 29 окт. (воспоминания автора о V Всесоюзной комсомольской конференции).

12. Ронжин, А. Николай Синявский / А. Ронжин // Брянский комсомолец. – 1983. – 6 нояб.

Алешина, Е. Учиться быть хозяином / Е. Алешина // Брянский рабочий. – 1988. – 24 мая (о Е.О. Бумажном, М.Ф. Соколове).

Новицкий, А. «Отвечаю за все!» / А. Новицкий // Брянский рабочий. – 1988. – 21 сент. (о В.Н. Макарове).

Лиюзнов, М. Иван Волков и другие... / М. Лиознов // Брянский рабочий. – 1989. – 18 мая.

Колосов, Ю. Их имена возвращены Родине / Ю. Колосов
// Блокнот агитатора. – 1989. – № 22.

В.Д. Бабодей,
учитель истории
Стародубской школы №1

Школа №1 (им. Калинина) города Стародуба в дореволюционные и первые послереволюционные годы

Введение

Городская школа №1 города Стародуба, расположенная в здании бывшей женской гимназии, имеет давнюю историю. К сожалению, некоторые моменты этой истории передаются жителями города в устной (бытовой) форме, что естественно приводит к частым искажениям. Автор попытался устранить эти недочеты, используя в качестве основы своей работы материалы Государственного архива Брянской области (ГАБО). Это помогло получить более объективную информацию о внутришкольной жизни и в достаточной мере беспристрастно оценить учебный процесс тех лет. Данное исследование не претендует на исключительность, его целью является попытка к выявлению преемственности между до- и послереволюционной школой, а также получение информации о некоторых аспектах жизни школы.

I. Гимназический период

Стародубская женская гимназия находилась в ведении попечителя киевского учебного округа. Впервые она упоминается в документах с 1902 года [1]. Начальницей гимназии с августа 1902-го по 1 января 1907 года была 62-летняя Екатерина Степановна Гроссевич. За службу ей было установлено жалование в 1450 рублей в год [2]. Возраст у начальницы был почтенный и за время пребывания в должности она постоянно ходатай-

ствовала о назначении ей пенсии, которая выплачивалась далеко не всем лицам, находившимся на государственной службе.

Располагалась женская гимназия сначала в частном доме, затем в здании мужской гимназии. Начальница женской гимназии подчинялась по должности директору мужской гимназии, которую тогда занимал Григорий Савич Мезерницкий. Был при гимназии и попечительский совет, в который входили представители Черниговского губернского, а также Стародубского уездного земств. Членами попечительского совета на 6 июня 1905 года были: дворянин Ширай С.А., дворянин Якубенко А.В., дворянин Синицкий П.Ф., крестьянин Зуев И.П., дворянин Дятлов И.И., дворянин Плешко В.Л., дворянин Чернолуцкий Д.А., чиновник VIII класса Иваченко А.В., мещанин Филько И.П., дворянин Поручко Н.В. и купец Емельяненко П.И. от уезда, и – Самоквасов, Немирович-Данченко, Куриленко, Оршаво-Орачевский (инициалы не уточнены) от губернии [3]. Как видно, попечителями были в основном лица дворянского происхождения, лишь по одному представителю было от крестьянства, мещанства и купечества. Не было представителей духовенства.

Обучение в гимназии было платным, но за хорошую учебную попечительский совет мог освободить от оплаты.

Обучались девочки семь лет. Изучали математику, географию всеобщую и русскую, историю всеобщую и русскую, естествознание, рукоделие, физическую и математическую географию, французский и немецкий языки. По этим же предметам сдавались экзамены. Не сдавались экзамены лишь по чистописанию и рисованию. Заканчивали гимназию в зависимости от времени поступления в нее, примерно в 16-19 лет.

В период обучения учитывался национальный и конфессиональный состав гимназисток. Так девочки иудейской веры были освобождены от изучения Закона Божьего. А иудеек по вероисповеданию в гимназии было достаточно много. Вот только девочки одного класса: Айсберг Эмма, Безуглова София, Биндер Эстра, Гридина Мина, Гуревич Роза, Левина Башева, Каганская Сара, Сосина Эва – все они иудейки. И только Дубин-

ские Софья и Раиса, Ляхова Александра и Хоминская Евгения – православные русские [4].

Практиковался в гимназии экстернат. Так, мещане иудей Йосель Меерович Левин, Иохим Шаевич Дименштейн и Хана Берковна Соркина 2 апреля 1905 года просили о предоставлении возможности своим дочерям сдать выпускные экзамены без обучения в гимназии [5]. В этот период шла революция 1905-1907 годов, в которой у руля ряда социалистических партий (РСДРП, эсеры, анархисты и др.) стояли евреи. Поэтому для них существовал ряд ограничений. Но, чтобы не грести всех под одну гребенку, попечительский совет откликнулся на прошение иудеев, при условии предоставления ими свидетельства о благонадежности и внесении 10 рублей в кассу гимназии.

Иногда в попечительский совет гимназии поступали не совсем обычные обращения. Так раввин Шнеерсон, потомственный гражданин, испытывая трепетное отношение правоверного иудея к субботе, в 1907 году просил освободить его дочь от занятий в этот день [6]. Члены попечительского совета отказать раввину не решились, но сама просьба повергла их в тупик, поэтому и решили оставить ее на усмотрение попечителя Киевского учебного округа.

Из прочих социальных групп среди гимназисток можно отметить дворян (Огинская Александра), духовенство (Никольская) [7], но все же мещане иудеи преобладали над всеми остальными. Даже такие русские фамилии как Гончаровы, Винокуровы, Орловы носили еврейские девочки [8].

Учителями гимназии были: Ольга Николаевна Аушева, родилась в 1855 году – она преподавала французский и немецкий языки, жалование ей было положено 840 рублей в год [9], учитель латыни Жуковский Н.Я. Из фамилий других учителей встречаются Левицкий, Чаус, Кибальчич и др.

С 1 июня 1907 года начальницей гимназии становится Евгения Андреевна Курковская – дочь надворного советника, сорока лет, не бывшая замужем и, как отмечено, девица. Педагогической деятельностью занималась с 1885 года. Жалование, по

сравнению с бывшей начальницей, не было высоким, всего 850 рублей в год.

Руководство гимназией Курковской отмечается частыми ее поездками в Киев и в столицу с бесконечными ходатайствами о награждении ее золотой медалью на Аннинской ленте, с учетом ее «бесчисленных» заслуг перед Отечеством. В конце концов 13 августа 1909 года Евгения Андреевна «выбила» себе медаль «За усердие» [10].

В гимназии на педагогических советах неоднократно ставился вопрос об обязательной форме для воспитанниц [11]. Но к единой точке зрения так и не пришли. Форма не была введена.

В период революции 1905-1907 годов коллектив педагогов гимназии принял решение о запрете политических организаций в гимназии, а также наложил запрет на коллективные заявления, обращения, жалобы [12]. Зато учителя проявили заботу о гигиене воспитанниц. Решено было построить баню. И испрашивали на это у городского головы 600 рублей [13].

17 августа 1906 года на педагогическом совете была разработана инструкция для классной надзирательницы. Классная надзирательница должна была: приходить до молитвы и наблюдать, чтобы ученицы шли в зал для перемены на молитву; перед уроком делать переключку и отсутствующих отмечать в журнале, затем требовать от родителей, или лиц их заменяющих, объяснительную в письменной форме; во время уроков находиться в классе; дежурить во время перемен; по субботам требовать дневники и выставять баллы за его ведение и требовать подписи родителей; уходить домой только после восьми уроков; посещать ученические квартиры; в воскресные и праздничные дни вести учениц в церковь; сопровождать учениц на спектакль, концерт, каток [14].

Но главными на педагогических советах были все же вопросы воспитания, связанные с теми или иными воспитанницами. Так, 21 февраля 1907 года был издан приказ по гимназии с требованием поменять квартиру ученице 7-го класса Юлии Котляр [15]. Вероятно, поведение воспитанниц под покровитель-

ством некоторых хозяев квартир оставалось желать лучшим. В связи с этим в том же году на педсовете было принято решение, что содержание квартир для гимназисток может определяться только педагогическим советом [16].

На педсоветах рассматривали поведение учениц 7-го класса Агушевич, все той же Котляр, ученицы 6-го класса Сердюковой [17]. Им инкриминировали пропуски занятий, нарушение дисциплины. Решено было в назидательных целях вызвать родителей, а сдачу ученицами экзаменов провести в присутствии посторонних лиц. Ученице 7-го класса Брут (имя не указано) решено было снизить отметку по поведению (за самовольную отлучку).

Интересное решение педсовета от 1 сентября 1905 года. Дворянину Николаю Васильевичу Поручко (кстати, члену попечительского совета гимназии) было отказано в праве его падчерицы Эмили Данченко пересдать экзамены за 3-й класс. И в то же время было решено зачислить слабоуспевающую Марию Минченко в 4-й класс в связи с тем, что она круглая сирота [18]. Как видим, далеко не всегда педсовет находился под влиянием попечительского совета. И часто решения принимали, исходя из морально-нравственных устоев, а не кумовства. Да и члены попечительского совета, вероятно, считали непристойным использовать свое положение в личных целях. Кстати, на повторный год обучения оставляли довольно часто. Так в 1902-1903 учебном году из 43-х человек пригготовительного класса 16 девочек было оставлено на 2-й год [19]. Такая кара стимулировала, и в то же время поощряла успевающих. Перешедший в другой класс чувствовал себя окрыленным, ощущая ситуацию успеха, намереваясь учиться еще лучше.

После окончания 7-го класса девочки могли поступить в 8-й педагогический класс. Ко всем прочим, уже перечисленным дисциплинам, добавлялось изучение педагогики. Перед поступлением в 8-й класс гимназистки писали заявление, указывая, на какой предмет из трех предложенных – историю, географию, математику им хотелось бы сделать упор в изучении. В период

обучения в восьмом классе воспитанницы давали пробные уроки в 1-5 классах [20]. Завершив обучение в 8-м классе православные получали свидетельство домашней наставницы, а католички и иудейки – домашней учительницы своих единоверцев.

23 августа 1914 года, благодаря деятельности И.И. Дятлова, было построено отдельное здание для женской гимназии по улице Красной (ныне ул. Краснооктябрьская). В эти же годы домашние учительницы и наставницы получили право на пенсию по истечении 20-ти лет работы. Но ежегодно они должны были направлять отчет о своей работе директору народных училищ, а также характеристику от уездного предводителя дворянства и лиц, у которых они работают.

II. Советский период (1919-1928)

После Октябрьской революции согласно «Положения о единой трудовой школе РСФСР» образование делилось на две ступени. Первая ступень охватывала 1-5 классы, в вторая – 6-9 классы. Таким образом, обучение было 9-летним.

Еще шла гражданская война, но уже началось восстановление системы образования. Женская гимназия города Стародуба уже в 1918 году была преобразована в школу I ступени с 5-ю основными классами. На этот год в школе обучалось 35 учеников (24 мальчика и 11 девочек). В 1919 году в школе было 18 мальчиков и 13 девочек, всего 31 человек. В этом же учебном году из-за эпидемии тифа школа не работала 63 дня. При школе имелся огородный участок, было организовано горячее питание для школьников [21]. Учителями школы были бывшие гимназические преподаватели: Е.А. Быковская – 42 года, учитель с 1904 года; А.А. Балакмиец – 71 год, учитель с 1869 года; И.И. Митюкевич – 23 года, учитель с 1917 года; Н.Я. Якубовская – 29 лет, учитель с 1910 года; Е.К. Чаус – 54 года, учитель с 1889 года; А.Н. Яницкий – 69 лет, учитель с 1885 года [22].

В 1920 году школе присвоена II ступень. Обучение стало 9-летним. Количество учителей увеличилось до 14-ти человек [23]. Это был очень тяжелый год для школы. Из-за отсутствия топлива в ноябре-апреле школа была закрыта, хозяйство вообще

не велось. В связи с этим выпуска в этот год не было. В тоже время ужесточилась ответственность за ведение школьной документации. Так, 21 января 1920 года директору школы поступила телеграмма губернского отдела народного образования под №1698, где в категоричной форме звучало требование о сдаче годового отчета, а в случае невыполнения его к указанному сроку – угроза ареста.

В 1921 году в школе обучалось 193 ученика (75 мальчиков и 118 девочек), работало 22 учителя (13 мужчин и 9 женщин). Фамилии учеников: Цветков, Цыганков, Хенкин, Хомутов, Редько, Хабичева, Левитин, Исаченко и др. В школьных характеристиках на учащихся преобладали такие слова: «активен», «средних способностей», «мало развит» и т.д. [24].

12 сентября 1922 года состоялись выборы директора школы и школьного совета. В школьный совет от родителей были избраны: Андриевский, Зимордин, Глазман, Михайловский, Синецын, Шавва, Чечет, Бураков, Левандо, Ширинский, Шумейко. Директором был избран Ф.Н. Королев [25]. Но уездный совет народного образования не утвердил его в этой должности. Взамен его, единогласно, вероятно, под давлением того же отдела, директором был переизбран М.Ф. Кибальчич, – иначе трудно объяснить такое единодушие коллектива, который накануне только что голосовал за другого человека.

В тот же день коллектив школы принял правило, согласно которому, ученик, пропустивший 25 уроков в течение 2-х месяцев считается выбывшим. Была установлена плата за обучение в школе. Так что разговоры о том, что в советский период обучение было бесплатным – очередной миф. Не уплативших вовремя исключали, а восстановление стоило 3% пени за каждый неуплаченный день. Ко всему этому платили так называемые «дровяные» деньги, т.е. на отопление, по 150 рублей в год с ученика. Решили педагоги школы, что можно преподавать в качестве учебной дисциплины и латинский язык, но за дополнительную плату. Тогда же в каждом классе была учреждена долж-

ность классного наставника [26]. А в октябре 1922 года в школе был введен урок физического воспитания, но уже бесплатно.

В документах от 18 февраля 1923 года школа упоминается под именем М.И. Калинина. В этом же году школу из-за неуплаты покинули многие учащиеся.

В 1928 году в школе работали следующие учителя: Королев Ф.Н. – 1884 г.р., образование высшее, из мещан; Кибальчич М.Ф. – 1869 г.р., образование высшее, из мещан; Стернов В.А. – 1881 г.р., образование высшее, из духовенства; Лапчинская Л.А. – 1887 г.р., образование высшее, из духовенства; Гурский К.П. – 1893 г.р., образование высшее, сын учителя; Лапчинская П.А. – 1889 г.р., образование высшее, из духовенства; Капитанова М.Б. – 1890 г.р., образование среднее, из мещан; Богдашев И.Н. – 1890 г.р., образование высшее, из мещан; Балакмиец А.А. – 1874 г.р., образование высшее; Спасский В.П. – 1885 г.р., закончил учительскую семинарию; Червяковская О.Н. – 1890 г.р., образование высшее; Богдашев М.Н. – 1882 г.р., образование высшее; Поляк М.А. – 1874 г.р., образование высшее, сын врача; Левицкий С.А. – 1905 г.р., образование незаконченное среднее, из духовенства; Добровольская Т.Ю. – 1866 г.р., образование среднее, из мещан; Сечко-Кушнеровская Н.С. – 1896 г.р., образование среднее, из мещан; Ривкин И.А. – 1870 г.р., образование 2 класса городского училища, из мещан; Кибальчич В.М. – 1896 г.р., образование высшее, дочь учителя; Червинская А.Г. – 1896 г.р., образование среднее, из мещан; Сафонов А.К. – 1902 г.р., закончил педтехникум, из крестьян; Добрагаева О.А. – 1884 г.р., образование высшее, из духовенства; Ляхова А.И. – 1893 г.р., образование среднее, из крестьян [27].

Из текущих повседневных проблем школы можно отметить то, что учащиеся постоянно портили мебель в классах (пролетарское сознание к ним так и не приходило), и поэтому было решено в каждую дверь установить замок. К началу учебного года учащиеся должны были за свой счет вставлять выбитые за лето стекла. Вопросом весенних педсоветов была проблема посадки деревьев, которые ученики безжалостно выдер-

гивали во время следующего учебного года. Школьникам, вероятно, нравилось влезать в классы через окна, поэтому почти на каждом педсовете рассматривался, правда, безуспешно, и этот вопрос.

При школе работали кружки – литературный, драматический, хоровой, музыкальный, библиотечный, антирелигиозный. Был в школе уголок природы.

Учителям вводились надбавки к зарплате за проверку письменных работ – по физике – 10%, естествознанию и географии – 15%.

В протоколах решений педсоветов есть любопытные записи. Например, в апреле 1924 года организовать комсомольскую свадьбу; отказать ученику 9-го класса Мырлину в просьбе убрать из его характеристики строки «высокомерно относится к своим товарищам» [28]; «отказать гр. Сахонову в приеме его дочери в 3-й класс по великовозрастности» [29].

Очень часто учащиеся скрывали свое социальное происхождение, а участливые учителя помогали им в этом. Так, 6 октября 1928 года уполномоченный ОГПУ Волчек доносил начальнику уездного отдела народного образования о том, что учительница Капитанова посоветовала ученице 6-го класса Ревковой Доминикии в анкете указать, что она дочь крестьянина, а не священника, иначе ее в результате чистки могут исключить [30]. Было указание, чтобы в большинстве своем на 1-е место из различных социальных групп учащихся не выходили дети торговцев. Вот и приходилось директору школы часто подтасовывать результаты.

Зато отсутствовала отчетность по успеваемости. Поэтому на 2-й год оставляли в массовом количестве, не натягивая отметок для перевода в следующий класс. В 1923 году только из 1А класса было исключено 5 человек (Синицин Алексей, Гулакова Анна, Гудим Козьма, Гудим Агафья, Потапченко Лидия). 14 человек из класса должны были выполнить летние работы и сдать переводные экзамены осенью. В каждом классе на второй

год оставалось от 1 до 6 человек, или вовсе отчислялись из школы.

Из 8А класса только 7 человек переводились в 9-й класс, 4 – оставалось на второй год, а 14 – на осень. Причем из числа тех, кто оставался на осень, экзамены (за которые, кстати, надо платить) не могли сдать от 3-х до 5-ти человек [31]. Их в лучшем случае оставляли на второй год, употребляя формулировку: «оставить на повторный курс ввиду их крестьянского происхождения, в виду малолетства и сильного желания учиться и старательности». С другими же просто расставались, исключив их из школы. В 1924 году было решено выдать справку о том, что учились в 8-м классе Берлина Лия, Гиль Ревека, Певзнер Вера, Шавва Ольга, отметив в ней, что они не развиты, слабых способностей, и не успевают по всем предметам [32].

Часто учащихся исключали в середине учебного года, на 2 недели, до начала каникул и т.д. Восстановиться можно было, лишь сдав экзамены по всем предметам за пропущенное время. А стимул к восстановлению был, ведь за учебу было уже уплачено.

На педагогическом процессе сказывался и энтузиазм советской эпохи. Так, учительница немецкого языка Т.Н. Добровольская на одном из педагогических советов, для повышения успеваемости учащихся, предложила заниматься с отстающими во время зимних каникул бесплатно [33].

Именно в таком ритме прошли в бывшей женской гимназии первые десять советских лет.

Заключение

В результате данной работы можно сделать следующие выводы:

1. Вряд ли стоит говорить о преемственности педагогического процесса в стенах школы до и после революции 1917 года. С изменением социального строя поменялись и концепция, и приоритеты образования. И даже наличие тех же педагогических кадров еще гимназического периода не могло повлиять на изменившиеся педагогические условия.

2. Общим для до- и послереволюционной школы было отсутствие показателей успеваемости учащихся. В связи с этим наблюдается повсеместное второгодничество. Качество учебно-воспитательного процесса оценивалось иными, нежели количеством успевающих или неуспевающих учеников, критериями.

3. В дореволюционный период практически не обращалось внимание на этносоциальный состав учащихся, в советский же период приоритеты имели учащиеся из неимущих слоев населения.

4. В первое советское десятилетие образование было платным, причем от оплаты за обучение, в отличие от дореволюционной школы, не освобождались даже хорошо успевающие учащиеся, а за малейшую просрочку в оплате сразу же следовало отчисление из школы.

5. После Октябрьской революции не произошло кардинального изменения отношения детей ни к учебному процессу, ни к внутришкольной жизни, несмотря на идеологизацию учебного процесса.

Источники

1. ГАБО. ф.496, оп.1, д.11.
2. ГАБО. ф.496, оп.1, д.11
3. ГАБО. ф.496, оп.1, д.32
4. ГАБО. ф.496, оп.1, д.1
5. ГАБО. ф.496, оп.1, д.1
6. ГАБО. ф.496, оп.1, д.40
7. ГАБО. ф.496, оп.1, д.1
8. ГАБО. ф.496, оп.1, д.19
9. ГАБО. ф.496, оп.1, д.58
10. ГАБО. ф.496, оп.1, д.40
11. ГАБО. ф.496, оп.1, д.44
12. ГАБО. ф.496, оп.1, д.44
13. там же
14. там же
15. там же

16. ГАБО. ф.496, оп.1, д.40
17. ГАБО. ф.496, оп.1, д.44
18. ГАБО. ф.496, оп.1, д.40
19. ГАБО. ф.496, оп.1, д.19
20. ГАБО. ф.496, оп.1, д.36
21. ГАБО. ф.1403, оп.1, д.78
22. ГАБО. ф.1403, оп.1, д.78
23. там же
24. ГАБО. ф.1403, оп.1, д.136
25. ГАБО. ф.1403, оп.1, д.132
26. там же
27. ГАБО. ф.1403, оп.1, д.120
28. ГАБО. ф.1403, оп.1, д.132
29. там же
30. ГАБО. ф.1403, оп.1, д.120
31. ГАБО. ф.1403, оп.1, д.132
32. там же
33. там же

В.В. Крашенинников,
*кандидат исторических наук,
доцент Брянского
государственного университета
им. академика И.Г. Петровского*

Из истории монастырей Севского уезда в 1620-1760-х гг.

В XVII-XVIII вв. город Севск являлся одним из наиболее значительных центров на юго-западе России, играя важную административную, военную и экономическую роль. Весьма существенным было его значение и в религиозно-духовной жизни, включая монастырскую. Для ее рассмотрения взят примерно полуторавековой отрезок российской истории – с конца «смуты» начала XVII в. до серьезных преобразований в монастырской жизни в 1760-е гг. при Екатерине II.

Согласно преданиям (достоверных документов на этот счет не сохранилось) в XVI в. существовал первый известный на территории Севского уезда монастырь – Николаевский, который в «смутное время» начала XVII в. «при пришествии в Москву Дмитрия-самозванца был разорен татарами и ляхами». В словах предания оказались смешанными близкие по времени, но все-таки разные исторические события. Лжедмитрий I и его войска, прибывшие в Москву летом 1605 г., не проходили через места к северу от Неруссы, где находился Николаевский монастырь, и не имели отношения к его разорению. Основные творимые татарами и ляхами (поляками) на территории Комарицкой волости бесчинства были в 1614-1616 гг. Тогда, вероятнее всего, оказался разоренным и Николаевский монастырь.

Что же касается возникшей на его месте Площанской пустыни, получившей позже широкую известность среди верующих, то наиболее вероятное время ее появления – 1618-1619 гг. Основателями пустыни стал иеромонах Прокопий, грек по национальности, бывший постриженником Киево-Печерской

Лавры. Покинув Киев, Прокопий и еще двое монахов, чьи имена остались неизвестными, не стали задерживаться в Чернигове, Новгороде-Северском, Стародубе, Трубчевске или близких к ним местах (все эти территории по условиям Деулинского перемирия 1618 г. отошли к Речи Посполитой, где стала усиленно насаждаться католическая вера, а православная испытывала все больше стеснений), перешли на левобережье Десны и остановились в приглянувшемся им месте близ Плоского колодца севернее р. Неруссы. На соседнем возвышении монахи выкопали себе земляные кельи, построили для совершения молитв деревянную часовню над источником. В часовне были установлены принесенный монахами деревянный резной образ Николая Чудотворца и найденное отцом Прокопием на месте сожженного Николаевского монастыря резное распятие.

Помимо материальных трудностей перед первыми поселенцами новой пустыни вскоре появились и другие проблемы. Жившие неподалеку крестьяне стали всячески досаждать монахам, стремясь заставить их покинуть облюбованное место. Можно объяснить действия крестьян дьявольскими подстрекательствами (подобные объяснения нередки в религиозной литературе), однако стоит иметь в виду и другое объяснение: крестьяне, в большинстве своем – беглые, по опыту жизни в других местах знали, что появление и рост новых духовных обителей часто сопровождалось переводом соседних свободных крестьян в монастырские, которые обязаны были нести немало повинностей в пользу монастырей. Подобная перспектива не могла нравиться крестьянам.

Иеромонах Прокопий и его сотоварищи в 1620 г. направились искать защиты в Москву, к царю Михаилу Федоровичу Романову. Царь милостиво принял иноков, дал им грамоту на возобновление монастыря на месте разоренного и на построение нового храма. Особая благосклонность Михаила Федоровича к просителям проявилась в том, что он подарил им из своих царских палат две иконы: Всемилостивого Спаса и список чудотворной Казанской иконы Божией Матери.

По возвращении из Москвы отец Прокопий и другие иноки немедленно приступили к сооружению около озера небольшой деревянной церкви, освященной в честь Казанской иконы Божией Матери. Так, в 1620 г. с сооружением храма окончательно определилось название новой обители – Казанская Богородицкая Площанская пустынь.

С устройством церкви число иноков в монастыре стало расти, что вызвало новое обострение отношений с местными крестьянами. Особенно выделялся своими грубыми проявлениями и просто разбойными действиями крестьянин Рыбальский, по прозвищу Чертов. Отец Прокопий был вынужден вновь отправиться в Москву с просьбой о помощи. Вернулся он оттуда с грамотой царя Михаила, согласно которой расположенная вокруг монастыря земля в количестве 2645 десятин передавалась обители в вечное владение. Правда, нужно учесть, что в основном это были лесные угодья, а крепостными крестьянами Площанская пустынь не владела ни тогда, ни позже.

Да и вообще небольшая, находившаяся вдали от дорог и как бы затерявшаяся в лесах пустынь в течение длительного времени оставалась одной из самых бедных монастырских обителей. По переписи 1711 г. в ней имелась одна деревянная церковь, монашеские деревянные кельи, в которых проживало 7 монахов, включая строителя пустыни иеромонаха Анатолия, руководившего ею с 1690-го до 1715 г. Перепись зафиксировала, что «в той пустыни слуг и служебников и трудников, и крестьянских и бобыльских дворов, и денежного и хлебного жалования нет, и пашенной земли и сенных припасов, и мельниц, и рыбных ловель и никаких оброчных статей, и лошадей и коров и иной никакой скотины нет, а кормятся местным подаванием и от своих трудов».

В последующие годы площанские монахи устроили, правда, мельницу на озере, завели небольшое количество скота, но главным делом обитателей пустыни оставалась праведная духовная жизнь. Примером для братии был отличавшийся особым благочестием отец Анатолий, которому, как он признавался

ближайшим ученикам, несколько раз являлась Божия Матерь. Воспринимая это как знак благоволения Божия, отец Анатолий предсказывал, что «будет на сем месте великая обитель на прославление имени Божия», и оказался в этом прозорливцем. Не стремясь к власти и почестям, иеромонах Анатолий в 1715 г. оставил место строителя Площанской пустыни и удалился на покой в Николо-Одринский монастырь близ Карачева, где был в свое время пострижен в монахи. Там он и погиб позже от рук разбойников, нападавших на монастырь. После Анатолия новым строителем пустыни стал иеромонах Леонтий (Лаврентий Королёв), происходивший из семьи севских купцов. Именно при нем у обители появилась упомянутая мельница и несколько улучшилось хозяйственное положение.

Вслед за Площанской пустынью, но уже в непосредственной близости от Севска появился Спасо-Преображенский монастырь. О нем писали довольно многие авторы, однако преимущественно как о весьма примечательном памятнике архитектуры, а вот история монастыря остается по существу не изученной. Вряд ли стоит винить в этом историков и краеведов – монастырь в середине XVIII в. был закрыт в связи с передачей его территории и зданий архиерейскому дому – резиденции епископов Севских и Брянских; архив монастыря, как и других закрытых в XVIII в. монастырей был уничтожен вскоре после закрытия. Да и последующие события не способствовали сохранению памяти об этом интересном в религиозном и историко-культурном отношении месте. Однако это не оправдывает некоторых несообразностей, встречающихся в литературе о Спасо-Преображенском монастыре, к примеру, утверждения об оборонном значении монастыря на подступах к Севску. Ведь каменные стены и башни, ограждавшие монастырь, были сооружены во второй половине XVIII в., когда границы отодвинулись далеко от Севска и город утратил оборонное значение, а в XVII в., когда окрестности Севска не раз подвергались военным нападениям, небольшой деревянный монастырь, обнесенный часто-

колом, не являлся сколько-нибудь заметным препятствием для противников.

Что же известно о первом периоде существования Спасо-Преображенского монастыря? После подписания в 1618 г. Деулинского перемирия, по которому основная часть Северской земли перешла от Московского государства к Речи Посполитой, часть русских жителей с отходивших к полякам территорий стала переселяться в соседние места, оставшиеся за Москвой. В числе покинувших г. Новгород-Северский, также отошедший к Речи Посполитой, были архимандрит Корнилий и другие монахи новгород-северского Спасо-Преображенского монастыря. Захватив с собой часть монастырского имущества, они сначала переселились в Рыльск, а затем в Севск.

Эти сведения, содержащиеся в историко-религиозной литературе, не вызывают сколько-нибудь обоснованных сомнений в отличие от противоречащих им сообщаемых некоторыми краеведами дат основания Севского Спасо-Преображенского монастыря – 1613 и 1618 годы. Причины переезда архимандрита Корнилия и его сотоварищей из Рыльска в Севск неизвестны (мнение, что Рыльск также оказался переданным Речи Посполитой, – явная ошибка), но в любом случае он мог произойти лишь тогда, когда обеспечивалась достаточная безопасность от возможных неприятельских набегов. Строительство новой севской крепости, вместо уничтоженной в годы «смуты», завершилось в 1620 г., так что новый монастырь близ Севска вряд ли появился ранее этого времени. Назван он был Спасо-Преображенским (или просто Спасским) в знак преемственной связи с одноименным монастырем в Новгороде-Северском, откуда прибыли архимандрит Корнилий (в документах, относящихся к Севску, он впервые упомянут в 1622 г.) и остальные инок.

Некоторое недоумение вызывают имеющиеся в литературе сведения, что Корнилий «устроил новую обитель» близ Севска «по благословению патриарха Филарета в 1636 г.». В них есть две явные несообразности: во-первых, об устройстве в 1636 г. монастыря, существовавшего, по крайней мере, с 1622 г., и,

во-вторых, о получении в 1636 г. благословения от патриарха Филарета, который, как известно, скончался в 1633 г. Скорее всего, здесь оказались совмещенными два разных факта: встреча архимандрита Корнилия с патриархом Филаретом и получение патриаршего благословения на устройство новой обители (это могло произойти не ранее 1619 г., после возвращения Филарета из польского плена) и получение патриаршей грамоты на восстановление монастыря, вероятнее всего, разоренного польско-литовскими войсками во время осады Севска в марте 1634 г. (дать такую грамоту мог уже новый патриарх Иоасаф).

Возник и начал свое обустройство новый монастырь в полутора верстах от Севска, на небольшой возвышенности среди заливного луга за рекой Сев, где находился участок смешанного леса, среди которого и были построены деревянная церковь, монашеские кельи, хозяйственные и другие сооружения. В первые десятилетия своего существования был он довольно бедным, а о его владениях можно говорить с большой долей условности. Так, в 1646 г. рядом с монастырем на его земле появилась маленькая подмонастырская слободка, в которой имелось 5 дворов, где проживали 5 бобылей, «прибывшихся» к монастырю и подчинявшихся архимандриту Маркелу «с братией».

Постепенно значение монастыря росло. На полученных от государства землях, помимо подмонастырской слободки, появились еще три селения, жители которых подчинялись монастырю. Это были расположенная неподалеку небольшая слободка Семеновка, деревня Лукинка, в которой насчитывалось в 1678 г. 22 крестьянских и бобыльских двора, а также слободка Демьяновка (сейчас – на территории Сумской области Украины). В 1679 г. в ней было 23 крестьянских двора, здесь построили и освятили часовню и Демьяновку стали именовать селом. Но уже вскоре, в 1682 г., как сообщал в своем челобитьи в Москву архимандрит Севского Спасского монастыря Иоасаф, «людей из села Демьяновки ... из Севска воевода думный дворянин Леонтий Романович Неплюев вывез и разорил без остатку, не оставил ни одного двора крестьянского». Хотя к 1706 г. в слободке вновь

было 10 дворов, появилась церковь и она стала селом, сам факт воеводского произвола показывает, что местные власти не очень-то боялись Божьего наказания за свои действия против духовных лиц и святых обителей.

О положении самого Спасо-Преображенского монастыря в это время известно очень мало. Заметным богатством и благоустройством монастырь не отличался. Две имевшиеся здесь деревянные церкви (Преображенская и Ильинская, упоминаемые еще в 1646 г.) постепенно ветшали, и поэтому в конце 1680-х гг. у архимандрита Николая и братий появилась мысль о возведении каменного храма Преображения Господня. В принципе она была поддержана Патриаршим приказом, но осуществление ее намного задержалось.

В 1711 г. здесь по-прежнему действовали две названные деревянные церкви, на хозяйственном дворе находилось 4 лошади, 3 коровы, 5 овец, имелись монастырские сад и огород, но в целом уровень хозяйственного благосостояния был невысок. В относившихся к монастырю селениях числилось 28 крестьянских дворов (в 1700 г. таковых было 38), но, как отмечалось в переписи, «с тех монастырских крестьян денежных доходов и столовых и иных всяких припасов и хлеба за их скудостью не имеется; только пашут де в тот монастырь под рожь по 10 десятин, да под яровой хлеб по 10 десятин, да сена косят на общих лугах по 50 возов и делают всякое сделье». Дополнительным источником доходов для монастыря были мельницы: «на реке Севи мельница, прозванием Рождественская, на трех поставах, да ступ с гонными колесами (с помощью мельничных ступ из зерна гречихи и проса получали крупу – В.К.); другая же мельница ниже деревни Княгининой, о двух поставах, да ступ с гонными колесами, третья в слободке Демьяновке об одном поставе».

Из событий политического характера, к которым имели отношение инок Севского Спасо-Преображенского монастыря, можно назвать историю с «изветом» В.Л. Кочубея на гетмана И. Мазепу. Василий Леонтьевич Кочубей, бывший в годы гетман-

ства на Украине И. Мазепы генеральным писарем, генеральным судьей, а в периоды отъезда И. Мазепы к театру военных действий со шведами даже назначавшийся наказным гетманом, в течение длительного времени был одним из самых близких к И. Мазепе лиц. Их взаимоотношения изменились к худшему в 1704-1705 гг., когда престарелый вдовый гетман имел роман с дочерью генерального писаря. Политический вес и материальное положение В.Л. Кочубея поколеблены не были, но оставалось затаенное желание отомстить нарушителю семейной чести, а накопившаяся информация о неблаговидном поведении гетмана подтолкнула к подаче «извета» о том, что И. Мазепа тайно готовится изменить Москве.

В августе 1707 г. через Батурин, где находился в это время В.Л. Кочубей, возвращались с богомолья в Киево-Печерской Лавре трое путников: иеромонах Севского Спасо-Преображенского монастыря Никанор (Домбровский), монах того же монастыря Трифилий и один из крестьян д. Лукинки. Путники познакомились сначала с женой В.Л. Кочубея, а затем и с самим наказным гетманом, были приветливо приняты супругами, а затем иеромонах Никанор был приглашен для тайной беседы, в ходе которой узнал немало плохого о И. Мазепе. Прощаясь с иеромонахом, В.Л. Кочубей пригласил в Батурин настоятеля Севского Спасо-Преображенского монастыря, обещая сделать пожертвования в обитель. Архимандрит Игнатий уклонился от такой поездки, но послал к наказному гетману того же Никанора с письменным благословением и заздравными освященными просфорами.

Во время прошедшей затем тайной встречи В.Л. Кочубея с Никанором после взаимного целования креста и обещания строго соблюдать тайну, гетман сообщил иеромонаху, что «гетман Иван Степанович Мазепа хочет изменить великому государю и отложиться» и что ему, Никанору, надлежит срочно ехать в Москву, не останавливаясь в Севске, и сообщить об этом боярину И.А. Мусину-Пушкину (вероятно, не только потому, что боярин возглавлял в это время Монастырский приказ, но и потому,

что по широко распространенным слухам он был внебрачным сыном царя Алексея Михайловича и, следовательно, сводным братом царя Петра, а полученная от такого лица информация была бы встречена царем с большим доверием).

Получив от В.Л. Кочубея деньги на проезд, Никанор без задержки отправился в Москву и в середине сентября 1707 г. прибыл в Монастырский приказ, но встретиться с И.А. Мусиным-Пушкиным не смог, а был направлен в Преображенский приказ, ведавший «тайными» делами. Здесь он сообщил об «извете» В.Л. Кочубея начальнику приказа князю Ф.Ю. Ромодановскому, но сам был задержан на время разбирательства. Не имея сведений о судьбе первого «извета», В.Л. Кочубей в начале 1708 г. через своих доверенных лиц сообщал в Москву об изменнических замыслах И. Мазепы, но ни Петр I, продолжавший полностью доверять гетману, ни связанные с этим делом лица из ближайшего окружения Петра, знавшие об отношении царя к И. Мазепе, не поверили «изветам» В.Л. Кочубея и его сообщника полковника И.И. Искры, которые были арестованы, переданы И. Мазепе и летом 1708 г. казнены. Пострадал и иеромонах Никанор: после пребывания в Преображенском приказе он в 1708 г. был отправлен в Соловецкую тюрьму. Правда, холмогорский епископ Афанасий, либо знавший о. Никанора раньше, либо успевший убедиться после встречи с иеромонахом в его невиновности, писал соловецкому архимандриту, чтобы тот был «милостивым» к Никанору. Когда же измена Мазепы стала реальностью, в Соловки был направлен указ об освобождении севского иеромонаха. Как дальше сложилась его жизнь – неизвестно.

Среди севчан вплоть до XX в. бытовало предание, что после ареста В.Л. Кочубея он какое-то время находился в тюрьме Севского Спасо-Преображенского монастыря, где якобы долго сохранялись цепи, которыми он был скован. Но известные достоверные факты полностью опровергают эту легенду. Арестованный В.Л. Кочубей был из Смоленска водным путем по Днепру доставлен в Киев, а далее в район Белой Церкви, где то-

гда находился И. Мазепа. Там же его и казнили. Следовательно, весь его последний путь проходил очень далеко от Севска. Да и не было еще в Спасо-Преображенском монастыре отдельной тюрьмы, где бы можно было содержать важного «государственного преступника». Сама же легенда могла возникнуть в результате смешения двух реальных фактов: связи «дела» В.Л. Кочубея со Спасо-Преображенским монастырем (через иеромонаха Никанора) и наличия в монастыре каменных тюремных помещений, появившихся во второй половине XVIII в.

Начало каменному строительству на территории Спасо-Преображенского монастыря было положено в 1713 г. В мае этого года вместо прежних деревянных церквей начали строить каменный соборный Спасо-Преображенский храм. К осени было закончено сооружение первого этажа и состоялось освещение теплого церковного приказа в честь Ильи Пророка. Основное строительство было завершено в 1715 г., а после окончания всех отделочных и живописных работ в январе 1717 г. собор был освящен архимандритом Игнатием.

Имя архитектора, по проекту которого строился собор, осталось неизвестным, но, скорее всего, это был кто-то из представителей московской школы зодчества рубежа XVII-XVIII вв. И основные объемы храмового здания и элементы декора достаточно близки господствовавшему тогда в Москве и ее окрестностях стилю «нарышкинского» барокко с его нарядностью. Не стоит забывать, что Севск в это время в церковном отношении был в составе Патриаршей области (с 1721 г. ее стали называть Синодальной) и, таким образом, его духовенство напрямую подчинялось московским церковным иерархам, которые через патриаршую контору и финансировали строительство собора, и осуществляли контроль за его ходом.

Ближе к середине XVIII в. на территории Спасо-Преображенского монастыря появилось еще два каменных здания: двухэтажный вытянутый в длину корпус келий и одноэтажная небольшая просфорная с подвалом под нею. Келейный корпус отличался строгими и лаконичными архитектурными

формами, близкими к образцам гражданского зодчества XVII в.; здание просфорной было более нарядным, в нем чувствовалось влияние стиля барокко.

К середине XVIII в. за Спасо-Преображенским монастырем насчитывалось уже около 500 мужских крестьянских душ, относившихся к перечисленным ранее Демьяновке, Лукинке и Семеновке, а также к селу Юшино (село было уничтожено в 1664 г. во время похода польского короля Яна Казимира, но в XVIII в. возродилось). Были среди иноков и примечательные личности, в частности, архимандрит Платон (Петрункевич). Он родился в 1700 г. в г. Соснице на севере Украины в дворянской семье, образование получил в Киевской духовной семинарии. После пострижения в монашество был вызван в Петербург и назначен законоучителем Кадетского корпуса. Как духовник ландграфини Анастасии Ивановны Гессен-Гомбургской (дочери генерал-фельдмаршала князя И.Ю. Трубецкого, в первом браке – за князем Д.К. Кантемиром, во втором браке с 1738 г. – за генерал-фельдмаршалом российской службы, ландграфом Гессен-Гомбургским Людвигом Вильгельмом) о. Платон в конце 1730-х гг. сопровождал ландграфскую чету в заграничном путешествии. После возвращения был в 1740 г. назначен в сане архимандрита настоятелем Севского Спасо-Преображенского монастыря, а в 1742 г. переведен настоятелем Владимирского Рождественского монастыря и утвержден членом Святейшего Синода. Назначенный в 1748 г. епископом Владимирским, владыка Платон добился открытия в 1750 г. духовной семинарии в г. Владимире и позже проявлял о ней постоянную заботу, в том числе расходуя на нее и собственные средства. Умер он в 1757 г., находясь в Москве, но затем был перезахоронен во Владимирском кафедральном соборе.

Однако нравы у части обитателей монастыря не всегда соответствовали его материальному укреплению, чему в некоторой степени способствовали неоднократные смены настоятелей и возникавшие при этом периоды «межвластия». Наглядным примером является описанный в мемуарах Г.И. Добрынина эпи-

зод с одним из последних настоятелей монастыря архимандритом Пахомием. Вскоре после прибытия престарелого архимандрита в обитель «братия вознегодовала на него за нарушение прежних монастырских обыкновений». «Нарушения» эти заключались в том, что настоятель «в праздничные и торжественные дни не просит братию к себе на водку» и что он «уничтожил печенье по субботам блинов, а по воскресеньям – пирогов».

Дошло до того, что монастырский «служба» Семен Малышев, уверявший монахов, что «архимандрит – богопротивник», явился в Севскую провинциальную канцелярию и «закричал ... употребительное тогда «слово и дело». Архимандрит, заявитель и названные им свидетели-монахи были под караулом отправлены в Москву для разбирательства. Поскольку в извете С. Малышева ничего существенного не оказалось, то его после телесного наказания отдали в солдаты, архимандрита оправдали, но Пахомий попросил перевести его из Спасо-Преображенского монастыря в Столбовской Николаевский, что и было исполнено.

В 1764 г., после создания Севского и Брянского викариатства Московской епархии, Севск был назначен центром пребывания викарных епископов. Местом, где жительствова­ли и занимались своей деятельностью севские епископы и обслуживающие их лица, стал упраздненный с этого времени Спасо-Преображенский монастырь, получивший название архиерейского дома. Последним настоятелем монастыря был архимандрит Иакинф (Карпинский), пользовавшийся известностью за свою ученость и издавший позднее сборник своих произведений.

Основное каменное строительство на бывшей монастырской территории велось, когда здесь уже не было монахов, а находилась резиденция севских епископов. Во второй половине XVIII в., особенно в период пребывания здесь епископа Кирилла (Флоринского), здесь был обновлен собор, сооружены каменная ограда с угловыми башнями, высокая и живописная надвратная колокольня. Так сложился единый архитектурный комплекс зданий, который продолжали называть (и называют до сих пор)

Спасо-Преображенским монастырем, хотя в реальности монастыря там уже не было. Сооружения комплекса имели в значительной степени символическое значение: толстые стены с бойницами и башнями продолжали традиции тех русских средневековых монастырей, которые вплоть до XVII в. играли оборонную роль, а завершая стен типа ласточкиного хвоста были аналогичны стенам московского Кремля.

Помимо Площанской пустыни и Спасо-Преображенского монастыря, на территории Севского уезда в XVII в. находились еще 3 мужских обители: Столбовский Николаевский монастырь, Борщовская Николаевская и Радогощская (Радогожская) Спасская пустыни.

Борщовская пустынь, по преданию, была основана на месте, где в зарослях борщевика (высокой травы из семейства зонтичных со съедобными стеблями) была обнаружена собиравшими мед диких пчел бортниками икона Николая Чудотворца. Здесь, если опять-таки верить преданию, была устроена часовня, а затем возникла пустынь, разоренная в годы смуты. В сохранившихся документах эти сведения не подтверждаются, а первое известие о существовании Борщевской Николаевской пустыни относятся к 1653 г. Во второй половине XVII в. рядом с пустынью появилось и селцо Борщево, вероятно, выросшее из подмонастырской слободки. Относилось оно в отличие от ближайших селений не к Комарицкой волости, а к Брянскому уезду и лишь в XVIII в. вошло в состав Севского уезда.

По переписи 1709 г. в пустыни имелись две деревянные церкви (Николаевская и Знаменская), деревянные кельи, где проживало 14 монахов, включая настоятеля. На обитель бесплатно работали 5 трудников. Проживали здесь и 2 наемных дворника, занятых, скорее всего, на конюшенном и скотном дворе, где было 17 лошадей, 7 жеребят, 14 коров, 2 быка, 8 телят, 30 овец, 15 ягнят, 5 коз, 3 козленка, 2 свиньи – это было значительно больше, чем в занимавшем более высокое положение Севском Спасо-Преображенском монастыре. Большое количество скота требовало много кормов, и согласно переписи 1709

г. ежегодно заготавливалось по 150 возов сена – делали это добровольно трудившиеся вкладчики обители и наемные крестьяне из разных селений Комарицкой волости, Брянского и Трубчевского уездов. Имелись у пустыни и пахотные земли, где выращивали рожь, яровую пшеницу, овес, ячмень, просо, горох, коноплю. Дополнительным источником монастырских доходов являлась находившаяся на р. Гбень «мельница с двумя поставами и с толчеёю с наливными колёсы и с рыбною ловлею».

Ряд принятых Петром I в первой четверти XVIII в. указов, строго ограничивавших деятельность монастырей и ущемлявших их самостоятельность, сказался и на положении монастырей Севского уезда. Так, указом 1723 г. было предписано монастыри и пустыни, где находилось менее тридцати иноков, объединять в один. Настоятель главного в Севском уезде Спасо-Преображенского монастыря архимандрит Варлаам решил проявить свое рвение в исполнении предписаний царской власти и, следуя букве указа, приказал в 1724 г. упразднить Площанскую пустынь, ее монахов перевести в Борщевскую пустынь, а утварь, скот, хлеб и другое имущество привезти в свой монастырь. Объединенный монастырь возглавил иеромонах Тихон, управлявший ранее Борщевской пустынью, а в 1725 г. именуемый «строителем Борщевским и Площанским».

Несмотря на разорение Площанской пустыни архимандритом Варлаамом, жизнь в обители не прекратилась. Продолжались богослужения в храме, в пустынь стали возвращаться выдворенные ранее монахи, а переселившийся сюда иеромонах Тихон, считая действия Варлаама неправильными, начал борьбу за восстановление справедливости. Несколько лет трудного противостояния завершились победой о. Тихона и поддержавших его площанских монахов. Следствие, назначенное для проверки жалоб на гонения со стороны архимандрита и проведенное управляющим канцелярией Комарицкой волости Чичериным, подтвердило неправоту действий Варлаама, которого из Севска перевели в Московский Иосифо-Волоколамский монастырь. Изъятое имущество Площанской пустыни было возвращено, как

и деньги, полученные от продажи скота и хлеба. В 1731 г. указом императрицы Анны Иоанновны подтверждалась принадлежность пустыни всех земель, пожалованных Михаилом Федоровичем, что приостановило попытки крестьян ближних селений захватить часть монастырских угодий. Иеромонах Тихон, уважаемый и иноками, и посещавшими обитель паломниками, продолжал управлять пустынью до своей кончины в 1741 г.

Что же касается Борщевской пустыни, то ее относительное благополучие (в 1744 г. за нею даже числилось 8 душ крестьян) не сопровождалось ростом духовного влияния. Во второй четверти XVIII в. обитель была приписана к Площанской пустыни, а в 1764 г. упразднена. Ее семь последних инок были переведены в Площанскую пустынь, а церковь преобразована в приходскую.

Неподалеку друг от друга, разделенные участком леса к северу от реки Нерусса, находились еще две монастырских обители: Столбовский Николаевский монастырь и Радогощская Спасская пустынь. Сближало их не только местоположение, но и сходство исторических судеб.

Столбовский Николаевский монастырь впервые упоминается в документах в 1655 г., но, согласно преданиям, возник значительно раньше. По записи, сделанной на обратной стороне основной святыни монастыря, иконы Николая Чудотворца, известной своими чудесами, эта икона была обнаружена в 1626 г. на дубовом столбе, а затем «на том святом месте» была построена деревянная церковь, вокруг которой и вырос Столбовский Николаевский монастырь. Согласно позднейшим сведениям, «во время польского короля приходу та церковь сожжена». Такой приход войск польского короля в эти места мог быть только однажды – в начале 1664 г., во время похода Яна Казимира. Следовательно, монастырь возник раньше этого времени, а сожжение Николаевской церкви еще не означало разорения всей обители, поскольку на следующий год упомянут в документах ее настоятель Акиндин. На месте сожженной церкви какое-то вре-

мя находилась часовня, но затем деревянная церковь вновь была сооружена.

По переписным книгам 1678 г. в подмонастырской Столбовской слободке было записано 12 крестьянских и бобылевских дворов, но в начале XVIII в. было «из тех дворов взято в рекруты 7 человек, и за взятием оных рекрутов, за скудостью и за одиночеством бежало 4 двора» и к 1711 г. осталось «налицо 6 дворов крестьянских, 2 двора бобыльских», в которых проживал в общей сложности 61 человек. «А монастырь с тех крестьян денег и хлеба и иных всяких столовых припасов, за их скудостью, ничего не имеет, для того что за тем монастырем под теми крестьянами пашенной земли и сенных покосов малое число имеет, на стороне нанимаются в работники, и в монастыре пашут под рожь одну десятину, а сена косят в монастырь... по 50 копен,... а сделья никакого не делают, только возят в тот монастырь к трапезе 5 сажень, к хлебне... 4 сажени, к братским 4 кельям по столько же».

На конюшенном и скотском дворах монастыря в 1711 г. находилось 4 лошади, 1 корова, 7 подтелков и телят, 15 овец, 12 ягнят, 10 свиней – в целом не очень большое хозяйство для 10 монахов (включая настоятеля) и 1 трудника. Своего хлеба монахам на весь год не хватало и приходилось пользоваться «мирским подаянием». Имевшиеся «за монастырем на речке Ибуше две мельницы об одном поставе» дохода почти не давали, так как работали они только «полою водою», обслуживая монастырских крестьян.

К 1711 г. в монастыре имелось уже две деревянных церкви. В 1719 г. одна из них, Ильинская, была перевезена в новое село Дмитровское, где начало обустраиваться главное имение князей Кантемиров, ставших ближайшими соседями столбовских монахов. А вскоре сгорела и Николаевская церковь, но чудесным образом не пострадала главная святыня монастыря – икона святителя Николая. На помощь монастырю пришел князь Дмитрий Кантемир, на средства которого началось возведение нового каменного храма. Однако в 1723 г. князь Д.К. Кантемир

скончался; наследники князя, строившие в это время каменную церковь в местечке Дмитровке (так стали называть бывшее село), приостановили строительство храма в монастыре. Когда в 1725 г. церковь в м. Дмитровке была освящена, работы в Столбовском монастыре возобновились, но велись не слишком быстро. К 1730 г. Николаевский храм был в основном построен, но его благоустройством сыновья Дмитрия Кантемира, жившие преимущественно в столицах, не занимались. Да и руководители Столбовского монастыря, видимо, не проявляли в этом большой инициативы, а ведь к числу самых бедных монастырь не относился – в 1744 г. за ним числилось 119 мужских крестьянских душ.

Нравы отдельных столбовских монахов также не всегда были примером для окружающих. Живший в 1762 г. в этом монастыре подросток Г.И. Добрынин позже описывал в своих воспоминаниях, что однажды, в период отсутствия архимандрита Варлаама, во время вечерней службы «один из черноризцев, отец Арсений, соскочил с левого клироса, поднял свою мантию, схватил её в один узел, прижал к своей груди и начал по церкви прыгать, как обезьяна». Г. И. Добрынин решил, что архимандрит был пьян, но его поведение похоже на временное духовное помрачение. В 1764 г. монастырь был закрыт, а Николаевская церковь преобразована в приходскую села Столбово – так стали называть разросшуюся подмонастырскую слободку.

Совсем немного сведений сохранилось и о Радогощской Спасской пустыни. Неизвестны ни время, ни обстоятельства ее основания. По переписным книгам 1678 г. пустынь существовала, но за нею «крестьянских и бобыльских дворов никаких не написано». По сведениям 1711 г., в пустыни было уже две деревянных церкви, хотя проживало здесь лишь 7 монахов, да «на скотном дворе два человека» наемных работников. Всего «на конюшенном и на скотном дворе» находилось 6 лошадей, 7 быков, 6 коров, 9 телят и подтелков, 10 овец, 4 ягненка. По переписи 1711 г., было «за тою пустынью в Подмонастырской слободке написано бобыльских 4 двора», но в этом же году три из них

запустили. В одном оставшемся дворе было «живущих ... 10 человек», которые «на монастырь озимого и ярового хлеба не сеют, только косят сена в монастырь по 40 возов в год, да делают монастырское разное сделье».

Отсюда – зафиксированная в документах того времени бедность обители: «Денег и столовых и иных всяких припасов и хлеба за скудостью не имеется». Хотя монастырю принадлежала «на реке Нерусе мельница и с рыбною ловлею на оброке», но доход от нее был невелик, так как «на той мельнице помол бывает в зимнее время, а в остальное время помолу не бывает, для того что к той мельнице за болотами приезду никакого нет».

Радогощскую пустынь ликвидировали двумя годами позже Столбовского монастыря – в 1766 г. Единственную оставшуюся к тому времени деревянную церковь перевезли в с. Юшино. О существовавшей когда-то обители напоминала Спасо-Радогощская слободка, находившаяся севернее села Радогощ и отделенная от него рекой Неруссой. С образованием в конце XVIII в. Дмитровского уезда и установлением новых границ между Севским и Дмитровским уездами Спасо-Радогощская слободка и с. Столбово оказались на территории Дмитровского уезда.

Еще одним значительным центром религиозной жизни Севска и его округа был Троицкий женский монастырь, находившийся в центральной части города. К сожалению, в его истории, особенно ранних этапов существования, очень много неясностей, поскольку значительная часть имеющихся сведений базируется на преданиях или позднейших записях, порой вступающих в противоречие с достоверными фактами.

Главной святыней Троицкого монастыря была чудотворная Молченская икона Божией Матери. По одному из преданий, после набега татаро-монгол на Киев пришедшие оттуда два инок поселились в пещере неподалеку от Путивля. С собой отшельники принесли икону Пресвятой Богородицы, перед которой и молились. После смерти иноков место это оказалось забытым, но в 1405 г. один из бортников увидел на дереве близ боло-

та Молчь икону, окруженную сиянием, о чем и сообщил жителям Путивля. По их желанию после ходатайства перед великим московским князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном на месте явления иконы была поставлена часовня, а затем храм Рождества Богородицы. В том же году здесь была основана Молченская пустынь (с конца XVII в. получившая название Софрониевская в честь одного из настоятелей – преподобного Софрония), а день явления иконы (18 сентября, или 1 октября по новому стилю) стал отмечаться как праздник Молченской иконы Божией Матери.

Согласно тому же преданию, в период «смутного времени» начала XVII в. Молченская пустынь была разорена, а ее настоятель игумен Пафнутий был вынужден вместе с братией перейти в Путивльский Молченский монастырь, куда была перенесена и Молченская икона Божией Матери. Когда же и этот монастырь пострадал от пожара, икону перенесли в Спасо-Духовский женский монастырь. В 1612 г. во время угрозы движения польских войск к Путивлю, явившись в сонном видении трем монахиням Спасо-Духовского монастыря сама Царица Небесная указала им взять чудотворную икону и идти с нею в Севск. В то же время трем отшельницам, жившим в полуземляночных кельях на старом севском кладбище близ небольшой церкви в честь Рождества Богородицы также было от Царицы Небесной повеление идти «по вечерней молитве на путь, ведущий к Киеву». Вечером, 24 апреля, встретились под Севском путивльские и севские странницы, принесшие совместно Молченскую икону Божией Матери в храм Рождества Богородицы. День 24 апреля (7 мая по новому стилю) стал еще одним праздничным днем в честь чудотворной иконы. Весть о чудесном обретении иконы Молченской Божией Матери стала быстро распространяться, на кладбище начали строиться новые кельи, росло число сестер в появившейся обители. Старая Рождественская церковь уже не могла вместить всех молящихся, поэтому был построен новый деревянный храм во Имя Живоначальной Троицы, а монастырь стал называться Троицким.

При всем уважении к православной литературе профессиональный историк обязан и к историко-религиозным сведениям относиться как к любым историческим источникам, т.е. критически. Нужно признать, что в приведенном сказании об Молченской иконе Божией Матери есть немало сведений, вызывающих серьезные сомнения. Во-первых, после разорения Путивля в XIII в. татаро-монгольскими войсками название города исчезает со страниц летописей и других документов вплоть до 1500 г., так что факт существования города в начале XV в. документально не подтверждается. Еще существеннее то, что в это время вся Северская земля входила в состав Великого княжества Литовского, следовательно, обращаться к московскому князю и митрополиту по поводу строительства храма на неподконтрольной им территории не имело смысла. И уж совершенно не вписываются в общую ситуацию времен «смуты» на Северской земле сведения о переносе в 1612 г. Молченской иконы Божией Матери из Путивля, самой хорошо укрепленной в начале XVII в. крепости на юго-западных рубежах Российского государства, в Севск, разоренный в 1605 г. войсками Бориса Годунова и совершенно запустевший вплоть до 1619 г. Сомнение в правдоподобности этих сведений еще усиливается, если учесть, что в известных по документам 1620-1650-х гг. перечнях севских церквей нет упоминаний ни о Рождественском, ни о Троицком храмах, а сам Троицкий женский монастырь в Севске впервые упомянут лишь в 1679 г.

В то время в историко-религиозной литературе есть сведения и о другом сказании, связанном с Молченской иконой Божией Матери, где дается иная версия случившегося. По сведениям, записанным в Путивльском Молченском монастыре, чудотворная икона Богоматери явилась на Молченском болоте 24 апреля 1636 г. и была затем перенесена в Путивльский Печерский монастырь, известный с конца XVI в. и получивший дополнительное название (Молченский) с обретением названной чудотворной иконы, которая, по сведениям середины XIX в., продолжала оставаться в этом монастыре. День явления Мол-

ченской иконы Божией Матери, 24 апреля, отмечался в монастыре как праздничный.

Согласовать эти две взаимоисключающие версии невозможно – их объединяет лишь дата, 24 апреля, но и та имеет не одинаковый смысл. По-видимому, нужна дополнительная кропотливая работа специалистов по церковной истории, чтобы прояснить такую запутанную ситуацию. В связи с этим есть необходимость высказать некоторые соображения о сроках проведения празднеств в честь Молченской иконы Божией Матери. Календарная реформа 1918 г., передвинувшая счет времени в России на 13 дней вперед в связи с переходом с юлианского календаря на грегорианский, утвердила в сознании большинства именно такую разницу между старыми и новыми календарными датами, хотя это верно лишь для XX века. В XIX в. разница составляла 12 дней, в XVIII – 11, в конце XVI и XVII вв. – 10 дней, а раньше этой разницы просто не могло быть, так как новый календарь стал вводиться в Европе лишь после объявления в 1582 г. буллы папы Григория XIII. В таком случае дата 18 сентября 1405 г. не требует перевода на новый стиль, а к дате 24 апреля 1612 г. (или же 1636 г.) нужно добавить не 13, а 10 дней. Следовательно, современные праздничные даты, 1 октября и 7 мая, с историко-хронологической точки зрения нельзя признать корректными.

Из сведений, связанных с историей Троицкого монастыря в конце XVII в., заслуживает внимания тот факт, что в 1684 г. цари Иоанн и Петр Алексеевичи «пожаловали города Севска в Троицкий девичий монастырь» 4 колокола весом в 50, 30, 20 и 10 пудов. Ходатайствовал об этом генерал Агей Алексеевич Шепелев, являвшийся членом Боярской Думы с чином окольничего (в 1681 г. его полк некоторое время находился в Севске, и расположенный в городе Троицкий монастырь, вероятно, произвел благоприятное впечатление на генерала, решившего оказать ему благодеяние). Отливали колокола московские литейные мастера Фёдор Леонтьев и Яков Иванов. Помещены колокола бы-

ли на специально построенной для них деревянной колокольне при входе на территорию монастыря.

В 1694 г. по распоряжению и на средства севских воевод окольничего князя Петра Лукича Львова и его племянника стольника князя Ивана Борисовича Львова на территории монастыря возле Святых ворот был выкопан колодец глубиной в 10 сажен (свыше 20 метров), который существовал еще в начале XX в.

По описи 1698 г. монастырь находился в «Большом городе», возле Пречистенской проездной башни с вестовым колоколом. В обители были соборная Троицкая церковь, кельи и ограда в виде частокола. Над Святыми воротами при входе находилась надвратная колокольня. Все строения были деревянными. В описи 1711 г. упомянута и вторая церковь - Рождества Богородицы, тоже деревянная.

При игуменье Маргарите, руководившей жизнью монастыря в 1751-1782 гг. и похороненной здесь же в 1791 г., вместо двух обветшавших деревянных церквей был построен в 1760-1761 гг. двухэтажный каменный Троицкий собор с приделом Рождества Богородицы в нижнем этаже. Большой пятиарусный иконостас собора был сооружен по образцу иконостаса Успенского собора Киево-Печерской Лавры. Тогда же началось строительство каменной ограды с четырьмя башенками на углах.

В заключение можно отметить, что знаковыми для духовной жизни Севска и Севского уезда в рассматриваемый период были три даты: 1681 г. – указ Федора Алексеевича о создании архиепископии Севской и Брянской (политические события 1682 г. не позволили реализовать этот указ); 1748 г. – образование архиепископии Московской и Севской, существовавшей до 1754 г., когда скончался архиепископ Московский и Севский Платон (Малиновский); 1764 г. – создание епископии Севской и Брянской и начало деятельности в Севске епископов и духовного правления.

Севск как место пребывания епископов Севских и Брянских (позже – Орловских и Севских) вплоть до 1820 г.; Севская

духовная семинария, находившаяся здесь с 1778 г. по 1827 г. (в последние десятилетия она именовалась Орловской) и воспитавшая многих видных религиозных деятелей; монастыри Севского уезда, где во второй половине XVIII – первой половине XIX в. подвизалось немало выдающихся религиозных подвижников, – все это заслуживает самого серьезного изучения, чтобы во всей полноте представить духовную роль Севска и его округи.

Литература

Благодатная пустынь. Казанская Богородицкая Площанская мужская пустынь. – М., 2005.

Гусева, Р.А. Севский Троицкий женский монастырь / Р.А. Гусева // Из истории Севска и его округи. – Севск, 1993.

Добрынин, Г.И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная / Г.И. Добрынин. – СПб., 1872.

Зверинский, В.В. Монастыри в Российской империи / В.В. Зверинский. – СПб., 1887.

Кизимова, С.П. По следам святых обителей / С.П. Кизимова, Е.М. Зубова. – Брянск, 1999.

Материалы по истории церквей Орловской епархии. Севской десятины жилые данные церкви. 7136 (1628) – 1746 гг. Вып. 1. – М., 1904.

Пясецкий, Г.М. Исторические очерки города Севска и его уезда / Г.М. Пясецкий // Сборник Орловского Церковного Историко-Археологического Общества. Т. II. – Орел, 1909.

Пясецкий, Г.М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей / Г.М. Пясецкий. – Орел, 1899.

Пясецкий, Г.М. Материалы по истории монастырей Севской епархии, упраздненных в 1764 г. / Г.М. Пясецкий // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Вып. IV. – Орел, 1889.

Ратшин, А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и

примечательных церквях в России / А. Ратшин. – М., 1852. (М., 2000).

Святский, Д.О. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости / Д.О. Святский. – Орел, 1908.

Соловки: монастырь на островах. – М., 2007.

Старцы Пловчанской пустыни. – М., 2002.

Л.Н. Богдан,
*учитель истории и обществознания МОУ
Селеченской СОШ Суземского района
Брянской области*

Из истории Селеченской Церкви Покрова Пресвятой Богородицы

Селеченская Церковь Покрова
Пресвятой Богородицы

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы на моей малой родине – в селе Селечня Суземского района Брянской области – называют не иначе, как жемчужиной. К великому сожалению, она пребывает ныне в упадке. Воссоздать – хотя бы отчасти – историю этого замечательного храма мне помогли рассказы старожилов, помнящих, в свою

очередь, рассказы своих отцов и дедов, кое-какие сведения хранят уцелевшие документы, фотографии...

Нынешнее здание церкви – третье. Ещё со времён Литовской Руси, в которую входила Селечня вместе со всей Комарицкой волостью, в селе стояла деревянная церковь, просуществовавшая более двухсот лет. Потом, в 1695 году, вместо устаревшей церкви на средства селеченцев по разрешению Свенского монастыря (село Селечня по прошению монастыря было передано во владение монастыря Иваном Грозным) была выстроена

на новая деревянная церковь, а уже в первой половине XIX века построили нынешнюю кирпичную церковь. Деревянное же здание предыдущей церкви оказалось проданным в село Кирилловку Курской губернии.

Селеченская церковь по своим размерам очень большая и массивная – вместительностью на 3000 человек. По рассказам прадедов и прабабушек, в Селечне работало два кирпичных завода, специально обслуживающих стройку, на которой трудились люди даже из близлежащих деревень: Войны, Теребиково. Дед одной нашей жительницы говорил, что при строительстве храма применялся для сцепления кирпича при кладке толстых стен раствор, в который входили яичные желтки. А возводили церковь, по преданию, двенадцать братьев (по числу апостолов). Как рассказывают старожилы, строилась она сорок один год, а богослужения в ней начались с 1848 года (по другим данным, церковь начала строиться в 1836 году). Получился подчёркнуто-монументальный купольный храм в стиле ампир. К обширной трапезной в пять окон по фасадам примыкает массивная четырёхгранная двухъярусная колокольня, высота которой вместе с крестами достигла тридцати метров, на ней имелось три колокола: один большой и два поменьше. Купол церкви был позолочен. Колокольный звон разносился далеко окрест. «... В интерьере храма своеобразен высокий купольный зал круглой формы, хорошо освещенный окнами... Крупными арочными проёмами зал соединён с алтарём и боковыми пределами... Особенно оригинальны два массивных круглых столба в центре трапезной... Необычна также крещатая форма помещения в нижнем ярусе колокольни, перекрытого крестовым сводом».

В 1882-1885 гг. вся штукатурка на церкви была возобновлена, а вся церковь покрыта новым железом; тогда построили и каменную ограду с караулкою. В 1895 году штукатурку на колокольне оббили и покрасили масляной краской.

Устная легенда селеченцев гласит, что таких храмов, как наш, в мире всего два. В Киеве и в Иерусалиме. От внутреннего убранства у прихожан, наверное, захватывало дух. Ведь посмот-

реть было на что. Представьте себе, вы заходите в церковь и видите перед входом на стене большую икону Покрова Пресвятой Богородицы, с южной стороны – Илью Пророка на огненной колеснице, а с верхних ворот – изображение избиения младенцев. Внутри купола была написана большая икона Усыпления Святой Богородицы. Особенно чтимые иконы в церкви две: Икона Божьей Матери «Всех скорбящих Радости» и Икона Святого Великомученика и целителя Пантелеймона. Обе иконы располагались на золотом фоне в больших киотах и стоили по 150 рублей. Первая из них устроена прихожанами-крестьянами в память коронования Николая II и Александры Фёдоровны, вторая – пожертвована через год церковным старостою, севским купцом Василием Трофимовичем Бурого. Существовало три иконостаса: большой был создан в 1752 году, и обновлён в последний раз в 1788 году.

Стены в храме расписаны на библейскую тематику. Обратим внимание на фрески. Среди росписей Святых, Пророков и Мучеников, на некоторых мы найдём изображения воинов, готовых поразить врага. Одна из росписей с изображением Пересвета, боярина Брянского, бой с Челубеем. Чувство глубокого наслаждения испытывали наши предки, осматривая внутреннее благолепие Селеченской церкви, особенно, когда шла вечерня: в паникодилах горели свечи, и всё освещалось вокруг.

В церкви находились два алтаря и два престола – Покрова и Ильи, было два клироса – правый и левый, два хора – в каждом по 20-30 певчих, известным руководителем хора являлся Сергей Хотюшкин. В храме служили: два священника, дьякон, были также три дьячка, звонарь, сторож. Дошедшие до нас имена священнослужителей: отец Василий, отец Дмитрий, отец Гавриил и отец Игнатий.

В церковных песнопениях замечался напев Площанского монастыря. Пели вместе с псаломщиком много любителей прихожан: взрослых и мальчиков, а также хор учеников земской школы и взрослых под управлением кузнеца Будлянца. Все любители пели бесплатно.

Особенно многолюдно было в церкви, когда венчались молодые пары. «В тот момент, когда я венчалась, вместе со мной венчалось ещё 20 пар», – так вспоминала одна из бывших старейших жителей села Евдокия Сергеевна Симоненкова.

Зимой в храме было тепло. Отапливали печи под полом, от которых шли красивые расписные столбы, гревшие помещение.

Вокруг церкви росли плодовые деревья, тут был сад. С восточной стороны протекала речка Селеченка, впоследствии из-за людской нерадивости и равнодушия превратившаяся в обычный ручей. За воротами, с южной стороны от храма, находилось церковное кладбище с небольшой часовней. На его территории всегда поддерживался образцовый порядок. Неподдалёку располагалась Земская, с толстыми кирпичными стенами, приличная школа, построенная на средства прихожан в 1877 году, в ней обучалось 150 мальчиков; в 1891 году священником Фёдором Говоровым была на средства церкви открыта школа грамоты для девочек, в которой обучалось до 20 детей.

В церковной библиотеке хранились две древние книги: «Священное Евангелие с толкованием Святого Благочинного Феофилакта, Архиепископа Болгарского, изданная Святейшим Синодом в 1764 году» и «Книга молебнов», изданная при Елизавете Петровне.

По праздникам к церкви устремлялся народ со всей округи. Старейшая жительница нашего села Мария Васильевна Авилова рассказывала:

– На Пасху шли сюда старый и малый. Все христославились, даже богачи с бедняками. Нашего любимого звонаря так и прозвали – Вася-поцелуй, очень уж любил он целоваться со всеми. Иногда он позволял желающим подниматься на колокольню и звонить.

На Илью и Покров в Селечне устраивались базары, на которые съезжался не только простой народ из ближних и дальних деревень, но и купцы, аж из самого Брянска! По воспоминаниям некоторых старых жителей села в 1915-ом или в 1916-ом году

Севский уезд, в том числе и Селечню, постигла засуха. Под палящим солнцем селяне пришли к церкви и с батюшкой совершили крестный ход вокруг храма, а потом пошли по полям и совершили молебен, пели песни в честь Покрова Божьей Матери и пророка Ильи, прося дождика на землю. Небо было чистое, голубое, ни облачка на нём, а через какое-то время покрылось тучами, и в одно мгновение хлынул дождь, как из ведра. Урожай был спасён.

В феврале 1917 года Православная церковь приветствовала Временное правительство князя Львова. Селеченская церковь, как и все другие, это приветствие огласила колокольным звоном. Решениям же советской власти настоятель, отец Василий, призывал не подчиняться.

В 1922 году, несмотря на сопротивление служащих Селеченской церкви, были изъяты часы, ковры и другие ценности. Когда уполномоченный Михаил Григорьевич Дежкин (уроженец нашего села) стал всё проверять, то на иконе Покрова Божьей Матери не оказалось бриллианта. Был составлен акт, возбуждено уголовное дело. Отец Василий впоследствии был приговорён к расстрелу. Новым настоятелем храма стал отец Гавриил (в миру Дроздов). Но благодные годы для Селеченской церкви существовали недолго, до коллективизации сельского хозяйства. В это же время, в 1929-1930 годах, в первый раз снимали церковные колокола. Вот что пишет в своих воспоминаниях по этому поводу И.Н. Моисеенков о тех безбожных годах: «Помню, как это было в Селечне... К церкви сбежался народ, многие окружили стены колокольни... Женщины вооружились всем, чем могли: ухватами, лопатами, вилами. Мужики наблюдали издали... Крики, угрозы, били в двери. Благо, они оказались крепкими...

Мы приостановили работу, совещались, как быть? Хотя и были вооружены(!), решили не стрелять, даже и при смертельной опасности для каждого. Мы решили выйти и всё объяснить народу... Вдруг сзади кто-то издали, через головы других, бро-

сил в меня ком сырой земли. Я обернулся и увидел, что недалеко от меня бабы обдирают и раздевают милиционера.

Я вырвался из рук женщин, перепрыгнул через изгородь и скрылся в коноплянике. Подобным образом спаслись и другие. Обошлось без жертв.

Ободранные, исцарапанные, с ушибами были все...».

Вскоре новому батюшке, отцу Игнатию, было предложено вступить в колхоз и стать колхозным бухгалтером и счетоводом, поскольку других грамотных, умеющих разбираться в бухгалтерских делах, не оказалось. Игумен понимал, что к чему, отказаться не мог, храм могли закрыть при любых обстоятельствах, и, чтобы как-то продлить его существование, согласился работать в колхозе, при условии, что по воскресеньям и в праздничные дни он будет проводить службу.

Последний год службу в Селеченской церкви нёс священник Тихон, фамилию точно никто не знает, но говорили, то ли Давыдов, то ли Бринёв из Кукушкино. В 1935 году храм был закрыт. Наступил 1938 год (по другим воспоминаниям старожилов села, колокола были сняты в 1937 году), мрачный год для Селеченской церкви, когда были сняты колокола. Председатель сельсовета П. Измайлов вместе с активистами села сняли сначала малые колокола, а потом большой колокол весом в сто с лишним пудов. Народу явилось много, но значительно меньше, чем восемь лет назад. На этот раз всё обошлось без сопротивления. Правда, когда одна из женщин подошла к председателю и спросила: «Покажи документ на разрешение снятия колоколов», – Измайлов ответил: «Вот тебе документ!» – и ударил кувалдой по большому колоколу, от края которого отлетел кусок бронзы. «Ирод!» – закричали из толпы женщины, а от толпы мужиков, один, в длиннополой рубахе, босой, заросший щетиной, подошёл к председателю, покрутил пальцами около его головы и проквашал, как лягушка. Мужики расхохотались, а женщины смиренно стояли, некоторые из них посылали проклятия.

В конце 1930-х годов, по предложению Измайлова, в церкви был организован клуб, заведовал которым Василий Ко-

соногов. В помещении устраивали танцы, смотрели кино, ставили спектакли. Например, по сказке А.С. Пушкина «О попе и о работнике его Балде». Об этом писала довоенная районная газета «Лесная Правда».

Во время Великой Отечественной войны в Селеченской церкви фашистские оккупанты устроили местное правление, вроде комендатуры. Там же поместили палатки и жили какое-то время, устраивали допросы граждан.

На подступах к Селечне то и дело шли бои. По церкви били танки, немецкие и наши, последний раз – 31 августа 1943 года, когда красноармейцы выгоняли фашистских пулемётчиков, засевших на колокольне. Сначала стреляли из миномётов, но это не помогло. Тут подошли танки и прямой наводкой уничтожили пулемётчиков. Церковь и колокольня выдержали удары снарядов – следы от них видны до сих пор.

После войны в селе началось строительство домов. Потребовалось много кирпича, которого не хватало. И тогда некоторые селяне, перекрестившись, начали ломать длинную, красивую, высокую церковную каменную ограду для кладки печей в своих домах. К сожалению, не все боялись Божьего гнева! Вскорости бывшее церковное здание было приспособлено под склад, где лет двадцать хранилось разное колхозное имущество. В 1965 году в селе началось строительство водопровода, на верху колокольни установили водонапорную башню, отчего внешний вид храма сразу испортился.

В 1985 году, в результате случившегося пожара, в церкви сгорел второй этаж, а фрески и другие изображения покрылись копотью.

В настоящее время бывший храм имеет не совсем приглядный вид, как с внешней, так и с внутренней стороны. Снаружи всё больше стала осыпаться штукатурка, зарастают сорной растительностью купол и стены. Но, несмотря на негативные действия, как со стороны человека, так и со стороны природы, всё равно церковь с колокольней своим величественным видом не оставляет равнодушным любого прохожего. Не раз я замеча-

ла, как люди, проходя мимо церковного здания, останавливаются и обращаются к Господу с молитвой.

История церкви Покрова Пресвятой Богородицы, также как и история села – это наша история, не только прошлая, но и нынешняя. Пусть это история отдельно взятого храма, но из таких вот маленьких историй складывается наша большая история, история страны и её народа. Всё построенное людьми должно сохраняться не только для настоящего, но и для будущего.

Мы мечтаем и искренне верим, что придёт время, когда можно будет подумать о реставрации нашего удивительного храма. В середине 1980-х годов уже производили расчёт предполагаемых денежных и материальных затрат. Да грянула перестройка. А с перестройкой всё и закончилось, не успев начаться. И по сей день некому взяться за святое дело, некому бросить клич...

В заключение следует сказать, что в Селечне открыт новый Покровский храм. Бывшее деревянное здание магазина (расположенное рядом со старым храмом и старым зданием Церковно-приходской школы) приспособили под церковь. Имеется Иконостас и прочия церковная утварь для совершения богослужений. Правда, своего священника нет, но по различным дням приезжает отец Сергей из Суземки, человек живой и деятельный. Он, несмотря на занятость, не забывает и паству прихожан в Селечне.

А.М. Афонькина,
*заведующая отделом Государственного
архива Брянской области*

Сельские священники на рубеже XIX-XX вв.

Севская и Брянская епархия на рубеже XIX-XX вв. насчитывала десятки приходов, и в каждом был свой пастырь – человек, который объединял всех жителей прихода.

Большинство дореволюционного духовенства составляли сельские священники, чья жизнь была схожа с жизнью рядового члена крестьянской общины. Большая семья и хозяйство требовали постоянного приложения сил, особенно на земельном участке. И если крестьянин имел возможность отдыха в воскресенье и праздники, то для пастыря они являлись днями самого напряженного труда. Это службы в приходском храме, требы. И в дождь, и в распутицу, и в зной шел священник к своей пастве: шел и крестным ходом, с молебном во время эпидемий и стихийных бедствий, шел с причастием и напутственным словом.

Материальное положение духовенства не раз обсуждалось на страницах «Орловских епархиальных ведомостей». Писалось о материальной нужде, которую приходилось испытывать духовенству, главным образом, сельскому. Положение его неразрывно связано с материальным бытом деревни. Сельское духовенство, за немногим исключением, не обеспечивалось ни казенными домами, ни капиталами причта и, хотя оно имело землю [например, сельские священники Трубчевского уезда имели около 30-ти десятин земли (ОДФ.81, оп.2, д.24, л.18)], но жило исключительно доходами с прихода. Бедность крестьян отражалась и на доходе причта.

Особую нужду испытывали нижние члены причта: дьяконы и псаломщики. Жалования, получаемого от церковного служения, не хватало. «Забитые и убогие псаломщики, обличенные в какие-то «спиньжаки», в «личных» сапожищах, никогда

не выдавших галош, с хмурыми и смиренными лицами, с рабочими, мозолистыми руками...», – это впечатление одного из участников благочиннического съезда, опубликованные на страницах «Орловских епархиальных новостей» (*Орловские епархиальные ведомости*. – 1905. □ – №10 – С. 290).

Некоторые низшие члены причта, имея многочисленные семьи, вынуждены были идти подрабатывать чернорабочими, сторожами. И не редки были случаи, когда они вынуждены были забирать своих детей из учебных заведений по причине бедности (*Орловские епархиальные ведомости*. – 1910. – № 30. – С. 777-778).

Священник, как правило, всю жизнь служил на одном приходе. Он отлично знал своих прихожан и их нужды. Более пятидесяти лет прослужил на одном месте протоиерей Успенской церкви села Литовни Севского уезда о. Стефан Комягинский. Сам он из семьи бедного сельского причетника – Павла Комягинского, служившего псаломщиком в церкви села Дурневе-Карпове Мценского уезда. Семья едва сводила концы с концами, занималась земледельческим трудом. Но, несмотря на мизерные доходы, отец выкраивал из своего нищенского бюджета копейки, чтобы дать образование своим детям. После окончания курса семинарии о. Стефан вместе с молодой женой недолго служил в селе Сергиевском Мценского уезда, а затем, после постигшего его вдовства, был переведен в село Литовню Севского уезда. В этом приходе о. Стефан нес пастырское служение более 50-ти лет, вместе со своими прихожанами преодолевая все трудности бедной сельской жизни.

Служение пастыря являлось подвигом. Священник, особенно сельский, был едва ли не единственным просветителем в своей местности. Деятельность его, по большей части, была направлена на борьбу с суевериями, пьянством, сектантством.

Примером может служить просветительская деятельность Иоанна Семеновича Свиридова – молодого священника Рождество-Богородицкой церкви с. Вельяминова Карачевского уезда. Отец Иоанн Свиридов – сын священника, окончил курс Орлов-

ской духовной семинарии по второму разряду, служил псаломщиком в Кромском уезде, а с 1903 г. рукоположен в сан священника Рождество-Богородицкой церкви с. Вельяминова Карачевского уезда (*ОДФ.247, оп.1, д. 148, л. 142-об-143*).

В этом селе издавна существовала секта скопцов. Священник при содействии причта – дьякона Петра Алексеевича Семова, псаломщика Филарета Михайловича Высотского – по воскресным и выходным дням в приходском храме за литургией и после вечери произносил поучения. В здании одно-классной церковно-приходской школы, построенной в 1902-1903 гг. на средства крестьян, Уездного отделения епархиального училищного совета и Петропавловского братства, сверх уроков по должности законоучителя, давал устные уроки Закона Божьего для неграмотных девочек, устраивал вне-богослужебные чтения, за церковный счет выписывал журналы, литературу для прихожан (в 1910 г. в церковной библиотеке числилось 30 томов книг, предназначенных для чтения (*ОДФ.247, оп.1, д. 148, л. 141-об*)). В храме, под управлением учителя церковно-приходской школы, им был организован церковный хор из взрослых и детей (*Орловские епархиальные ведомости. – 1905. – №13. – С. 395*).

Примеры того, как священники открывали школы для детей и обучали их грамоте, многочисленны. В селе Вщиж Овстугской волости священником Василием Митропольским в конце 19 века было открыто одноклассное училище, где обучались 40 крестьянских детей. Для училища было устроено специальное здание, оборудованы столы и скамьи. Крестьяне села помогали школе дровами для отопления, оплачивали сторожа и выделяли по 15 копеек. Но число учеников росло, а средств на содержание школы и учителей не хватало. Поэтому сам отец Василий и крестьяне выступили в 1886 г. с ходатайством в Брянскую земскую управу с просьбой о выделении им ассигнований 150 руб. – суммы необходимой для найма учителя и покупки учебников. (*ОДФ.4, оп.1, д.2, т.2, л. 255-256*).

В 1891 г. при церкви с. Петрово Карачевского уезда была организована церковно-приходская школа. Заведовал школой и

преподавал Законы Божьи священник Тихон Святский. За 10 лет существования школу окончили со свидетельствами и похвальными листами 54 ученика. Само здание находилось вблизи храма – в длину 24 аршина, две половины, сени, крыша покрыта железом. Отопление и освещение проводилось за счет местных жителей. В 1907 г. с увеличением количества учеников до 100 человек, встал вопрос об учителях. Было решено передать церковно-приходскую школу в ведение Карачевского земства (ОДФ.538, оп. 2, д.521).

Пастырь являлся не только врачом душ, но и за отсутствием врачей лекарем телесным. Например, священник села Зноби Трубчевского уезда Сергей Азбукин в письме в Земскую управу писал: *«... Если словом, то я всякому больному всегда даю советы полезные для его здоровья: рекомендую медикаменты и свои даю, вроде вот таких: мази, нашатырного и камфорного спирта, ..., касторового масла, лаврового листа, соды и проч...»* (ОДФ.81, оп.2, д.48. л. 23).

В декабре 1885 г. Трубчевская земская управа выступила перед приходскими священниками с просьбой на случай эпидемии принять на себя звание Санитарного попечителя. Многие священники откликнулись на эту просьбу. *«Имею честь заявить, – писал священник села Денисова Алексей Введенский, – что я с истинным сочувствием принимаю на себя звание санитарного попечителя и считаю обязанностью, в случае появления эпидемии, подать первоначальную помощь заболевшему...»* (ОДФ.81, оп.2, д.48, л.14-14-об).

Основной заботой священника являлся храм, многие стояли у истоков основания своих обителей. Одним из таких был настоятель Преображенской церкви при Брянском рельсопрокатном заводе священник Николай Петрович Бархатов. «Потомственный» священнослужитель – его отец был дьяконом с. Дятково Брянского уезда. После окончания Орловской семинарии Николай Петрович преподавал Закон Божий в народной школе с. Дятково, затем – греческий язык в Орловском духовном училище, там же занимал должность библиотекаря,

надзирателя за учениками, являлся членом ревизионного комитета. За усердную службу не раз повышался в чинах и награждался. В августе 1882 г. Николай Петрович Бархатов был рукоположен в священники церкви имени Преображения Господня Брянского рельсопрокатного завода. Церковь при заводе возникает вместе с его избранием от общества служащих завода своим приходским священником. Отец Николай начал свое пастырское служение во временном храме, но 12 декабря 1882 г. во время заупокойной литургии храм этот сгорел. 23 декабря этого же года на его месте возник новый храм, более просторный, деревянный, устроенный в виде креста. Служение в храме Отец Николай совмещал с преподаванием Закона Божьего в существующей при заводе школе. По словам современников, он отличался не только усердием и ревностным исполнением своих обязанностей, но и прекрасными личными качествами, чем снискал любовь и расположение всего населения прихода. Непродолжительно было пастырское служение отца Николая – он умер в возрасте 35 лет от тяжелых болезней (*Орловские епархиальные ведомости*. – 188. – №4. – С.199-211).

Ныне пришло время вспомнить благородный пастырский путь сельских священников, их труды, их подвиги, засвидетельствовавшие любовь к Богу, народу и Церкви.

**Церковно-приходские летописи
конца XIX – начала XX в.
в Государственном
архиве Брянской области**

История церковно-приходского летописания в общероссийском масштабе берет своё начало в марте 1792 года, когда по инициативе обер-прокурора Синода А.И. Мусина-Пушкина и Екатерины II Святейшим Правительствующим Синодом принимается Указ о поощрении современных летописцев (*Алфавитный указатель действующих и руководящих канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Синода (1721-1895 гг. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного вероисповедания* / сост. С.В. Калашиников. 2-е изд. – Харьков, 1896. – С. 138 (№524). Однако, вероятнее всего, в большинстве епархий этот Указ не привел к составлению в массовом порядке летописей церквей и монастырей.

Настоящий подъем переживают приходские летописцы, начиная с 60-х гг. XIX в. – времени значительных перемен в российской истории, затронувших и жизнь Церкви. При духовных консисториях по указу Синода от 19 января 1864 г. открываются архивные комиссии, а по указу от 19 января 1868 г. епархии обязывают составлять свои исторические и статистические описания (*Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867-1895 гг. / собрал и издал А. Завьялов. – СПб., 1896*). Опубликован был и подробный проект летописного плана. Надо отметить, что вариантов Правил ведения церковно-приходских летописей было несколько. В архиве отложились «Наставления о порядке ведения церковных летописей» за 1893 год (*ОДФ 543, оп.1. д. 69, л.1-2*). Все варианты сводятся к следующей структуре: два крупных раздела: историческая часть

(описание и история храма и прихода) и текущая часть (где предполагалось сообщать все возможные сведения о церкви, о священно- и церковнослужителях, о приходе и прихожанах, о знаменательных явлениях и событиях в местной природе и жизни). Был так же определен круг источников, которые могли служить для составления летописей: древние церковные и фамильные документы, рукописи, дарственные записи на земельные угодья, планы, акты, хранящиеся в церковных архивах, устные сказания старожилов, народные предания, археологические памятники (курганы, насыпи, пр.).

Видимо, озабоченность порядком ведения летописей привела к появлению в декабре 1915 г. специального определения о необходимости регулярного ведения летописей по всем церквям (*Орловские Епархиальные ведомости. №28-29. 17 июля 1916 г. С. 632-636*): *«Эти летописи необходимы и имеют полезное значение, как для самих приходов, так впоследствии и для церковной истории. Пастырь, зная историю своего прихода за многие десятки лет, может наглядно проследить, как образовывался и возрастал его приход, как протекала в нем жизнь прихожан, какие существовали обычаи, нравы, происходили события, что способствовало религиозно-нравственному состоянию прихода и, наоборот, что ухудшало его благосостояние. Таким образом, священник приобретает опыт для дальнейшего благотворного пастырского служения...»* (Там же. С. 632).

Территориально настоящее исследование ограничено рамками тех уездов современной Брянской области, которые входили в состав Орловской губернии (соответственно Орловской епархии) и строится на анализе церковно-приходских летописей, выявленных в архивохранилищах и научной библиотеке Государственного архива Брянской области: (названия приведены по описям): «Описание церквей и приходов Трубчевского уезда» 1900 г., «Летописи церквей г. Севска и Севского уезда» (летописи церквей Севского уезда имеются и в черновом варианте) 1890-1903 гг.; эти рукописные документы перепечатаны и в ближайшее время будут изданы; ротапринтные копии –

«Церкви и приходы г. Брянска и Брянского уезда» и «Церкви и приходы Карачевского уезда» 1905 г. Анализ летописей позволяет говорить о них как о кратком историко-статистическом описании церквей и приходов Орловской епархии. Эти сведения были подготовлены причтами согласно специальной программы (*ОДФ 247, оп.1, д.223, л.120*), вероятно для издания «Исторического описания церквей и монастырей Орловской епархии» (Орел, 1905). Особо следует выделить церковную летопись церкви Покрова Пресвятой Богородицы с. Ивот Брянского уезда, составленную в 1903 г. по всем правилам ведения летописей. Все сведения в летописи подразделяются на 12 разделов: местность, приход, храм, причт, т.д. Сама книга для ведения летописей была подготовлена типографским способом, а заполнена уже от руки, вероятно, членами причта. (*ОДФ 543, оп.1, д. 166*).

В архиве так же имеются другие виды летописей: церковные летописи церквей – Собора Покрова Пресвятой Богородицы г. Брянска [1895-1901 гг.], и Преображения Господня, что на Владычных гробах г. Брянска [1917 г.], и последняя, самая ранняя, хранящаяся в архиве – «Историческое обозрение общежительной мужской Брянской Бело-бережской пустыни», датирована 1862 годом.

В данной работе рассматриваются только сельские церковные летописи.

Что представляют собой церковно-приходские (или церковные) летописи второй половины XIX – начала XX века? Как правило, церковные летописи состоят из двух разделов – исторического и повременного, "летописи текущей жизни". В исторической части обыкновенно содержится информация о местонахождении села, история церкви (строительство, освящение, последующие перестройки) и её причта, а также по истории приходской округи (села и приписных к нему в церковном отношении деревень). В повременном разделе сообщается как о повседневной жизни прихожан и причта, так и о замечательных явлениях в приходской местности. В нём обычно фиксировались бытовые подробности существования причта и его паствы, ре-

лигиозно-нравственная практика прихожан, неординарные явления природы (засуха, град, ураган и т. д.), урожаи, пожары, эпидемии, статистические данные по приходу за текущий год.

Практически все церковно-приходские летописи касаются истории возникновения села и местной церкви. Так, составитель летописи села Девять-Дубов Карачевского уезда, ссылаясь на предание, утверждает, что *"это село считается древнейшим из сел Карачевского уезда и даже древнее самого города Карачева [1147 г. первое упоминание в летописи]. Из церковной летописи видно и почему село носит такое название. Там говорится, что на самой середине села Девяти-Дубов, около дома крестьянина Фомина и колодца, на громадном дубовом пне росли когда-то девять дубов-отростков. ...На месте нахождения села в царствование Императора Петра Великого были непроходимые леса и болота; а в самой густой части леса было девять-дубов – отростков от одного дубового пня, которые срослись так тесно между собою, что представляли удобное место для укрывательства известного разбойника «Соловья», который из своего убежища со своей шайкой разбойников три раза нападал на Одринский [Николаевский] монастырь и предавал его огню и разграблению. На настоящем своем месте село... переживает уже второй период своего исторического существования. Более полутора столетия тому назад оно находилось на другом месте, отстоящем от нынешнего на расстоянии двухсот верст. Перемещение села произошло вследствие пожара в старом селе... Пожар этот был в 40 годах 18 столетия.... Из межевой книги и плана на церковную землю, составленных в царствование Екатерины Великой в 1780 году, видно, что новое село носило название «Бугодоц», Девять Дубов тоже...»* (Церкви и приходы Карачевского уезда. «Исторического описания церквей и монастырей Орловской епархии» Т.1, Орел, 1905. С.370).

Правда, нередко встречаются записи священников об отсутствии у них сведений об основании прихода и первоначальной церкви. Емко об этом свидетельствует летопись церкви с.

Литиж Севского уезда: " *Название села Литиж, а ровно и приход ее, древние и от чего это название произошло не известно, так как не сохранилось никаких местных преданий...*» (ОДФ 247, оп.1, д.223, л.120.).

Исторические разделы многих сельских церковно-приходских летописей могут служить ценным источником по топонимике деревни, ибо включают информацию о происхождении названия сел и деревень. Как правило, в церковных летописях содержатся образцы народной этимологии, поскольку священники-летописцы фиксировали главным образом народные предания и легенды о названиях сельских поселений. «*Село Оболмасово, Спасское тожъ [Карачевского уезда], свое название, как говорит народное предание, ..., получило от имени татарского военначальника «Оболма», который во время татарских набегов на Россию, со своим отрядом первый здесь поселился и проживал некоторое время...* (Церкви и приходы Карачевского уезда. «*Историческое описание церквей и монастырей Орловской епархии*». Т.1. – Орел, 1905. – С. 377). Своё название село Грязевец Трубчевского уезда получило, вероятно, от топких болот и особенной грязи в ненастное время (ОДФ 248, оп.1, д.316). А по местному преданию живописная местность, а также свободная жизнь населения, не знавшего крепостной зависимости, послужили поводом назвать село Любожичи того же уезда (любо, т.е., хорошо жить) (ОДФ 248, оп.1, д.316).

Сельские церковно-приходские летописи, авторами-составителями которых были приходские священнослужители, отражали сведения по истории прихода, которые, как правило, часто носили легендарный характер (особенно в первоначальный период), ибо основывались, прежде всего, на местных преданиях. Летописец села Борщева Севского уезда, ссылаясь на древние сохранившиеся записи так описывает историю возникновения прихода: «... *В правление русского великого князя сговороки (то есть оботники) на диких пчел во многом количестве водившихся сосновых дуплах описываемой местности при реке Гбени на поляне в траве борщъ обрели образ Свят. Николая, и*

соорудили на месте явления часовню, а в ней поставили обретенную икону, куда вскоре во множестве потекли верующие и получая разного рода утешения и исцеления от болезней проносили свои посильные приношения и жертвы на каковые по прошествии многих лет сооружены церковь и все монастырские службы, появились монахи под управлением настоятеля именуемого Строителем, и положено основание монастырю, который в последствии стал называться Борщовская Николаевская Пустынь...». Монастырь разрушался поляками, татарами, но был восстановлен и существовал до 1767 года. В этом году монастырь упразднили, а монахи перешли в Площанскую пустынь, но монастырская церковь и икона Св. Николая остались в пользование бывших монастырских крестьян, которые и положили начало селу Борщево (ОДФ.249, оп.1, д.247, л.100-об).

Наиболее полно в исторических разделах сельских церковных летописей представлена история современного ("нынешнего") для составителей летописей храма. Это обусловлено во многом тем, что, как правило, речь идет о каменных храмах, построенных во второй половине XVIII или в первой половине XIX века, и к моменту написания исторических частей летописей сохранились как документы церковного архива, так и устные предания о времени и обстоятельствах основания "нынешней церкви".

Так, «храм в с. Алешанка Трубчевского уезда каменный во имя Архистратига Михаила, построен в 1818 г. на средства прихожан. В народе хранится предание, что лет за восемь до основания церкви, через деревню Алешанку проезжал император Александр I. Заметив около деревни высокую и широкую гору, Государь сказал собравшимся крестьянам, что на этой горе нужно бы построить храм. Крестьяне дали обещание, и на свои средства воздвигли вскоре каменный храм» (ОДФ. 248, оп.1, д. 316).

Обстоятельно описывается история постройки церкви с. Барышье Брянского уезда. Священник делает ссылку на церковные ведомости 1831 года, в которых значится, что «Космодемь-

янская церковь с. Барышье с приделом св. Алексея Митрополита Московского, зданием деревянная, с таковою же колокольней, крышей и фундаментом, построенная в 1774 году приходским помещиком Петром Афанасьевичем Бахтиным, пришла в ветхость. Вместо этой обветшалой церкви, деревянной, помещиком Михаилом Петровичем Бахтиным построен был в селе ... в 1829-34 гг. новый храм, каменный во имя свв. Безсеребренников и Чудотворцев Космы и Доминана. По сохранившемуся местному преданию, помещик этот сначала притеснял местного священника и не радел о храме Божьем. Когда с. Барышье посетил Преосвященный Никодим, то помещик, чтобы предупредить или смягчить возможный упрек со стороны Преосвященного, обратился к нему с просьбой – разрешить ему подвести под храм каменный фундамент. «Неудобно ветхий храм возводить на каменный фундамент тому, у кого находятся каменные сараи для животных»... – строго заметил Владыка. Бахтин выразил желание построить новый храм, каменный, который и был освящен в 1834 году...» (Церкви и приходы г. Брянска и Брянского уезда. Ротапринтное воспроизведение издания «Историческое описание церквей и монастырей Орловской епархии». Т.1. – Орел, 1905. – С. 30).

Многие храмы имели свои месточтимые святыни. Храм во имя св. Архистратига Михаила в с. Кокоревке Трубчевского уезда имел особо почитаемую у прихожан икону Божьей Матери, именуемую "Страстною". Известны два случая в жизни прихода, когда Пресвятая Богородица видимо оказала народу Свою помощь: в самом селе во время молебна перед иконою Богоматери, сильный дождь потушил лесной пожар, угрожавший истреблением всего села, а в деревне Тарасовой Гуте крестьяне избавлены были, по молитвам Богоматери, от появившегося на их полях червя, угрожавшего посевам (ОДФ. 248, оп.1, д. 316). Жителями села Пятницкое Карачевского уезда особо почиталась икона Мученицы Параскевы. Об этой иконе предание говорит, что это единственная икона, уцелевшая каким-то образом от пожара деревянной церкви и найденная после вдали от пожари-

ща в крапиве (на том месте построили позже каменный храм) *(Церкви и приходы Карачевского уезда. «Историческое описание церквей и монастырей Орловской епархии». Т.1. – Орел, 1905. – С. 381)*. В церкви села Гавриловское Карачевского уезда имелась особо чтимая Балыкинская икона Божьей Матери, список с фамильной иконы господ Коломниных, по семейному преданию, копированной с подлинной в селе Балыках и привезенной их предком – Силою Коломниным, бывшим в начале XVII столетия воеводой Стародубским и Трубчевским. В день чествования Балыкинской иконы Божией Матери, 23 июня, в селе Гавриловском собиралось от 2 до 4 тысяч паломников *(Церкви и приходы Карачевского уезда. «Историческое описание церквей и монастырей Орловской епархии». Т.1. – Орел, 1905. – С. 396)*.

Описывается в летописях внутреннее убранство и богатство сельских церквей. Например, в церкви с. Плюсково Трубчевского уезда имелся серебряный-вызолоченный сосуд, украшенный финифтью и бирюзью, весом с полным прибором 5 $\frac{1}{4}$ фунтов. Если верить преданию, этот сосуд, будто бы был слит из кубка, подаренного Петром Великим одному плюсковскому крестьянину; но при каких обстоятельствах совершился этот царский подарок, предание ничего не говорит.

В летописях описывались и чудесные явления. Церковная летопись села Саранчина Севского уезда содержит такую легенду: *«Из икон достойна замечания икона Спасителя, в фольговой ризе и обыкновенном столярном киоте, за стеклом, обновившаяся в избе крестьянина Родиона Кислова днем 12 июня 1889 г... Лет за десять перед этим, означенный крестьянин купил в г. Севске у монахини две иконы – Спасителя и Божией Матери, в одинаковых фольговых ризах и киотах. С течением времени стекла в киотах разбились и лики икон с ризами при курной топке избы, затемнились; при случае стекла в киоте были вставлены. Все это было общеизвестно. В вышеозначенный день, приблизительно в 2 часа дня, хозяин – старик, лежавший на печи, заместил брызги воды на стекле иконы и от них на столе. Предполагая в этом какую-либо шаловливую, не-*

осторожную случайность, он забрался на бывших в избе, недалеко от стола, внуков и... послал внука Иосифа на потолок избы посмотреть – нет ли там какой шалости. Убедившись, что нет никого и нечего, старик, не придав явлению водяных капель на иконе и столе особого значения, успокоился. Через несколько минут опять брызги на икону и от нея на стол. Сидевшие около стола сын хозяина и крестьянин сельца Никитского, Андрей Шкачев, увидев это, изумились и обратили свои взоры на икону. И вот, на глазах их, икона за стеклом стала светиться и фольговая риза также. В несколько минут, так что смотревшие не пришли еще в себя от изумления, лик иконы, ризы и сам киот стали чисты и светлы, так, как будто сейчас вышли из рук мастера». Эта икона была перенесена в церковь (ОДФ 249, оп.1. д. 247).

Все священники в конце своих обзоров приводят сведения о прихожанах: их число, к какому сословию относятся, чем занимаются, наличие школ и общественных заведений.

Почему такие ценные материалы канули в небытие? Можно предположить следующее: летописи находились в церковных архивах и библиотеках, которые с закрытием храмов после 1917 года частично уничтожались, частично растаскивались. Властей интересовали, прежде всего, метрические книги. Это и понятно: данные о рождении, бракосочетании или смерти гражданина являются насущной необходимостью в работе государственного аппарата. Церковные летописи в большинстве своем были утрачены, и только некоторые, среди остатков документальных собраний того или иного храма, оказались на полках архивохранилища.

В.А. Снытко,
*кандидат исторических наук,
доцент Брянского
государственного университета
им. академика И.Г. Петровского*

Культурная жизнь Красногорского района в 1943-1963 годах

28 сентября 1943-го года Красная Гора была освобождена от немецко-фашистских захватчиков, последней из 65-ти рай-центров Орловской области. Перед жителями края в первую очередь встала задача скорейшего восстановления разрушенных войной колхозов, машинно-тракторных станций, предприятий местной промышленности, дорог и мостов, линий связи, коммунального хозяйства и жилья.

Восстановить разрушенное оказалось весьма непросто, поскольку война оставила после себя поистине страшный след. К примеру, в районе было уничтожено 949 общественных построек, в том числе в Красной Горе – Дом Советов, больница, почта и радиоузел, а весь материальный ущерб оценивался в огромную сумму – 175 миллионов рублей.

Культура и образование также понесли немалые потери. Сильно пострадало здание Дома культуры, кроме того, в населенных пунктах района фашистами было уничтожено 5 клубов, 28 школ, 9 библиотек, 25 изб-читален.

Но война ушла на запад, и население края постепенно возвращалось к мирной жизни. По данным на 5 июля 1944 года в Красногорском районе, теперь вошедшем в состав образовавшейся Брянской области, насчитывалось 43,5 тыс. жителей, 125 населенных пунктов и 28 сельских советов.

Указанный в заголовке период определяется двумя важными датами в истории района: освобождением его от немецко-фашистских захватчиков и последующим расформированием в

1963 году в связи с проводимыми в стране реформами системы управления и административно-территориального деления.

Этот период в свою очередь распадается на два этапа, границей между которыми является XX съезд КПСС (1956). Первый этап – трудное послевоенное пятилетие и начало 50-х годов – характеризуется особой ролью художественной культуры, которая должна была прежде всего подчеркивать позитивные явления в истории и современности Советской страны, воспевать ее достижения во всех сферах общественной жизни, формировать у граждан разных возрастов твердую уверенность в завтрашнем дне.

Второй этап – от XX съезда КПСС до начала 60-х годов – этап, связанный с реформами Н.С. Хрущева, характеризовался весьма противоречивыми тенденциями в области культуры, поиском новых путей ее развития в различных сферах, и прежде всего в системе народного образования.

Источниками исследования указанной темы являются, во-первых, протоколы сессий Красногорского районного совета депутатов трудящихся, в частности, за 1944-1947 годы. Эти документы хранятся в Государственном архиве Брянской области [1]. Во-вторых, большой интерес представляют книги приказов по районному отделу культурно-просветительной работы (затем отделу культуры) за 1945-1963 годы. В-третьих, это материалы Красногорской районной газеты «Путь Ленина» 40-60-х годов, хотя следует признать, что статей и заметок по данной теме на ее страницах немного.

Используются и некоторые документы, собранные в школьных краеведческих музеях района, а также работы местных историков-краеведов. В ряду таких работ следует отметить двухтомник Л.М. Выкочко «Как это было», посвященный развитию народного образования в западных районах Брянской области [2]. Особое внимание автор, заслуженный учитель Российской Федерации, долгие годы работавший директором Красногорской средней школы (ныне СОШ №1), уделяет истории данного учебного заведения.

Наконец, вопросы развития народного образования в Красногорском районе рассматривались и на научно-практических конференциях, проводимых в последние годы Новозыбковским филиалом Брянского государственного университета [3]. Сегодня в глубоком освещении нуждаются вопросы, связанные с развитием библиотечного дела, журналистики, клубной работы, в том числе художественной самодеятельности, а также книготорговли.

Разумеется, многое в решении сложных проблем культурной жизни края данного периода зависело от деятельности местных партийных, советских и профсоюзных организаций. Из перечисленных выше источников следует, что руководители Красногорского района в 40-е годы – Михаил Васильевич Конопалов (первый секретарь райкома ВКП(б)) и Тимофей Степанович Кондратов (председатель райисполкома) – постоянно уделяли внимание вопросам культуры. Проблемы ее развития часто рассматривались на сессиях районного совета. Так, X сессия на заседании 19 августа 1945 года обстоятельно изучала вопрос о ходе строительства в селах района культурно-бытовых зданий. Для скорейшего ввода их в эксплуатацию колхозам было рекомендовано создать постоянные строительные бригады из плотников, столяров, каменщиков, печников и подсобных рабочих; при этом в небольших хозяйствах допускалось создание межколхозных строительных бригад. Трудодни предлагалось оплачивать строителям так же, как и сельхозработам.

26 июня 1946 года на XIII сессии была создана культурно-просветительская комиссия при райсовете во главе с Иваном Михайловичем Мельниковым. Членами комиссии утверждены Е.Н. Байдак, Х.И. Белоус, М.В. Севрюк, К.Т. Королева, И.М. Подвойский.

На сессиях райсовета в первую очередь рассматривались проблемы развития народного образования. Ставились задачи улучшения материального снабжения школ, повышения квалификации учителей, совершенствования преподавания учебных дисциплин. В 40-е годы в районе функционировали 52 школы, в

том числе три средних (Красная Гора, Колюды, Заборье), 16 семилетних и 33 начальных. В Красногорской школе насчитывалось 819 учащихся, в Колюдовской – 842, в Заборской – 771. Всего же в районе обучалось 10157 детей. Важную роль в организации народного образования играли заведующий районо В.И. Марченко, директора школ А.А. Макаренко (Красногорская средняя), П.Ф. Сельченко (Батуровская семилетняя) и другие.

На традиционном совещании учителей в январе 1948 года главным вопросом было состояние патриотического воспитания учащихся. В выступлениях отмечались успехи педагогов Красногорской средней школы А.И. Станкевич, Е.В. Байдак, М.Т. Цегельниковой – все они к тому же работали без неуспевающих и добивались высокого качества знаний учащихся.

В районе эффективно действовала система КМО (кустовых методических объединений), включавших в себя среднюю и окрестные семилетние и начальные школы, часто на местах проводились курсы повышения квалификации. Ведь учителю в то время нелегко было поехать из отдаленного района в Брянск, Новозыбков или Сураж, чтобы изучать там передовой педагогический опыт. Курсы организовывались в основном при Красногорской средней школе. Учителя сельских школ могли регулярно знакомиться с работой лучших педагогов единственной в то время школы райцентра. Здесь три раза в неделю выходила стенгазета «За учебу», где публиковались заметки об известных писателях, ученых, исторических деятелях, о лучших учениках школы. Это были В. Долгий, Г. Деменок, О. Пронин, К. Борисенко, Я. Подвойская, М. Сенчик. О них рассказывал на страницах районной газеты работавший в то время завучем школы Леонид Минович Выкочко.

Наряду с задачами развития системы школьного образования, большое внимание в районе уделялось в этот период культурно-просветительной работе, кинофикации, радиофикации, библиотечному делу, организации художественной самодеятельности. Работу эту возглавлял отдел культурно-

просветительной работы, который на протяжении десяти послевоенных лет возглавлял Степан Павлович Подвойский. Он внес большой личный вклад в решение вопросов, связанных с восстановлением объектов культуры, разрушенных в годы войны. Участник Великой Отечественной войны, человек принципиальный, строгий, требовательный, С.П. Подвойский руководил отделом вполне в духе строгого времени. Инспекторами райотдела в 40-е – 50-е годы работали Иван Иванович Запечский, Ольга Яковлевна Дробкова, Лидия Павловна Лапина, Ульяна Филипповна Ушакова, а в начале 60-х годов – Константин Яковлевич Коленченко.

Задачи перед культурными учреждениями ставились весьма сложные. Это идейно-политическая работа, пропаганда решений партийных и государственных органов, воспитание населения на революционных, боевых и трудовых традициях, распространение передового опыта в сельском хозяйстве. Центрами культурно-просветительной работы в Красной Горе и на местах – в селах, деревнях и крупных поселках – были, помимо школ, районный Дом культуры, сельские клубы, избы-читальни, библиотеки.

С.П. Подвойский уделял главное внимание подбору и расстановке кадров, которых, естественно, в районе не хватало. Нередко избы-читальни и сельские библиотеки возглавляли работники, имевшие образование семь-восемь классов. Одной из форм подготовки кадров стали районные совещания и семинары, которые регулярно проводились в райцентре. Однако доехать и до Красной Горы было в те годы непросто, неявка же на такие мероприятия вполне могла стать основанием для увольнения работника. Сурово наказывались также несвоевременное предоставление отчета о проведенных мероприятиях, отсутствие плана по повышению идейно-политического уровня. Приказы о снятии с занимаемых должностей заведующих сельскими клубами, библиотеками, избами-читальнями, о разного рода взысканиях (выговорах, предупреждениях, занесениях взысканий в личное дело) в конце 40 – начале 50-х годов появлялись почти

еженедельно. Обычно руководители культурно-просветительных учреждений назначались с месячным испытательным сроком, и далеко не каждый мог его успешно выдержать. Нередко культработники уезжали на учебу, уходили в другие организации, увольняясь по собственному желанию. Разумеется, текучесть кадров создавала немало проблем в организации культурно-просветительной работы. Не случайно в приказах постоянно отмечались недостатки в работе изб-читален в Барсуках, Ларневске, Летахах, Макаричах, Медведях, Ширках. Но в то же время с положительной стороны характеризовалась работа изб-читален в селах Заборье, Перелазы, Фошное.

В 1953 году отдел культурно-просветительной работы был реорганизован в районный отдел культуры. 14 июня 1954 года его возглавил Александр Степанович Пархацкий, руководивший прежде Лотаковским сельским клубом, а затем и Красногорским РДК. Работали при отделе культуры и внештатные инспектора.

20 марта 1957 года отдел возглавил Г.А. Подвойский, а после ухода его 1 декабря 1957 года с должности обязанности заведующего исполнял зам. зав. отделом Петр Никифорович Горянин, заведующим же вскоре был назначен Иван Николаевич Мамочкин. С октября 1959 года по 1963 год отдел возглавлял Филипп Андреевич Герасименко. Таким образом, частая смена руководителей отдела вполне соответствовала духу времени.

Большое значение в культурной жизни края имело открытие уже в июне 1944 года, после ремонта, районного Дома культуры. Он, как и прежде, размещался в красивейшем здании Красной Горы, где до революции находилось волостное правление.

Руководители РДК также постоянно менялись. В 40-е годы это были П.И. Шевцов, И.П. Хандожко, В.Я. Комадынко, А.К. Хламов, А.Ф. Хандожко. Художественными руководителями работали П.И. Шевцов, И.С. Сковпень, Н.Г. Ермакова. Зрительный зал, рассчитанный на 140 мест, не мог вместить всех

желающих, да и другие помещения РДК нередко заполнялись любителями игры в домино. Но роль этого учреждения в культурно-массовой работе была весьма велика.

В 50-е годы Домом культуры руководили Иван Романович Поленок, Мария Тихоновна Рожкова, Александр Степанович Пархацкий, Леонид Васильевич Курочко, Пелагея Сергеевна Ушакова, Захар Михайлович Стельмах, Николай Иванович Свириденко, Николай Павлович Хандожко, в 60-е годы – Клавдия Тимофеевна Долгая, Аркадий Кузьмич Снытко. Руководителем художественной самодеятельности при РДК работала в конце 40 – начале 50-х годов Мария Семеновна Подвойская. Существовала и должность инструктора. В 1960 году было создано также правление РДК в количестве 15 человек в целях вовлечения широкой общественности в работу учреждения. В 1960 году в РДК организуется духовой оркестр под руководством Бориса Николаевича Ерошкина. Работают также танцевальный и драматический кружки.

После освобождения от немецко-фашистских захватчиков сеть учреждений культуры в районе постоянно росла, и они вскоре стали функционировать в Верхличах, Кибирщине, Любовшо, Ширках и других населенных пунктах. 27 мая 1948 года начинается строительство нового здания клуба в селе Колюды. Во второй половине 50-х годов клубы работали и в таких небольших населенных пунктах, как Вяжновка, Барсуки, Дубрежка. В 1962 году был открыт клуб в Михалевке.

Большое значение в Красногорском районе придавалось киноискусству. Ведь патриотическое воспитание населения на примерах революционных, боевых и трудовых традиций – главная задача кинопроката этих лет. Уже 18 июля 1944 года в Красной Горе состоялась демонстрация кинофильма «Радуга», снятого по одноименному произведению Ванды Василевской.

Для регулярной демонстрации фильмов в Красной Горе в апреле 1945 года создается районный отдел кинофикации, который возглавляли поочередно Голофаст и Синявская. 8 августа 1947 года директором Красногорского кинотеатра был назначен

Семен Алексеевич Хандожко, прошедший предварительно стажировку в Клинцах. Большие требования предъявлялись к киномеханикам, мотористам, контролерам-пожарным, обслуживавшим стационарные и передвижные киноустановки.

В отделе кинофикации работали в 50-е годы Иван Демьянович Козлов, Семен Алексеевич Хандожко, Сергей Герасимович Хандожко.

Разумеется, именно художественные фильмы привлекали больше всего посетителей в районный Дом культуры и сельские клубы. Тематика картин вполне соответствовала духу времени. Вот какой была, к примеру, киноафиша января 1948 года: «Максим Горький», «Волга-Волга», «Как закалялась сталь», «Советские инженеры», «Синегория», «Красный клевер» и некоторые другие. Плохой звук, а зимой к тому же холод в зрительском зале – все это несколько не мешало собирать здесь по вечерам большую аудиторию. Зрители сидели на добавочных стульях, в проходах, а нередко и стояли в течение всего сеанса. Одна из самых популярных кинолент тех лет – фильм «Константин Заслонов». Он неоднократно демонстрировался в селах района, как стационарными установками, так и кинопередвижками.

Отмечалась хорошая работа киномехаников В.И. Ставинова, И.К. Лебедика, И.М. Посканного, Н.И. Мельникова, Н.И. Антипенко, Н.Е. Захарченко, И.С. Лебедько, М.К. Полового, И.С. Глазуна, перевыполнявших план по доходам от кинопоказа. Благодарность в 1956 году объявлялась Петру Филипповичу Антипенко из Сельца.

Имели место и невыполнения планов по кинопоказу, как это случилось в 1953 году. Отдел культуры объяснял это отсутствием должного контроля со стороны руководителя киносети за работой кинопередвижек.

В 1960 году киносеть района имела стационары в Красной Горе, Ширках, Перелазгах и Лотаках, а также передвижные киноустановки в 39 населенных пунктах, в том числе в таких поселках, как Ямонец, Поляны, Рубаны, Михалевка, Александровка, Дубовец, Гущи, Барсуки, Ново-Дрожжинск, Дубрежка и

другие. Обращалось особое внимание на организацию показа детских фильмов с 19 до 20 часов.

В 1961 году план по зрителям был выполнен на 123%, и Красногорский район в итоге занял 6-е место в области. Однако, не каждый год удавалось достигать такого успеха. Так, уже в 1962 году не удалось выполнить планы по сбору средств (98%) и по зрителям (92%).

Большим успехом в районе пользовалось и сценическое искусство. Драматические кружки работали во многих населенных пунктах, причем, нередко на сценах сельских клубов ставились большие и сложные спектакли. В первую очередь, широко пропагандировалась русская классика. Например, интересное мероприятие организуется 14 февраля 1948 года в Верхличском сельском клубе. Учительница Т.И. Веркеева выступила с докладом о творчестве А.С. Пушкина, а затем зрителям была предложена пьеса «Русалка». Роли исполняли заведующий клубом Плотковский, учителя Верхличской школы Наливайко, Хомченко и другие. Успех постановки превзошел все ожидания.

12 апреля 1948 года в Заборском клубе учителями и учащимися средней школы осуществляется постановка пьесы А.Н. Островского «Бедность не порок». В канун нового, 1949 года на сцене РДК с успехом прошла премьера пьесы-сказки С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев»: роли исполняли самодеятельные артисты Дома культуры.

В Морозовском клубе ставилась пьеса «Константин Заслонов». Главную роль играл токарь Ларневской МТС Б. Реук: всего в спектакле участвовало 18 человек. Драматические кружки работали также в Увелье (ставилась пьеса «Деревенские сестренки»), в колхозе «Поляна пятилетки» (Ширки) и других селах. Проводились также вечера, посвященные 100-летию со дня смерти В.Г. Белинского.

Развивалось в районе и песенное искусство. В январе 1947 года руководителю художественной самодеятельности при РДК И.С. Сковпень было предложено организовать хоровой кружок. В период избирательной кампании по выборам в Вер-

ховный Совет РСФСР организовывались концерты художественной самодеятельности, в которых активно участвовали И.С. Сковпень, Г.М. Емельянцев, Д.П. Голиков, П.И. Шевцов, Ф.А. Хандожко и другие. В марте 1947 года был проведен районный смотр художественной самодеятельности. На Красногорском крахмальном заводе также работал хоровой кружок. Его участники выступали не только на сцене РДК, но и приняли участие в областном смотре фольклорных коллективов в Новозыбкове, где заняли первое место. В репертуаре хора преобладали революционные и народные песни.

Для культурного обслуживания колхозников на уборке урожая организовывалась агитационно-художественная группа при РДК под руководством худрука Ивана Григорьевича Гончарова.

В колхозах с января 1961 года создавались агитационно-художественные бригады в составе 7-9 человек. В их состав включались докладчик, гармонист, исполнители песен. Репертуар был рассчитан на полтора – два часа. Регулярно проводились районные смотры таких коллективов.

В сентябре 1953 года за хорошую постановку культмассовой работы на селе и в период уборки урожая объявлялась благодарность работникам сельских клубов: Шаповаленко (Верхличи), Руденко (Лотаки), Жук (Барсуки); и сельских библиотек – Борздун (Верхличи), Жидель (Лотаки), Протасову (Морозовка).

Нередко работа сельских клубов подвергалась резкой критике со стороны районного отдела. Так, например, Заборский клуб в мае 1961 года критиковался за отсутствие кружков, слабую наглядную агитацию, неучастие в районном смотре художественной самодеятельности. Заведующий клубом был освобожден от занимаемой должности.

В начале 50-х годов раскрылся талант Лидии Терентьевны Плотниковой как певицы и организатора. Она руководила колхозным хором в селе Медведи. Хор участвовал в различных конкурсах. За исполнение песни «Туман яром» в городе Клинцы

самодельные артисты были награждены грамотой и баяном. В 1961 году Л.Т. Плотникова была назначена заведующей клубом в селе Ширки, а вскоре она окончила Брянское культурно-просветительное училище по специальности «руководитель народного хора».

В мае 1957 года проводится первый районный фестиваль молодежи. Подобные мероприятия затем стали традиционными. В 60-е годы организовывались и выставки произведений изобразительного искусства. Их готовила специальная комиссия во главе с директором РДК А.Ф. Хандожко и учителем Г.Е. Деменком.

Устраивались и шахматные турниры. Сильные команды по шахматам были в Лотаках (А.И. Мартынов, И.Ф. Грицан, П.Е. Алексеенко) и в Красной Горе (М.И. Долгий, Г.С. Терещенков и другие).

Особое внимание уделялось лекционной пропаганде. С докладами перед населением часто выступали руководители района, учителя средних и семилетних школ. Большим успехом у слушателей пользовались такие лекторы, как завуч Кургановской школы С.И. Глазун и директор Красногорской школы Л.Н. Станкевич. В лекторскую группу входили Мамочкин (Яловка), Зенченко (Увелье), Капустина (Перелазы), Либеров (Лотаки), Сельченко (Батуровка) и другие.

В конце 1943 года была вновь открыта для читателей районная библиотека. Руководили ею Елена Николаевна Емельянцева, с мая 1948 года – Вера Федосовна Выгонная. Затем учреждение возглавляли Надежда Ивановна Сагалаева, Николай Павлович Вернигор, Анна Дмитриевна Борисенко, Антонина Филипповна Агешина. В начале 60-х годов библиотеку возглавляла Ольга Антоновна Петракова.

Библиотекарями работали Александра Васильевна Кругликова, Анна Яковлевна Кругликова, Клавдия Алексеевна Хандожко, Леонид Степанович Запецкий, Ксения Семеновна Деменок, Раиса Федоровна Сысоева и на протяжении многих

лет – Анна Васильевна Долгая, бывшая также заведующей читальным залом.

С первых дней районная библиотека стала одним из важнейших центров культурно-просветительской работы. К началу 1948 года книжный фонд ее составил 3000 экземпляров, а в апреле того же года здесь открылся читальный зал. С новинками художественной литературы стремились познакомить читателей и сами работники библиотеки, и учителя, и журналисты районной газеты. Так, в апреле 1948 года в РДК состоялась читательская конференция по книге Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Собралось более 200 участников. Вначале с докладом выступил заведующий РОНО В.И. Марченко, а затем с творчеством писателя слушателей познакомил учитель русского языка и литературы Красногорской средней школы Н.Г. Язиков. Старшеклассница Т. Гордеенко рассказала о прототипе героя повести – летчике Алексее Маресьеве. На конференции выступали также читатели Попков, Цыбулько, Крупеня, Протасов и другие. Творчество писателя, героическая судьба главного героя повести никого не оставили равнодушным. Читательская конференция состоялась и по роману А.А. Фадеева «Молодая гвардия». Это произведение, измененное автором по указанию Сталина, широко пропагандировалось в районе. Не случайно в обсуждении романа принял участие секретарь РК ВКП(б) Борисенко. Выступили с сообщениями читатели Грак, Цыбулько, Крупеня, Камадынка, Протасова.

Заведующим детским отделением районной библиотеки работал Леонид Степанович Запечкий.

После войны библиотеки и избы-читальни постепенно возобновили свою деятельность во многих населенных пунктах района, причем книжные фонды постоянно пополнялись. Библиотеки работали в 40-е годы в Верхличах, Заборье, Колюдах, Яловке. В 50-е годы они функционировали в Морозовке, Батуровке, Медведях, Ширках, Сельце, Увелье. Избы-читальни работали даже в таких небольших населенных пунктах, как Байлуки, Барсуки, Нижняя Мельница, Александровка, Ново-

Александровка. В 1961 году в районе было 19 сельских библиотек, кроме того, насчитывалось 14 подобных учреждений при сельских клубах. Сотрудники районной и детской библиотек закреплялись за сельскими с целью оказания практической помощи. Работал и передвижной фонд районной библиотеки, которым заведовали в 50-е годы И.Я. Опарина и С. Е. Воронова.

5 октября 1957 года на базе детского отделения районной библиотеки открывается районная детская библиотека, ее заведующей была назначена Евгения Михайловна Некрасова. Библиотекарем здесь долгое время работала Софья Ефимовна Воронова. В этой библиотеке постоянно проводились детские утренники, читательские конференции, театрализованные сказочные представления.

Библиотеки стремились обслуживать практически все читающее население села или деревни. Так, если в Любовшо в 1961 году из 405 дворов читатели были в 331, то в Кургановке из 315 дворов обслуживалось 117. Естественно, что подобная ситуация вызывала резкую критику со стороны районного руководства.

От сельских библиотек требовалось вовлекать в работу общественность села, прежде всего учителей, для чего создавались библиотечные советы, проводилась массовая работа с местными жителями в форме читательских конференций, литературных вечеров, пропагандировалась сельскохозяйственная литература, изучался опыт передовиков сельскохозяйственного производства, осуществлялся подворный обход населения с целью вовлечения всех грамотных в число постоянных читателей.

26 июня 1960 года издается приказ по отделу культуры «Об очищении книжных фондов библиотек района от устаревшей литературы». Этот указ выполнялся медленно, особенно в Яловке, что даже привело к освобождению зав. библиотекой от занимаемой должности.

Заработная плата в учреждениях культуры была небольшой. Так, в 1946 году она составляла у моториста 250 рублей, у контролера – 132 рубля, ученика моториста – 90 рублей. В 1960

году заведующие сельскими клубами имели оклад от 385 до 471 рубля, библиотекари – от 434 до 546 рублей (в зависимости от образования).

С 1 апреля 1962 года все приклубные библиотеки получили статус сельских библиотек. Избы-читальни преобразовываются в филиалы библиотек. Всего таких филиалов насчитывалось 12. В этом же году в новое здание переехала Заборская библиотека. Медведевская изба-читальня преобразована в сельский клуб.

Определенное внимание уделялось в 60-е годы подготовке кадров библиотекарей. Разумеется, работников со специальным образованием насчитывалось немного. В их числе можно назвать А.Ф. Агешину, Е.М. Некрасову, Н.С. Хандожко (районная библиотека), Михаила Ивановича Снытко (Батуровская библиотека).

В указанный период в культурной жизни района особое значение имели районная газета «Путь Ленина» и редакция местного радиовещания. Уже 13 января 1944 года вышел в свет первый после освобождения от оккупантов номер районной газеты. «Путь Ленина» военных лет – еженедельное издание в одну четвертую от современного формата.

Главное внимание в газете уделялось в это время сообщениям с фронта. Часто в ней появлялись статьи о подвигах земляков, о ходе восстановления промышленных предприятий, колхозов, школ, больниц. 1 июня 1945 года газета перешла на большой формат и стала выходить два раза в неделю (в четверг и воскресенье) тиражом в 1800 экземпляров. Редактором газеты в послевоенные годы работал Филипп Андреевич Герасименко.

Конечно, данное издание было в высшей степени политизированным. Но на его страницах нередко публиковались и статьи о новинках художественной литературы, о видных деятелях отечественной культуры. Жаль, что отсутствовала тогда привычная сегодня «Литературная страница», почти не печатались стихи и рассказы местных авторов. Вот почему в последние десятилетия с помощью современной газеты нам пришлось заново

открывать для себя творчество молодого поэта 30-х годов Аркадия Пархацкого и других талантливых земляков.

После XX съезда КПСС «Путь Ленина» стала менее политизированной, даже приобрела некоторые черты литературно-художественной направленности. Появились в ней и материалы на историческую тему. Так, под рубрикой «Сорок лет тому назад» печатались воспоминания участников важнейших событий в жизни страны, статьи о прошлом нашего края (250-летие Клинцов, очерк о колхознике из Кургановки М.Е. Горбачеве и др.). Статьи под рубрикой «У наших соседей» рассказывали о трудовых свершениях жителей Новозыбковского и Гордеевского районов Брянщины, а также Краснопольского, Костюковичского и Чечерского районов Белоруссии.

Первые стихотворения местного автора, учителя Козловской начальной школы А. Половцева, опубликованы накануне 1 мая 1957 года. А 19 февраля 1958 года появилась и первая «Литературная страница». Здесь были подборки произведений местных поэтов, очерки и рассказы.

Стихи в газету присылали И. Белоус (п. Подславушка), М. Выгорко (Батуровка), А. Тринко (Городечня). Печатались также большие художественные произведения, причем вполне в духе времени. Поскольку успехи в исследовании космоса вызывали у читателей неподдельный интерес к научной фантастике, то и «Путь Ленина» напечатала в 1958 году повесть Г. Мартынова «Планетный гость». Публиковались также научно-популярные статьи по астрономии, биологии, физике, медицине, географии. Были и сатирические зарисовки под рубрикой «Не в бровь, а в глаз». Здесь высмеивались браконьеры, виновники потерь урожая, критиковались беспорядки в столовой, в поликлинике, в коммунальном хозяйстве, в торговле.

В 50-е годы коллектив редакции возглавляли В.И. Марченко (1956-1957), А.С. Пирожников (1957-1958), А.С. Балалаев (с декабря 1958 года). В районной газете начал свой творческий путь известный журналист, будущий редактор «Брянского рабочего» Владимир Дмитриевич Мехедов.

С газетой активно сотрудничали также специалисты сельского хозяйства, учителя, работники культуры. Это агроном колхоза имени Сталина (Красная Гора) И. Хандожко, инспектора РОНО И. Подвойский, А. Снытко, М. Ставинов, директор Красногорской средней школы Л. Выкочко, завуч этой же школы С. Святогор, селькоры из Заборья – Я. Толстенок и из Летяхов – А. Главинский. Особенно плодотворно работали И. Питаль и И. Денисов. Присылали заметки и школьники, прежде всего из Заборской школы. А в новогоднем номере накануне 1959 года появились оригинальные рисунки – дружеские шаржи на передовиков производства со стихами в их честь. Постоянно росло число читателей, в 1956 году тираж газеты достиг 2200 экземпляров.

Огромную роль в эти годы играло радиовещание. В июне 1947 года в сельские клубы поступило 10 радиоприемников. В дальнейшем радиофикация района продолжилась; в центре населенных пунктов устанавливались громкоговорители – на протяжении всего дня шла трансляция центральных и областных радиопередач. После XX съезда КПСС их тематика стала более разнообразной.

Шло время. Как известно, в рамках политических преобразований начала 60-х годов в стране развернулась широкая кампания по реформированию партийных и советских органов, которые должны были разделяться на промышленные и сельскохозяйственные. Создавались также территориальные производственные колхозно-совхозные управления, объединявшие несколько сельских районов. Всего в области организуется шесть таких управлений, а затем, в декабре 1962 года, число их увеличилось до десяти.

Красногорский район в результате реформ оказался в составе Новозыбковского колхозно-совхозного управления, куда входили также Клиновский, Климовский, Злынковский, Новозыбковский и Гордеевский районы. Во главе управления стоял совет, состоящий из 44 человек. Председателем его был начальник управления П.Д. Шаханов, заместителем председателя –

парторг обкома В.В. Буздин. Интересно, что в состав совета входил также заведующий Красногорским районным отделом культуры Филипп Андреевич Герасименко.

Каждое производственное управление должно было иметь свой печатный орган. Таким органом стал «Маяк» – газета Брянского обкома КПСС и областного Совета депутатов трудящихся, издававшаяся в Новозыбкове. Выходила она четыре раза в неделю – по вторникам, четвергам, пятницам и воскресеньям. Редактором «Маяка» назначается М.И. Попков. Поэтому с 22 апреля 1962 года выпуск Красногорской районной газеты «Путь Ленина» был прекращен, а ее редактор А.С. Балалаев стал заместителем редактора «Маяка». На работу в редакцию межрайонной газеты перешли и другие сотрудники бывшей «районки», в частности, В.Д. Мехедов.

Новое издание весьма оперативно освещало хозяйственную и культурную жизнь довольно значительного по территории региона, несмотря на большие трудности с транспортом и связью. Почти в каждом номере газеты печатались заметки, подготовленные штатными и внештатными корреспондентами из Красногорского района. Особенно часто встречались на страницах «Маяка» публикации селькора из Заборья Я. Толстенка, а также сотрудника редакции В.Д. Мехедова.

Одна из статей В.Д. Мехедова была посвящена работе Красногорской средней школы и ее директору Леониду Миновичу Выкочко. Статья называлась «Человек идет к цветам». Здесь в небольшом интервью корреспонденту директор говорил о высоком качестве знаний красногорских школьников и, как следствие, о популярности высшего образования среди жителей Красной Горы. Главное, что привлекало внимание посетителей школы – это обилие цветов с весны и до глубокой осени. Упоминались в статье и учителя Красногорской средней школы, в частности, ее завуч Раиса Степановна Малащенко.

Нередко на страницах «Маяка» печатались острые критические материалы, в том числе в адрес районных руководителей, например, заместителя председателя Красногорского ис-

полкома райсовета – за невнимательность к жалобам местных жителей (статья В.Д. Мехедова «Отберите у Латушко жалобу»). Появлялись также критические заметки о работе местных предприятий пищевой промышленности, торговли, общественного питания (например, о красногорской «Чайной»), о плохом состоянии дорог, мостов, коммунального хозяйства.

И, наконец, о книготорговле. Важным событием в культурной жизни района стало открытие в январе 1949 года книжного магазина. Он находился в самом центре Красной Горы, в небольшом деревянном здании, занимаемом сегодня магазином «Смак». С 1953 года книжным магазином заведовал Александр Иванович Грибов, участник Великой Отечественной войны, человек, до глубины души преданный своей профессии.

Разумеется, работа оказалась непростой. Ведь продавец книжного магазина нередко должен был давать консультацию покупателю: рассказывать о книжных новинках, о новых подписных изданиях. Посетителей в магазине всегда было много: учителя, врачи, пенсионеры, школьники. Приезжали в Красную Горку за покупками и из соседних городов, даже из Брянска. Здесь принималась подписка на собрания сочинений русских и зарубежных писателей, постоянно были в продаже новинки художественной и научно-популярной литературы. Можно сказать, что благодаря этому магазину в районе во многих домах появились личные библиотеки, а книга стала считаться большой ценностью.

Но, как известно, реформы в стране продолжались, и вскоре из состава Новозыбковского производственного колхозно-совхозного управления выделилось Клинцовское управление, в состав которого вошел и Красногорский район. А затем началось укрупнение районов: Клинцовский, Красногорский и Гордеевский объединялись в один с центром в Клинцах. Читатели стали получать клинцовскую газету «Труд». Надо сказать, что и журналисты «Труда» почти в каждом номере давали оперативную информацию о красногорской земле – о новостройках,

о работе сельских тружеников, учителей, рабочих местных предприятий.

Таким образом, в результате проведенных преобразований Красная Гора потеряла статус районного центра и стала обычным селом. Здесь находились только сельский совет (председатель исполкома А.Н. Полуботко) и центральная усадьба колхоза «Красная Гора». Население бывшего райцентра стало уменьшаться, село покинули не только административные работники районного аппарата, но и некоторые работники культуры, а также учителя, врачи.

Но культурное строительство в Красной Горе и в середине 60-х годов продолжалось. Так, в 1965 году сдается в эксплуатацию трехэтажное здание средней школы, директором которой был в этот период М.И. Грибанов. Переход в новое здание позволил впервые за многие годы организовать работу школы в одну смену, оборудовать новые учебные кабинеты, открыть школьный краеведческий музей. Основатели музея – учителя А.И. Снытко и Е.В. Снытко. Музей разместился в трех комнатах на первом этаже школы и состоял из двух отделов: «Далекое прошлое Красной Горы» и «Комната боевой славы».

Появилась в эти годы также пристройка к Дому культуры, в которой разместился кинозал на 300 мест. Это позволило не только наладить в Красной Горе показ широкоэкранных фильмов, но и принимать на гастроли различные творческие коллективы.

С мая 1964 года Красногорский сельский Дом культуры возглавляла уже упоминавшаяся талантливая исполнительница русских народных песен Лидия Терентьевна Плотникова. Именно в это время в Клинцах проводился районный смотр народной песни. Лидия вместе со своей сестрой Марией участвовали в этом конкурсе с белорусской песней «Рушники» и в итоге заняли призовое место. Вскоре талантливых сестер отправили на областную конкурс в Брянск, а затем и в Ленинград. Девушки и там покорили своими прекрасными голосами публику и получили звание лауреатов. В дальнейшем Лидия Терентьевна Плотни-

кова – неперенная участница многих концертов художественной самодеятельности в Красной Горе, многочисленных конкурсов и фестивалей в Клиновском районе и Брянской области.

С восстановлением 30 декабря 1966 года Красногорского района открылась новая страница в культурной жизни края.

Литература

1. ГАБО, ф. № 1336, оп. 1, лл. 1 – 126.
 2. Выхочко, Л.М. Как это было. Кн. 2 / Л.М. Выхочко. – Новозыбков, 2005. – С. 203-287.
 3. Снытко, В.А. Народное образование в послевоенные годы (На примере Красногорского района Брянской области) / В.А. Снытко // Актуальные проблемы науки и образования : сборник материалов междунар. науч.-практ. конф. Ч. 3. – Брянск, 2006. – С. 23 – 26.
- Снытко В.А., Снытко Э.В. Из опыта работы школьных производственных бригад в 50-80-е годы (На примере Красногорского района). – Там же, С. 26-28.

С.В. Мурашкина,
*заведующая сектором Брянской областной
научной универсальной библиотеки
им. Ф.И. Тютчева*

Коллекция местных изданий Брянской областной библиотеки как часть культуры региона

Краеведение – средство сохранения социальной памяти, изучения культурного наследия, «воспитывающая наука», как назвал ее академик Д.С. Лихачев.

Важнейшим источником познания прошлого и настоящего нашего края служит фонд краеведческой литературы.

Фонд формировался вместе с созданием библиотеки в послевоенный период на основе поступлений из Государственного фонда литературы и фондов других библиотек, кроме того, определенное количество изданий было получено в дар от частных коллекционеров. В настоящее время полноценное комплектование фондов библиотеки обеспечивает закон Брянской области «О местном обязательном экземпляре документов».

В 1944 году библиотека получила 60 тыс. экземпляров литературы, в том числе и обязательный экземпляр. Это и послужило созданию коллекции местных изданий. Коллекция насчитывает около 8 тыс. документов, изданных на территории Брянской области. В состав фонда входят как дореволюционные, так и современные издания.

Особое место в коллекции местных изданий занимают материалы губернского и уездного земств: доклады, отчеты, журналы за разные годы. Одно из первых изданий этой коллекции «Журналы 8-го очередного Карачевского Уездного Земского Собрания с 30 сентября по 9 октября 1873 года», изданные в Орле, в типографии князя Оболенского, в 1874 году. Ценность этих документов для историков и краеведов определяется, прежде всего, тем, что, с одной стороны, в них из года в год по-

мещается примерно один и тот же набор формализованных статистических данных, хорошо сопоставимых между собой, а, с другой, в регулярном характере их издания. Это позволяет год за годом детально отслеживать изменения, происходившие в различных сферах жизни нашего края.

Среди существовавших на Брянщине монастырей и храмов наиболее древние – Свенский Успенский Монастырь и Брянский Покровский Собор. Сведения о них можно найти в следующих изданиях: «Брянский Свенский Успенский монастырь» архимандрита Иерофея (отпечатано в Орле в типографии М.П. Гаврилова в 1895 году), историко-археологическое исследование протоиерея В. Попова «Брянский Покровский Собор» вышло в свет в 1907 году в известной орловской типографии П.Н. Хализева. Предлагаемые материалы напечатаны в своем первоначальном виде, почти без всякой обработки, чем сохраняется достоинство их как исторических документов.

Большой интерес представляют имеющиеся в фонде журналы и газеты 20-30-х годов, которые являются незаменимыми источниками для краеведческих исследований всех направлений. Это журналы: «Коммунист» – орган Брянского губернского комитета РКП(б) за 1922 и 1923 годы, «Жизнь профсоюзов» – журнал Брянского Губернского Совета профсоюзов за 1920-1922 годы, «Коммунар» – орган Брянского Губкома ВКП(б), с 1926-го по 1929-й годы.

Из частных книжных собраний, переданных библиотеке в разное время, особый интерес вызывает личная библиотека геолога, краеведа А.В. Арсентьева. Он передал библиотеке 750 экземпляров книг по географии, геологии, природоведению, в том числе краеведческого содержания. В коллекции Арсентьева нет случайных книг. Каждая книга представляет, как библиографическую, так и краеведческую ценность. Среди них: «Почвы водосбора верхнего течения р. Десны, в пределах Орловской губернии» (Тула, 1910), «Список населенных мест Брянской губернии» (1928), Жирмунский А.М. «Общая геологическая карта

Европейской части СССР» (М.-Л., 1937). Небольшая по объему книга самого собирателя «Ископаемые богатства Брянской области» (Брянск, 1949) интересна в первую очередь тем, что это первое послевоенное краеведческое издание.

Достойное место в коллекции местных изданий занимают труды ученых Брянских ВУЗов. Особый интерес вызывают «Труды Брянского института транспортного машиностроения» 1959 года издания. Именно этот труд в коллекции местных изданий стоит под номером один.

С именем Бориса Вадимовича Гроздова связана целая эпоха развития лесного дела на Брянщине. По сей день не утратили своего значения труды этого ученого: «Леса Брянской области», «Лесные травы», «Тайны зеленого мира».

В настоящее время труды ученых Брянской государственной технологической академии известны как в Брянске, так и далеко за ее пределами. Среди них монография «Система Fe-c-Sr и переход от нее к системам Fe-c-Cr-Si: термодинамический и термокинетический анализ. Расчет, построение и использование диаграмм» профессора Григория Ильича Сильмана – заслуженного деятеля РФ, академика Нью-Йоркской АН, академика АН Экологии и безопасности жизнедеятельности, зав. кафедрой ТКМ и РМ. Имя Сильмана Г.И. занесено в указатель членов Нью-Йоркской академии наук, изданный в Нью-Йорке в 1996 году.

Уникальность книжного собрания библиотеки определяется и особенностями хранящихся в нем экземпляров – владельческими и читательскими пометками и записями, экслибрисами и автографами. Это те неповторимые признаки, которые делают книгу редкой, особенной, отличающей ее от любых других экземпляров. Они могут рассказать нам о том, где побывали эти издания, прежде чем попасть на полку нашей библиотеки, с какими людьми и событиями были связаны.

По штампам библиотек, которые сохранились на книгах, можно проследить, насколько велика география формирования фондов.

Часть книг из коллекции местных редких изданий принадлежала Императорской Публичной библиотеке, именно штамп в виде российской императорской короны и аббревиатуры ИПБ с указанием года говорит об этом. Также на книгах имеются штампы Публичной библиотеки в Москве, Одесской государственной библиотеки, Пермской Городской Общественной библиотеки и других библиотек.

На издании «Краткий отчет о пробной работе по установлению оснований оценки земель в Суражском уезде» (1913) имеется экслибрис библиотеки генерального и главного штаба 1811 года. Затем эта книга хранилась в Публичной библиотеке в Москве, о чем свидетельствует штамп библиотеки.

Издание протоиерея В. Попова «Брянский Покровский Собор» (1907) уникально тем, что на странице имеется старая сургучная печать Спасо-Поликарпова монастыря.

Особую коллекцию составляют издания с автографами современных авторов. Среди них – авторские произведения писателей, ученых, краеведов, людей самых разных профессий. Экземпляр с памятным автографом всегда интересен. Если пойти по следам автографа, то его строчки оживут и вызовут много воспоминаний. Автографы – это пожелания библиотеке и библиотекарям, это мысли о Брянске и брянцах, о дружбе авторов книг с читателями и библиотекарями. В фонде библиотеки имеются автографы на книгах: И.В. Казакова, В.Г. Горбачева, С.Я. Гехтляр, В. Буглаева, И. Щвеца, Н. Грибачева, Н. Поснова и других.

Один из последних даров автора состоялся совсем недавно. Владислав Сергеевич Пасин – известный на Брянщине как неутомимый исследователь истории и культуры нашего древнего края – подписал свою новую книгу «Звенела шпагой острая строка...», изданную в Брянске в 2007 году.

Неразрывно связано с родным краем творчество Брянских писателей. Более 50 членов Союза писателей России состояло в рядах Брянской писательской организации со дня ее образования (3 октября 1963 года). В разное время председателями

Брянской писательской организации были А.С. Козин, В.К. Соколов, А.Н. Саввин, Н. Поснов, В.С. Козырев, А.К. Якушенко. Произведения этих авторов составляют основу фонда краеведческой литературы. Это романы «Рождаются вновь», «Операция на сердце» Алексея Козина, «Атаман Брянского леса» и «Емельян Чернодыр» Владимира Соколова, трилогия «Чародеи» Александра Саввина, поэтические сборники Николая Поснова и Виктора Козырева, «Речка снов» Александра Якушенко.

И эта уникальная коллекция, хранящаяся в областной библиотеке, является региональным достоянием.

Содержание

Брянщина и брянцы в истории России	3
Сычев К. В. <i>Князь роман Глебович</i>	3
Кочегарова Н. Л. <i>Основные направления деятельности благотворительных обществ в Брянском крае на рубеже XIX-XX веков</i>	7
Поляков Г. П. <i>К истории изучения благотворительности на Брянщине в конце XX – начале XXI вв.</i>	26
Бобков В. А. <i>Брянский арсенал I разряда в 1910-1919 гг.</i>	31
В. П. Алексеев. <i>Родословная роспись брянских дворян Алымовых</i>	53
Осипов Б. В. <i>Известный военный деятель и дипломат (генерал-лейтенант Н.В. Славин)</i>	61
Акиншина Н. Е. <i>Знаменитые люди Унечского района: Мария Николаевна Косич</i>	65
Чубур А. А. <i>Петр Армашевский – ученый и гражданин</i>	73
Симоненко В. Е. <i>Профессор-биолог А.В. Федосов (1894-1969 гг.)</i>	82
Деханов В. Г. <i>Евтихий Карпов и Вера Комиссаржевская</i>	86
 Культура, образование Брянского края. История краеведения	96
Куликова О. Ю. <i>Развитие идей П. Н. Тиханова в деятельности библиотек Брянской области</i>	96
Ронжин А. В. <i>История родного края с 90-х годов XIX века до начала Великой Отечественной войны в местных публикациях 1970-1980-х годов (краткий библиографический обзор)</i>	103
Бабодей В. Д. <i>Школа №1 (им. Калинина) города Стародуба в дореволюционные и первые послереволюционные годы</i>	119
Крашенинников В. В. <i>Из истории монастырей Севского уезда в 1620-1760-х гг.</i>	131
Богдан Л. Н. <i>Из истории Селеченской Церкви Покрова Пресвятой Богородицы</i>	154

Афонькина А. М. <i>Сельские священники на рубеже XIX-XX вв.</i>	162
Афонькина А. М., Розанова Ж. Л. <i>Церковно-приходские летописи к. 19 – нач. 20 вв. в Государственном архиве Брянской области</i>	167
Снытко В. А. <i>Культурная жизнь Красногорского района Брянской области в 1943-1963 годах</i>	176
Мурашкина С. В. <i>Коллекция местных изданий Брянской областной библиотеки как часть культуры региона</i>	196